

ISSN — 0134 — 241X

уральский ^У 9
СЛЕДОПЫТ 1992

АЭЛИТЫ-92

22—24 мая на территории спортбазы «Динамо» по биатлону, что в двенадцати километрах от столицы Среднего Урала, состоялся — вот уже в 11-й раз — наш традиционный ежегодный праздник фантастики.

Лауреатом «Аэлиты»-92 стал наш земляк — екатеринбуржец Сергей Александрович Другаль.

Одновременно обрели своих владель-

цев и два других наших приза.

Приз имени И. А. Ефремова — за вклад в развитие отечественной фантастики — присужден петербургскому писателю Андрею Дмитриевичу Балабухе.

Приз «Старт» — за лучшую первую книгу — вручен тоже петербуржцам Александру Тюрину и Александру Щёголеву.

Учредители —
Союз писателей России,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудоустрой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Виктор АСТАФЬЕВ,
Юрий ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».

Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий»

Сдано в набор 07.09.92.
Подписано к печати 16.10.92.
Формат бумаги 84×108 1/16.
Бумага газетная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 11,35.
Усл. кр.-отт. 10,08.
Тираж 109 500.
С. — 044.
Заказ № 440.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург,
ул. Тургнева, 13.

2

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ...

Что общего между поэзией и минералогией?
Теория, выдвинутая великим поэтом, легла через сто лет в основу цветного телевидения. Это — Гете.

Т. Буруновская

4

СТИХИ

Е. Изварина, А. Рахвалов, А. Драт

5

КАКАЯ ОНА — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ?..

Приглашение к разговору

6

РАТОБОРЕЦ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

Освободитель Москвы от поляков, «светлый воин Земли Русской», забытый русским народом.

И. Алебастров

10

НОСИЛОВ СПОРИТ С НАНСЕНОМ

Уральский писатель и краевед о проблеме Северного морского пути.

Л. Осинцев

11

ПОДЗАЩИТНЫЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО

А. Коровин

12

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ТЕРПСИХОРА

Ю. Сытников, Л. Злоказов

15

КЛАД ПО ВЕТРУ

Н. Кулешов

16

БИТВА ПРИ «ТРАФАЛЬГАРЕ».

Рассказ

Е. Пинаев

22

ИЗМЕНА. Рассказ

О братьях наших меньших.

Н. Чемезов

25

«ЗАПАХИ МИНДАЛЯ». Притчи

С. Георгиев

27

СЕРЫЙ. Фантастическая повесть.

Борьба светлых и темных сил за серых людей, готовых на любые поступки.

Н. Орехов, С. Орехов

56

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ

ВОЙНЫ. Фантастический рассказ.

С. Другаль

57

ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА?

Школа выживания — результат коллективного труда родителей и педагогов, попытка максимального испытания в экстремальной ситуации.

61

БРЮКВА

А. Семенин

62

МИР НА ЛАДОНИ

62

ИСТИНЫ ИЗ АЗБУК

Букварь — наш первый учебник. Более 150 штук их в коллекции настоящего учителя Григория Михайловича Некрача.

уральский
СЛЕДОПЫТ

1992

9

«Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений».

Р. Декарт

Татьяна БУРУКОВСКАЯ

„ что в имени тебе моем... „

Это было не просто слово. Это была загадка, скрытая в названии минерала.

Среди почти трех тысяч разнообразных минералогических названий меня заинтересовало лишь одно — гетит. Показалось странным, что обычная железная руда названа в честь Гете. Много имен ученых, путешественников, коллекционеров, монархов, космонавтов увековечено в минералогическом каталоге, но каждому такому названию была причина.

Что же побудило (и кого?) присвоить минералу имя великого поэта?

Вопрос возник еще тогда, когда я, студентка университета, зубрила химические формулы, названия бесчисленных, казалось, минералов, известных на планете. И началось какое-то наваждение. Готовлюсь к семинару по физике и буквально зачитываюсь «Учением о цвете» — чьим бы вы думали? — Гете. Именно он, оказывается, создал теорию, пригодившуюся (правда, более чем через сто лет) при создании цветного телевизора.

Учу геоботанику — оказывается, Гете писал о листе как основе растительного мира и форме, непрерывно переходящей из одной в другую. «Метаморфоз растений» — так назвал он свой труд по ботанике, в котором за семьдесят лет до Дарвина высказал идею эволюции.

Он не искал открытий, но, наблюдая и исследуя, смотрел на все явления природы свободным взглядом дилетанта (от итал. — дилетто — удовольствие) и просвещенным разумом гения. Он делал открытия потому, что был готов к ним.

Удивление многогранностью научных изысканий Гете буквально ввело меня в азарт. Метеорология... Ага, нашла: Гете занимался ею систематически, вел наблюдения погоды, даже написал стихи на эту тему и труд «Опыт учения о погоде».

Ландшафтоведение и экология, то есть науки о взаимосвязи, единстве всех компонентов природы... Неужели найду у Гете эту «интегральную схему» мира? Читаю «Избранные сочинения по естествознанию» — и нахожу.

Однажды пути-дороги коллекционера камней привели меня в Карелию.

Было начало лета — время белых ночей, сдержанных гармоний. От Кивача я двигалась на юг, обходя бесчисленные зелено-ржавые болота, в которых железо, вовлеченное в извечный круговорот веществ, сначала накапливается растениями, потом вместе с ними, отмершими,

попадает в почву или в воду, а ручейки и реки выносят растворимые соединения железа в озера. Здесь особая группа бактерий осаждает гидроксиды железа, которые оседают на дно и образуют залежи руд.

Кстати, немалая доля в этих рудах принадлежит минералу гетиту. В природе он встречается нередко, но большей частью в виде корочек, сосул, желваков. А я искала образцы с изящными игольчатыми кристаллами, которыми во времена «веселой императрицы» Елизаветы Петровны славился Волк-остров на Онеге. Там волоски гетита иногда не только соседствуют с драгоценным аметистом, но и заключены в его лиловые прозрачные кри-

сталлы. Это за ними, «волосатиками», посылали на Волк-остров «сыскных людей» — и модница Елизавета, и ценительница камня Екатерина II.

Как-то мое внимание привлекла рыжая глыба странной горной породы. Желая рассмотреть ее строение, я отыскала трещину и ткнула по краю молотком. Обломок не упал, а только нехотя сдвинулся с места. Не без труда я отделила его от глыбы и повернула сколом к себе. Но что это?! В куске зияла полость, усыпанная сверкающими льдинками хрустала и густо поросшая черными игольчатыми кристалликами. Вот это находка! Гетит!

И опять подумалось: какое странное у него название. По прихоти оно дано или была причина?

Для начала я решила заново перечитать изданные на русском языке художественные произведения И.-В. Гете в надежде встретить в них упоминание или даже «портрет» гетита. Но никаких намсков на этот минерал там не оказалось.

Зато как щедро населены его книги другими породами и минералами! Какая богатая коллекция получилась бы из гетевских россыпей самоцветов, руд, пород! Какие разные, тонко осмысленные роли отведены им в прозе и стихах!

*Вот и рубин, но он поблек
Перед твоим рубином щек.*

Или:

*Сердоликовый талисман
Тем, кто верит, во благо дан.
Но касайся, как святыни,
Талисмана, что в рубине,
С ним ни хворь, ни слез, ни враг
Не разрушат твой очаг...*

(Западно-восточный диван.

«Благоподатели». Пер. В. Левина)

«Тем, кто верит...» А сам он, что же, к их числу себя не относил? Значит, не слепая вера — удел непроswещенных — а опыт, знание, любовь к камню водили пером поэта?

С какой вдохновенной надеждой искала я все новые и новые подтверждения этой догадки! И находила. Вот, например, строки из «Фауста»:

*Ты знаешь, горцам тайна гор открыта.
К природе близки эти племена.
Они прочли давно в кусках гранита
Ее рунические письма.*

Подхожу к шкафу, где разместились моя коллекция, и вынимаю из ящика с гранитами любимый образец. По белой «страннице» камня бегут дымчато-серые «строчки» — не то вавилонская клинопись, не то скандинавские руны. Только читать их следует как плотнейшее срастание кристаллов дымчатого кварца и полевого шпата, одновременно возникших в недрах земли из глубинных расплавов гранитной магмы. А это значит, что «рунические письмена» — запись подземной судьбы, визитная карточка диковинной горной породы, имя которой — письменный гранит.

Ветвятся в теле Земли «графические» каменные жилы, таятся в них раздувы — погребя, в которых припала природа сокровища — кристаллы драгоценных самоцветов. И тот, кто научился «в кусках гранита» читать «рунические письмена», но чуть заметным признакам поймет, где, на каком участке жилы ждет его удача.

Но эта «тайна гор» открыта лишь тем, кто «к природе близки». Значит, и ему, Гете — поэту, адвокату, министру. Правда, уж очень далеки эти занятия от геологии. В моих поисках чего-то недоставало. Какого-то штриха. Быть может, расшифровки смысла этих строк:

*Они провидят, глядя сквозь кристалл,
Земли неотвратимые события.*

(«Фауст», ч. II)

Кристалл — это от греческого «кристаллюс», лед. Или горный хрусталь, о котором древнегреческий философ Теофраст в трактате «О камнях» писал, что этот минерал есть переохлажденный лед, утративший способность таять.

Наивное представление о природе хрусталя опроверг английский физик и химик XVII века Роберт Бойль, в простейшем опыте сопоставив плотность льда и «кристалла».

И все же сравнение со льдом не было случайным: хрусталь так долго не принимает чужое тепло, что египетские жрецы и римские патриции в жару охлаждали руки хрустальными шарами.

А индийские маги, жрецы Халдеи, Вавилона, прорицатели Эллады и Рима пользовались такими шарами для «вызывания духов» на спиритических сеансах. Отдал дань «магическим» шарам и знаменитый врач эпохи Возрождения алхимик Парацельс, написавший трактат «Как закаливать кристаллы, чтобы в них можно было видеть все».

Уж не за ним ли следом пишет Гете: «Они провидят, глядя сквозь кристалл»?

Строка стихов, мысль их создателя уводят мой поиск в пору юности поэта.

Ему едва минуло девятнадцать, когда внезапная болезнь заставила покинуть Лейпциг, отказаться от университетских занятий на факультете права и вернуться в отчий дом. Там было мрачно: угадала природная веселость тридцативосьмилетней матери, ожесточилось разочарованное сердце восемнадцатилетней сестры Корнелии, еще мучительнее для семьи стал деспотизм старика отца, сильнее страдала его душа, ограбленная непомерным тщеславием и осознанием несостоявшейся карьеры. Единственной надеждой на реванш стал для Каспара Гете сын Иоган-Вольфганг. На нем отец сосредоточил свой просветительский пыл, сам обучал мальчика, приставил к нему множество учителей и, в результате, напичкал одаренного ребенка невообразимой суммой знаний, привил страсть к их приумножению и даже навыки стихотворчества. Но именно это изысканное дилетанство стало началом универсальности гетевского гения.

Его осмыслят потом, когда уже будет написан «Фауст» и в нем — строки про магический кристалл, а пока...

...Пока тяжело больной девятнадцатилетний автор од и романтических пасторалей, юный скептик и насмешник, ученик Вольтера вверен заботам врача, увлеченного оккультными науками и трудами алхимиков. И пациент, подавшийся влиянию доктора не столько из богоискательства,

сколько из любопытства, с карандашом в руках читает старинные фолианты, а среди них —opus Парацельса о «магических кристаллах».

Почти шестьдесят лет пролегло между этой порой и временем, когда была написана строка «Фауста» о чуде-действе хрусталя. Сколько событий минуло за этот срок, но никогда, ни в творчестве, ни в жизни Гете не рвется нить, связующая впечатления былого и настоящего, не угасает любопытство, не притуляется умение смотреть и видеть, исследовать и постигать. В какие же еще глубины биографии поэта уведет из его стихов след минералов? Где искать истоки не дилетантского знакомства с ними, а постижения, основанного на опыте?

Слово «Ильменау», стоящее заглавием к «Стихотворению на случай», давало мне надежду, поскольку упоминало о горных разработках, которые велись тут еще в XIV веке.

Ильменау! Это — в Тюрингии, недалеко от Веймара. Именно сюда, в центр Саксен-Веймар-Эйзенахского герцогства, по приглашению восемнадцатилетнего герцога Карла Августа 7 ноября 1775 года приехал автор полубившегося публике романа «Страдания юного Вертера».

Сначала он был принят герцогом как интересный собеседник и покоривший всех поэт, но вскоре Карл Август ввел его в тайный совет, то есть в министерство. Не так уж много знает история случаев, когда поэту дается не роль придворного, а власть государственного мужа.

Деятельный ум Гете уже наметил точки приложения творческих сил и пути осуществления замыслов. Один из них был направлен на возрождение заброшенных горных разработок Ильменау. Гете организует и возглавляет Управление горными промыслами. В письме другу И.-Г. Мерку он признается: «С тех пор, как я занялся проблемами рудника, я всей душой погружаюсь в минералогию».

Тюрингия, Гарц, Рудные горы, Саксония, Швейцарские Альпы, Богемия, Италия видели Гете не только гостем, путешественником, но, в большей степени, исследователем и коллекционером. Академик В. И. Вернадский писал: «Собирание коллекций было для Гете не препровождением времени любителя-знатока, оно было одним из способов научной работы».

Минералогическая коллекция Гете насчитывала около 10 тысяч образцов, большинство из которых собраны им лично. Немало экспонатов было получено из разных стран, в том числе — из России.

Оживленная переписка и многолетняя дружба связывала Гете с русскими минералогами-любителями графами А. К. Строгановым и А. К. Разумовским, князем Д. А. Голицыным, чья коллекция легла в основу собрания минералов и горных пород Иенского университета, который курировал Гете. Постоянным корреспондентом Гете был профессор медицины Х. И. Лодер — уехавший в Россию друг поэта.

Из письма российского министра финансов Е. Ф. Канкрин известно, что коллекция Гете была открыта для некоторых питомцев «нашего Горного корпуса». Более того, еще в 1805 году И.-В. Гете избран членом Московского общества испытателей природы, в 1818 году — почетным членом Петербургского минералогического общества, в 1826 году — почетным членом столичной Академии наук. Он помогает подобрать профессоров для создаваемого Харьковского университета и принимает у себя дома, в Веймаре, русских учеников Горной академии города Фрейберга, составляет коллекцию, снабженные подробнейшими описаниями, и отправляет их в Петербург.

Сохранились записи Петербургского минералогического общества, где значится, что в 1819 году Гете прислал 153 образца минералов и горных пород.

А эти строки относятся к 1830 году: «Гете, знаменитый германский поэт, прислал значительное число горных пород и других ископаемых, находящихся в окрест-

ностях Карлсбада в Богемии, с подробнейшим печатным описанием оных на немецком языке. Сие приношение тем примечательнее было для общества, что было получено от мужа, коего прелестные творения известны всему свету».

Но только ли «прелестные творения» выходили из-под пера гения? Наиболее полное собрание его произведений, известное как «Веймарское издание», составляет 143 тома. Два из них полностью отданы научным трудам Гете по геологии, минералогии и петрографии.

Впрочем, отчетливо изложенные геологические познания Гете нашли свое место и на страницах его последнего романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Здесь — и все имевшиеся к тому времени гипотезы о мироздании, и собственные представления о структуре недр, и, конечно, минералы...

Но вот дочитана последняя страница великого наследия «царя поэтов». И я ловлю себя на мысли о том, что, следуя за камнем, одухотворенным Гете, как бы увидела часть его огромной, собранной за шесть десятилетий минералогической коллекции.

А ведь, по свидетельству современников, там были удивительные образцы! И в их числе — аметист с Волкострова на Онежском озере, густо-лиловый, пронизанный иголочками гетита. Правда, в Германии он был известен прежде под названием «игольчатая железная руда». В России, где этот минерал впервые обнаружили, он получил название «онегит» — по месту находки на Онего-озере. Но... свойства онегита не были описаны, образцы то ли не попали в Петербург, то ли затерялись, а посему название это в литературе о камнях не прижилось. И открытие онежской игольчатой руды состоялось не в России.

Начальник Олонцкого горного округа Фуллон, француз на русской службе, направил в Сорбоннский университет большую коллекцию горных пород и минералов, собранных неизвестными олонцкими горными мастерами. Среди минералов, новых для западноевропейских ученых, оказался игольчатый железняк. Исследовав его известный французский минералог аббат Гаюи. Он-то и назвал новинку с берегов Онеги фуллонитом в честь «первооткрывателя» Фуллона. Однако недолго жил минерал под этим именем. Обнаружился один из вариантов фуллонита — тоже гидроксид железа, но не черный игольчатый, а рубиново-красный пластинчатый. Эту разновидность минералог И. Т. Ленц¹ еще при жизни Гете и предложил назвать гетитом, отметив таким образом огромный вклад в геологическую науку поэта и мудреца натуралиста. Идея И. Т. Ленца так всем пришлась по вкусу, что ее «расширили», распространив название — гетит — на все известные в природе гидроксиды железа — пластинки, волоски, сросшиеся в шары, сосульки, корки, скорлупки, стянутые бобообразно, а также в виде коконов, монеток. Вышло из употребления курьезное название игольчатой железной руды — фуллонит. Исчезла двойственность имен, и торжествует двуединая суть:

*Природы и искусства расхождение
Обман для глаз: их встреча выполняма.
И для меня вражда их стала мнима,
Я равное питаю к ним влечение.*

(Гете И.-В. «Природа и искусство»)

Все то, что вызвало когда-то к жизни эти строки — привязанность, интересы, философия, судьба великого поэта и натуралиста — открылось мне теперь в названии гетита.

И в этом я вижу не просто разгадку слов, а высший его смысл.

*Слайды Н. Маркова
см. на 1-4-й стр. обложки*

Евгения ИЗВАРИНА

* * *

Да, вы, наверное, правы:
Осень недалеко.
Треплет придонные травы
Пасмурная река.
И это совсем не жестоко —
В предутренние часы
Следить, как седеет осока
Под паутиной росы.

Александр РАХВАЛОВ

У РЕКИ

Потянется к первому снегу душа,
А он облетает, сверкая, в кошечку.
Над каждой снежинкой
Колдует Левша,
Как будто примеривает подковку.
И цокает снег.
Что ему, рысаку?
Врывается в зиму на полном скаку.
И я выбиваюсь из тесной судьбы,
Отчаянный бег принимаю, не каюсь.
И пью из реки...
А из нижней губы
Сосулька растет
И звенит,
Рассыпаясь.

Александр ДРАТ

* * *

Не оглашает птиц веселый лепет
Рождение дня, встающего во мгле...
Сплетение ветвей в озябшем небе —
Как трещины на лопнувшем стекле.
Пылают листья, облетев к ногам,
Но тушит дождик жар костров пунцовых,
В нечетком отраженьи вод свинцовых
Задумчивы и строги берега...
Нет, все же есть своя неповторимость
В текущем дне садов и берегов:
И чистота, и мудрость, и... ранимость
В преддверьи наступающих снегов.

Рисунок Татьяны Худобородовой

¹ И. Т. Ленц (1748—1832) — организатор Минералогического общества в Иене. С 1813 года председателем этого общества был Гете, принимавший самое деятельное участие в создании одной из крупнейших тогда минералогических коллекций при Иенском университете.

Какая она — первая любовь?..

Странное это явление — первая любовь... Кажется, на эту тему можно говорить, не переставая; но стоит взять в руки шариковую ручку, как мы тут же вынуждены признаться — нет, не знаем мы, что это такое... Была ли она в нашей жизни? Много или мало значила? Какое-то щемящее чувство тоски осталось по тому, что прошло, или, может быть, не случилось вовсе... Понимаете, принципиально важно понять: то, что доведось пережить, было так же, как у Ромео, Петрарки, Пушкина, или по сравнению с великими именами как бы второсортное, если не третьесортное?

...Какая она — первая любовь? Я, например, острее всего ощущал близость женщины, влюбленность, волшебство, желанность в восьмом классе, когда впервые пригласил на танцах девушку. Мы переминались с ноги на ногу, на расстоянии вытянутых рук — танцевать я не умел, да и сейчас не умею. Она держала ладошку где-то у моей шеи, а я аккуратно, как хрустальную вазу, обнимал ее за талию и пальцами понимал, как она гибка и хороша.

До конца жизни, наверное, буду безнадежно мечтать хотя бы на мгновение снова ощутить тот трепет. Так, может, этот миг и был первой любовью? Или ею было невысказанное чувство в девятом классе, или много позже?..

Много лет назад, когда заканчивался «последний звонок», в нашем 10-м «Б» состоялся очень важный разговор. Вспоминая все десять лет, прошедшие в школе, мы начали выяснять, кто кому нравился и кто кого скрытно любил. Поскольку «тогда» мы были как бы маленькие, а «теперь» стали взрослые, то стало можно сказать вслух свои детские потайные мысли. Хотя все, по-моему,

понимая, что шутейность разговора не более чем броня, и мысля эти далеко не детские. Расставаясь со школой и друг с другом, мы пользовались последней возможностью признаться в любви, пусть даже с большим опозданием. Слишком тяжело было бы так и не сказать Маринке, что ее косички в четвертом классе недаром не давали тебе покоя.

В общем, наступила минута откровения. Я не сомневаюсь в искренности моих одноклассников и одноклассниц в ту выпускную ночь. Самым невероятным мне показалось то, что именно те девчонки, по которым я тайно вздыхал, в это же время были тайно влюблены в меня. И ладно бы — в четвертом классе; а то ведь всего год назад я и она любили друг друга, но так и не соznались. Более того, даже предположить ничего подобного не смели!

Это был удар и, может быть, единственная крупица мудрости, которую я за десять лет приобрел в школе. Но, к сожалению, приобрел только в последний день. Мы прогулялись в последний раз все вместе, разошлись, и с тех пор я очень редко вижу бывших своих одноклассников. Так уж сложилось. А ведь стоило мне тогда набраться смелости, подойти и сказать — как все было бы иначе. У меня была бы другая юность — то, что я так жадно выискивал в книгах, возможно, стало бы реальностью моей жизни.

Говорят, что ни делается — все к лучшему. Как сложилось, так и сложилось. Но и сейчас, спустя пятнадцать лет, я все-таки жалею о той своей робости...

Наверно, наступило время подумать, что-то понять и подвести определенный итог. Молодость, видимо, заканчивается, раз потянуло детство вспоминать. Каждый человек

когда-нибудь подходит к этой черте жизни. Каждый человек — удачливый он или нет, строгий или легкомысленный, высоко взлетевший или на земле стоящий — все равно время от времени оглядывается на свою юность и бродит в воспоминаниях о первой своей любви. Ни на что не похожей, единственной — потому что у всех она разная.

Вот и давайте поговорим о ней, все, кто думает и мучается, кто вспоминает и помнит свою первую, в большинстве своем самую чистую любовь. Поговорим о том, как были счастливы или несчастливы (ведь не всегда любовь бывает счастливой). Положа руку на сердце, сознаемся хоть сами себе, что это было самое светлое, трепетное, самое робкое чувство.

Приглашаю к разговору и пожилых людей. На вашу молодость выпало самое трудное — разруха, голод, война, репрессии. Но ведь любили же, обязательно любили, иначе мы бы не родились! Были и разлука, и предательство, и смерть — но была и любовь... Дорогие старики! Я уверен: ваша память хранит множество прекрасных и трагичных, горьких и светлых историй о первой любви. Жизнь всегда сложнее, умнее и интереснее вымысла. Давайте постараемся — если чувство было сильным, а любовь настоящей — оставить о ней память.

Тема эта очень интимная, поэтому редакция гарантирует, что письма, адресованные мне лично, вскрою и прочитаю только я. Мы обещаем не упоминать без вашего разрешения никаких имен и фамилий — можете даже не подписываться, но лучше подписаться. Вдруг удастся встретиться, или понадобится написать вам, что-то уточнить, о чем-то расспросить подробнее.

Итак, тема — первая любовь. Перефразируя Марину Цветаеву, закончим вопросом: было, есть ли в мире сердце, в котором я хотел и хочу жить?..

На этом пока прощаюсь,
с уважением журналист
Андрей АНЧУГОВ.

И вскоре «свойско» княжича штурмом взяло усадьбу. Мальчишки врывались в кладовые, рылись в сусеках, опустошили кухню, очистили подклети, чай с медовым киселем унесли...

Бестолково бегали по двору растерявшиеся мамки, приживалки, сениные девушки, неумело гонялись за отроками с вениками, а кто и с кочергой. Обаядело осеяли себя крестом заезжие монашки: «Свят, свят, свят! Провеси, господи!..»

Оказалось, что «вонны» увели «в плен» двух дворовых девок... Ну, такое прощать уж никак нельзя было. Но глава дома князь Василий Федорович вернулся из Кремля чем-то встревоженный, невнимательно слушал жалобы жены, отмахнулся:

— Поделом вам, бабам-дурам: не будете княжича голодом морить. Тут от государевых дел голова кругом идет, не до твоей глухой доуки...

— А что такое, свет ты мой Васечка,— сразу при-
смирела княгиня,— али беда какая?

РАТОВОБОРЕЦ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

Игорь
АЛЕБАСТРОВ

Рисунки
Натальи
Ермолаевой

О Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском мало кто знает, он, по сути дела, забыт русским народом. А между тем он первым, до Пожарского, освободил Москву, летописцы называли его «великим ратоборцем» и «светлым воином Земли Русской».

Пятнадцатилетним отроком вступил М. В. Скопин-Шуйский на военную стезю и, можно сказать, всю свою короткую жизнь провел на поле брани...

Княгиня Анна Петровна Скопина-Шуйская (урожденная Татеева) с нетерпением ждала возвращения мужа Василия Федоровича, чтобы пожаловаться на сына, Михаила.

— Больше никакого терпения нет,— говорила она.— В церкви, почитай, с неделю не был, лишний раз лба не перекрестит, одни бесовские игрища на уме да книжки. Ведь Рюрикovich, потомок благоверного Александра Невского, а прост, подлым людям приветлив...

Обычно княгиня, взяв в руки клюку, самолично отправлялась искать неслуха и находила его за Яузой на осаде самодельной крепости. Бывало, что и в нее озорники палили через реку из деревянных пушек репой или горохом. А сам княжич вплавь добирался до дубовой роши — и был таков. Поздно вечером смиренно являлся домой и подходил под благословение, покорно шел под иконы и на коленях вместе с матерью отбивал поклоны.

Все Татеевы были очень богомольны, смиренны, а вот Шуйские, наоборот, отличались непокорным и буйным нравом — недаром иные с плахой познались.

А наутро все повторялось: снова княжич сбежал из дома, иной раз даже до заутрени. А уж сегодня такое отчебучил...

Утром, как обычно, толком не поев, с куском во рту внезапно выпрыгнул в окно.

Присланному сыном отроку Анна Петровна сердито отказала в просьбе «прислать чего-нибудь поесть».

— Государь болен. Того и гляди отдаст богу душу. Миша Скопин на приемах видел царя Федора Иоанновича — второго сына Ивана Грозного. И его смешил вид Федора: малюсенькая голова, уродливые тонкие ножки, вечная слабая улыбка, слюны в углах губ — самодержец «всея великая и малая России» выглядит идиотом. В дворне открыто говорили, что царь — дурак. Он много и часто молился, любил звонить в колокола, за что грозный отец называл его пономарем.

Но не маска ли все это? Тот же Федор любил смотреть кровавое зрелище боя в яме медведя с охотником, вооруженным одной рогатиной.

— Жена Федора, Ирина Годунова, вопит в голос, — рассказывал отец, — правитель государства, ее братец, Борис Федорович Годунов, ходит смурной — лица на нем нет.

— Еще бы, — подхватила мать, — того и гляди: из князя да в грязь! Кто он такой? Холоп, татарин, зять Малюты — и все тут!

— Да, но он — царский шурин.

— Так кто же будет царем? Федор-то — последний в роду Рюриковичей!

Все знали, что Иван Грозный, разъярившись, старшего сына Ивана то ли «остнем поколом!», то ли избил так, что царевич заболел и умер. А за что? За то лишь, что царевич заступился за беременную жену, которую отец пнул сапогом в живот. Ребенок родился мертвым. Младший царевич Дмитрий — от седьмой жены царя Марии Нагой — в Угличе то ли был зарезан, то ли сам закололся в припадке эпилепсии. Молва обвиняла в убийстве боярина Бориса Годунова. Но в смерти царевича больше всех был заинтересован царь Федор и его родня — Романовы. Они вообще не признавали седьмой брак Ивана Грозного и наследником Дмитрия не считали...

— Метят на престол, — рассказывал отец, — И Федор Никитич Романов — двоюродный брат царя, и князь Федор Иванович Мстиславский — первый боярин, и приходимец Богдан Бельский — последний любимчик Ивана Грозного, бывший опричник, и татарский царевич Симеон Бекбулатович — его уж сажал для потехи на царский трон Иван Грозный, ну и, конечно, правитель за Федора Борис Годунов...

— А ты?! — не сдержалась мать.

— Эх, куда хватила! — отмахнулся отец. — Обо мне и речи нет. Вот разве племянш Василий Иванович Шуйский?..

— Скопины постарше его родом.

— Да от царя дальше...

Но Федор в этот раз не оправился.

Род князей Шуйских был самым знатным на Руси. И прав на престол они имели больше, чем московские власти: первый московский князь Даниил был четвертым сыном Александра Невского, а суздальские князья (а от них — Шуйские) были потомками третьего сына Александра Невского — Андрея. Поэтому Шуйские всегда занимали самые высокие посты в Московской Руси, но цари московские всегда смотрели на них с подозрением. Самые знатные Шуйские возглавляли тех, кто боролся за волю и самостоятельность против растущего деспотизма и тиранни московских князей.

Иван Грозный приказал бросить Андрея Михайловича Шуйского на растерзание диким зверям. Знаменитому воину Александру Борисовичу Горбатову-Шуйскому, завоевателю Казани, отрубили голову на льду Москвы-реки. Такая же участь постигла и его пятнадцатилетнего сына. Героя обороны Пскова князя Ивана Петровича Шуйского сослали в Кинешму и там удавили. Один из Шуйских, Иван Губка, как и знаменитый Курбский, бежал от гнева Грозного в Литву.

Родословную Шуйских Миша Скопин с юных лет знал назубок. Его изрядно смешили прозвища предков: Брюхатый, Глазастый, Горбатый, Ноготь, Гребенка,

Бледный, Взметень, Кирдяпа, Скопа, Пупа, Олякиш...

Старшая ветвь Скопиных-Шуйских — от Ивана Скопы — захирела, а младшая — просто Шуйские — расцвела. Мать обвиняла в этом отца:

— Кто такого тютю-матютю не обойдет?! Вот и остался в хвосте. Твой папа, — говорила она сыну, — это Афоня: рубль козе должен...

Но Миша гордился тем, что отец был участником знаменитой обороны Пскова от войск польского короля Стефана Батория.

Мишу Скопина очень интересовал царь Иван. Ведь это при нем завоевали Казань, без боя сдались Астрахань — вся Волга стала русской. И крымский хан был у Тулы разбит «со срамом». И Сибирь покорена. И 25 лет царь Иван воевал «за море», разгромил и уничтожил разбойничий рыцарский Ливонский орден, то есть завершил то, что начали до него великие войны Мстислав Удалой и Александр Невский.

— А какой он был, царь Иван? — спрашивал Миша у отца. Тот отвечал неохотно.

— Царь Иван-от? Ох, не к ночи будь помянут. Ростом велик, поболье тебя. Сухо тело имел, плечи высоки, груди широки. Очи имел сухо, нос протягновенен и покляп. Муж чудного рассуждения и в науке книжного поучения и многоречив zelo. Но и лют был — страсть. Огнем дышал на своих врагов.

— Так на врагов же?

— Ты чего это? — вмешивалась мать. — Царь Иван сыродед был, кровопиец. Своих детей внебрачных душил собственноручно. И нас, Шуйских, всех хотел под корень извести.

— А смелый он был? — продолжал теревить отца Миша.

— Царь Иван-от? Да нет, куда! Под Казанью сробел. Вот и пойми, каков же он был — царь Иван?

В Москве Мишу учили фехтовать, владеть оружием, ездить на коне и играть в шахматы, учили правилам поведения при дворе и в обществе, рыцарскому кодексу.

В 15 лет Миша Скопин стал новиком (до этого считался недорослем), то есть воином-новобранцем. Службу он проходил при царском дворе рындой. Эти знатные юноши, вооруженные легкими бердышами с топорами из серебра, несли охрану царских покоев и участвовали в придворных церемониях.

Миша был последним в роду Скопиных-Шуйских. Впрочем, четверо братьев Шуйских — сыновья героя обороны Пскова Ивана Петровича Шуйского — Василий, Дмитрий, Александр и Иван — потомства тоже не оставили. Прервался на них род Шуйских.

Наступало смутное время, и Скопину-Шуйскому суждено было стать героем Руси...

События развивались стремительно. После смерти благородного царя Федора Иоанновича в 1598 году прервалась династия Рюриковичей, правившая на Руси восемь столетий.

Шуйские надеялись, что престол перейдет к ним, но Земский собор избрал на царство Бориса Федоровича Годунова — брата жены умершего царя, фактически управлявшего страной уже 14 лет, вместо неспособного царя Федора.

Бояре ненавидели незнатного Годунова. Федор Никитич Романов даже с ножом на него бросился.

Страсти разгорелись. Победил Годунов.

Боярская оппозиция была разгромлена. Федора Романова насильно постригли в монахи под именем Филарета. Три брата его погибли в тюрьме. Богдан Бельскому выщипали бороду по волоску, после чего сослали. А Василий Шуйский успел переметнуться на сторону Бориса Годунова.

Михаил Скопин в 18 лет получил чин стольника.

Борис Годунов был мудрым правителем и обещал народу «разделить с ним последнюю рубашку», но ему катастрофически не везло. Три года в стране длился жут-

кий голод, цены на хлеб выросли в 80 раз, ели кору деревьев, бывало и людоедство. Начались восстания.

Однажды Василий Шуйский собрал в глубокой тайне родных в доме Скопных.

— Слух есть, что покойный царевич Дмитрий в Польше объявился!

— Да бог с тобой, Вася! — испугалась Анна Петровна. — Что ты?! Как это покойник может объявиться?!

— А вот так. Живой.

— Да ты же сам вел следствие в Угличе, — сказал брат Анны князь Иван Татев, — и видел убитого царевича.

— А что я? Показали мне мертвого отрока. А была ли то царевич?..

— Ох, лукав ты, Василий. А что государь?

— Бориска-то? Смурной ходит. Гложет его тревога.

Борис и жена его Мария Григорьевна (дочь Малюты — лютейшего опричника при Грозном) вызвали из монастыря Марфу Нагую — мать Дмитрия, а она злобно сказала, что сама не знает, жив ее сын или нет... Нам лишь бы Годунова спихнуть...

Было объявлено, что самозванец — это беглый монах Гришка Отрепьев.

На лобном месте Василий Шуйский всенародно клялся, что лично видел в Угличе убитого царевича. А известия в Москву шли одно тревожнее другого: «Вор занял без боя Чернигов», «Вору сдался Путивль», «Сдались Севск, Курск, Кромы, Рыльск».

Войска Годунова сражались вяло. «Казалось, что у русских не было рук для сечи», — записал в дневнике наемник-иноземец Маржерет. Но при Добрыничах царское войско разгромило самозванца, потом осадило крепость Кромы, где засел атаман Корела.

А 13 апреля 1605 года царь Борис Годунов внезапно умер: изо рта, ушей и носа у него хлынула кровь.

Сын Бориса Годунова шестнадцатилетний Федор Второй правил всего 47 дней. Царская армия перешла на сторону самозванца. Бояре в Москве организовали заговор. Василий Шуйский кричал:

— Неужели будем подчиняться **годуновскому** отродью?!

Народ был за Лжедмитрия, наивно видя в нем «справедливого царя».

Царя Федора Второго и его мать свели из дворца в их старый дом, потом туда явились убийцы. Царица Мария Годунова обмерла от страха и не защищалась. Ее удавили. Юный царь Федор отчаянно защищался. «Четверо долго не могли его осилить», — писал В. Татищев.

Народу объявили, что Годуновы «со страстей померли».

В Кремле воцарился Лжедмитрий. Марфа Нагая публично признала его своим сыном. Василий Шуйский поклялся, что в Угличе был убит не царевич, что Лжедмитрий — царь подлинный.

Миша Скопин-Шуйский был назначен «великим мечником» при дворе. Это его новый царь послал привезти «мать» из монастыря в Москву. На свадьбе Лжедмитрия с польской панной Мариной Мишек Скопин стоял с мечом у трона, а мать его сидела среди боярынь за большим столом.

Внешность новый царь имел отвратную: приземистый, ниже среднего роста, непропорционально широкий в плечах, почти без талии, руки отличались редкой силой и имели неодинаковую длину, на круглом лице не росли ни усы, ни борода, волосы на голове были рыже-

ватые, подле носа росли две большие бородавки; тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

Марина Мишек была бы красива, если б не злое, неприятное выражение лица и синеватые, плотно сжатые губы.

Вскоре выяснилось, что царь — игрушка в руках поляков, которые вели себя в Москве как завоеватели.

Все тот же Василий Шуйский составил заговор против самозванца, но был выдан и оказался на плахе, и топор уже занесен был над его головой, но гонец остановил казнь: Лжедмитрий помиловал Шуйского.

Недолго братья Шуйские посидели в тюрьме. К Мише Скопину царь по-прежнему был милостив.

17 мая 1606 года Лжедмитрий был свергнут. Огромная толпа народа опрокинула охрану и ворвалась в Кремль. Самозванец выпрыгнул из окна, но сломал ногу, его настigli, и Григорий Валуев застрелил его.

Потом труп Лжедмитрия долго лежал на Лобном месте.

Вел толпу Василий Шуйский. И 25 мая 1606 года толпой на Красной площади он был «выкликнут» в цари. Добился своего!

Летописец писал о новом царе: «Ростом мал, умом неясен, очи имел подслеповатые, но книжным обучением был доволен».

Было в ту пору царю Василию Шуйскому 54 года. Еще раз он клялся, что в Угличе был убит царевич Дмитрий. Моши царевича перенесли в Москву и поместили в Архангельский собор.

Увы, воцарение боярина вызвало возмущение в народе. Чернигов, Путивль, Елец, Астрахань сразу же не признали его власть. Началась крестьянская война. Атаманы Иван Болотников (из Путивля) и Истома Пашков (из Ельца) в августе 1606 года начали поход на Москву. У донских казаков появился «царевич Петр» — атаман Идейка Горчаков, занявший Путивль. В Стародубе объявился Лжедмитрий Второй с польскими бандами. Уже 70 городов не признавали власти царя Василия Шуйского.

Смута на Руси достигла апогея. Воевода «царя Дмитрия» Болотников осадил Москву. «Василий Шуйский, — писал дьяк Иван Тимофеев, — был ворами заперт и затворен, как птица в клетке».

В то время Михаил Васильевич Скопин-Шуйский в 20 лет стал воеводой и командующим отдельной армией.

Основную часть московского войска составляла дворянская конница. Вот как ее описал Иван Посошков: «В коннице клячи худые, сабли тупые, а воины неумелые. Я видел что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то, чтобы ему стрелять по цели хорошоенько. Дворяне пекутся лишь о том, как бы домой поскорее, и только и смотрят, чтоб во время боя где-нибудь за кустами притулиться».

У дворян и поговорка была такая: «Дай бог государю хорошо послужить — сабель из ножен не вынимать».

Пехота формировалась за счет крестьянского ополчения. Посошков писал: «У пехоты ружье было плохое и владеть им не умели. Только боронились ручным боем — копьями и бердыщами, да и то тупыми».

Лучше были подготовлены стрельцы, но их было мало.

Русский «наряд» (артиллерия) и тогда был лучшим в мире.

Еще в армии были отряды наемников и казаков, татарская конница и отряды мелких удельных князей.

Управляли движением войска с помощью барабанов. В самый большой из них — набат — били палками восемь человек.

Скопин-Шуйский первым ввел полевое обучение войска.

Редко кого так любили воины, как Скопина-Шуй-

ского. Он умел и убеждать, и вдохновлять.

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, — говорил он воинам. — Знаю, что рану, нанесенную Родице, каждый из вас ощущает в глубине своего сердца.

А события в «смуту» развивались стремительно. На реке Пахре Скопин разбил воеводу Болотникова, но «едва возмогша их, окаянных, осилити». Болотников отошел к Коломне, где соединился с Пашковым. Сюда же пришли рязанские мятежники под руководством Ляпунова. Все они двинулись к Москве.

2 декабря 1606 года у деревни Котлы (близ Коломенского) Скопин-Шуйский наголову разбил войско Болотникова. Искусство воинской науки оказалось сильнее многолюдства.

Летописец писал: «И гнаша же во след их, женуше и секуше, и многое их множество побиша, овех же живых плениша».

Василий Шуйский торжествовал.

Скопин, получивший сан боярина (самый молодой боярин в русской истории), остерегал:

— Забор мы повалили, а столбы остались.

Царь прибыл к войску и... велел перебить всех пленных. Напрасно Скопин умолял царя сжалиться, протестовал, бранился даже. Однако Василий, осатаневший от злобы, жаждавший мстить за страх, какой он пережил, изрек:

— Недорубленный лес опять вырастает.

Неуемные, злобные братья царя Дмитрий и Иван укоряли Скопина:

— Воров жалеешь!

Кончилась ссора тем, что командовать войском стал Иван Шуйский. У Калуги на реке Пчельня 3 мая 1607 года Болотников вдребезги разбил армию брата царя и обратил ее в бегство. Вся осадная артиллерия оказалась в руках противника. Лишь Скопин пытался задержать бегство, но тщетно. Теперь Болотников перешел в Тулу, где соединился с Лжепетром, став у него боярином.

Повстанцы снова двинулись на Москву, но 5 июня 1607 года на реке Ворсме у Каширы, а 12 июня на реке Вороньей дважды были разбиты Скопиным, который командовал передовым полком новой армии царя.

Болотников пересел в Тулу, где четыре месяца и оборонялся. Осаждал Тулу сам царь Василий Шуйский. Лишь 10 октября 1607 года Тула сдалась. Лжепетр — «сын царя Федора» (бездетного!) был повешен. Болотникова сослали в Каргополь, где ослепили и утопили.

Царь Василий на радостях женился на Марье Петровне Буйносовой-Ростовской. На пышной свадьбе Скопин был дружкой у царя, мать сидела за большим столом, а молодая жена Скопина — Александра Васильевна Головина — была свахой от невесты.

Радость, однако, длилась недолго. Половина страны не признавала власти Василия Шуйского. Из Стародуба к Туле на выручку к Болотникову шел с поляками и казаками Лжедмитрий Второй.

Кто был Лжедмитрий Второй, он же «Тушинский вор», и доселе точно неизвестно. Но он был марионеткой в руках польских панов. Командовали его войском гетман Рожинский и атаман Иван Заруцкий.

У Болхова 1 мая 1608 года была разбита армия бездарного брата царя Дмитрия Шуйского. Войска самозванца осадили Москву, став лагерем в селе Тушино. На один год и девять месяцев Москва попала в осаду.

Бандитские отряды Яна Сапеги, Александра Лисовского и других панов разоряли и грабили русские города. Русские отчаянно защищались. 16 месяцев оборонялась от поляков знаменитая Троице-Сергиевская лавра, где воеводой был Г. Б. Долгоруков-Роша. Отбились от поляков Ярославль и Нижний Новгород. В Кинешме мужики стояли насмерть. У Коломны князь Д. М. Пожарский разбил отряд пана Хмелевского. Это был пер-

Леонид ОСИНЦЕВ

Носилов спорит с Нансеном

В 1913 году знаменитый норвежский ученый совершил плавание на пароходе «Коррект» от северного норвежского порта Тромсе через Баренцево и Карское моря до устья Енисея, еще раз доказав возможность сообщения между Сибирью и Европой Северным морским путем. «Эта экспедиция,— писал журнал «Нива»,— кончившаяся полным успехом, в свое время вызвала большую сенсацию у нас, особенно в Сибири и в Норвегии».

Кстати, после благополучного прибытия в устье Енисея Нансен предпринял путешествие, и осенью, возвращаясь из Владивостока на родину, сделал остановку в Екатеринбурге. Он осмотрел город и музей Уральского общества любителей естествознания. С интересом рассматривал ненецкую лодку, подаренную музею Константином Носиловым. «Нансен,— вспоминал М. О. Клер,— хотя и знал о существовании таких лодок, сделанных только из дерева, связанных без единого гвоздя, но не видел их и поэтому много лет искал случая увидеть и описать такую лодку. Он снял несколько фотографий лодки, сделал описание и обмеры ее».

К. Д. Носилов по-своему реагировал на высказывания норвежского ученого о перспективах Северного морского пути. До знакомства с Карским морем он горячо выступал за этот морской путь, однако в дальнейшем стал искать другие пути соединения Сибири с Европой. В частности, выступал за строительство судоходного канала, который бы пересек полуостров Ямал по реке Юрибею, соединив таким образом Обскую и Байдарцкую губы. По расчетам Носилова, строительство этого канала не потребовало бы больших капитальных вложений, зато он был бы значительно короче морского пути по Карскому морю и продолжительнее его по времени эксплуатации, так как море чрезвычайно медленно освобождается от льда в летнее время.

В декабре 1913 года в одной из московских газет появилась статья Носилова «Результаты поездки Нансена по Карскому морю». «Все, что мы узнали в это лето и в эту навигацию,— писал Носилов,— лично меня еще раз приводит к заключению, что мы должны искать путь в Сибирь в другом направлении, а не через Карское море. Мы еще раз убедились, что в Карском море есть льды; мы еще раз убедились, что там нужны продолжительные и стоящие больших денег исследования; мы еще раз убедились, что море это открыто для плавания очень недолго».

По словам Носилова, Нансен прошел по Карскому морю в сравнительно хороших условиях, но если случится буря во время плавания, то суда «будут немедленно затерты и срезаны льдом, как игрушки». Норвежский ученый предлагает использовать для обслуживания пути гидропланы, но оппонент возражает, что если нет льдов, то над морем нет и туманов, а значит, гидропланы не нужны. Если же есть льды, то над ними такие густые туманы, что гидропланы ничем не смогут помочь кораблям.

Нансен уверял, что Карское море наиболее благоприятно для судоходства во второй половине августа и

вый воинский успех русского полководца — было ему тогда 30 лет.

И все же казалось, что русская земля погибает. Боясь поднять народ на борьбу, царь Василий обратился за помощью к Швеции. В Новгород прибыл отряд воеводы Деллагарди. Здесь же Михаил Скопин собирал войско в северных городах.

10 мая Михаил Васильевич Скопин-Шуйский начал поход к Москве.

Вот что написал наемник Видекинд о Скопине:

«Имея от роду всего 23 года, он отличался статным видом, умом, зрелым не по летам, силой духа, приветливостью, воинским искусством и умением обходиться с иностранцами».

В июле 1609 года Скопин разбил отряды Заборовского и Кернозицкого, а в августе у Калязина разгромил отряд Яна Сапеги — злейшего врага Руси.

Видя поражение своих клевретов, польский король Сигизмунд III начал открытую интервенцию и осадил Смоленск, где и застрял. Воевода М. Б. Шени оборонял Смоленск 20 месяцев.

Царь Василий умолял Скопина ускорить движение на Москву: «Литовские люди твоего прихода ужаснутся и из нашей земли выйдут...»

В январе 1610 года Скопин снял осаду Троице-Сергиевской лавры, отбросив польские отряды. И 12 марта 1610 года при общем ликовании вошел в Москву.

— Вот и над нами воссияло нынче лучезарное солнце! — кричали москвичи.

Четверть ржи сразу упала в цене от семи рублей до двух гривен. «Тушинский вор» тайно бежал в Калугу (лежал на дне телеги под тесом). Атаман Заруцкий сжег Тушинский лагерь и тоже бежал в Калугу.

Прокопий Ляпунов от лица дворян призвал Скопина на царство, но тот грамоту рязанцев разорвал. Царь Василий и его братья стали «держатъ мнение» на Скопина: громкая слава его пугала их.

Деллагарди говорил о Скопине: «Не только на Руси, но и в землях моего государя не видать мне такого человека».

Скопин энергично готовил войско к походу на Смоленск. Но на крестинах сына у князя Воротынского ему вдруг стало плохо, и он уехал к матери, там стонал и кричал от нестерпимой боли.

Летописец свидетельствовал: «И тако едва донде до монастырского пазуху, потом пустился руда из носа и изо рта, и пребысть похищение смертное».

Умер Михаил Васильевич Скопин-Шуйский 23 апреля 1610 года, в день святого Георгия. По требованию народа похоронили его в Архангельском соборе, где хоронили царей и великих князей. Могила его за алтарем, на южной стороне собора, в приделе Иоанна Предтечи.

Говорили, что кубок с ядом в вине поднесла Скопину жена Дмитрия Шуйского Екатерина — дочь палача-опричника Малюты.

сентябре, так как в это время очищается от льдов. Но Носилов опять возразил, что такое бывает не каждый год.

«Что может дать один месяц навигации, и то случайной, для Сибири,— спрашивает он,— когда ей нужны миллионы пудов экспорта, а совсем не те маленькие суда в полторы тысячи тонн, какие рекомендует для плавания знаменитый исследователь Севера».

Тем не менее, растревоженный удачным плаванием Фритъофа Нансена, К. Д. Носилов в 1915 году снова побывал на Севере и увидел там большие сдвиги в освоении северных морей. В том же году он опубликовал статью «Северным морским путем», в которой отмечал, что, «благодаря успехам последних двух лет, навигация Северным морским путем, кажется, наконец, налаживается». Уступая в споре Нансену, он пишет, что путь этот действительно осуществим.

Интерес к ожившему Северному морскому пути Константином Дмитриевичем проявлял и позднее. Так, в 1916 году он предпринял поездку в Норвегию и в столице ее Христиании (Осло) ознакомился с деятельностью того самого Сибирского торгово-промышленного общества, которое предоставило Фритъофу Нансену место на пароходе «Коррект» в 1913 году. Теперь это общество продолжило торговые сношения между Лондоном и Норвегией с одной стороны и обской Находкой и енисейской Дудинкой — с другой.

В корреспонденции «Из Швеции» Носилов рассказывает о поездке в Норвегию через Швецию. Корреспонденция написана им в Бергене, и это очень важно, так как биограф путешественника К. Н. Донских писал, что, будучи в Бергене, зауралец встречался с знаменитым ученым и исследователем Арктики. Об этой встрече Донских, якобы, слышал от самого Носилова.

Факт встречи нашего земляка с Ф. Нансеном меня чрезвычайно заинтересовал. Хотелось подробнее узнать об этом событии. Я обратился в Географическое общество в надежде получить хоть какие-то сведения. Но об этой встрече ученым-географам пока ничего не известно. Зато известно, где находился в 1916 году Нансен и чем он занимался. В ответе на мой запрос (ответ консультировал полярник Н. А. Волков, хорошо знакомый с семьей Нансенов) сказано, что в 1916 году Нансен писал статьи по океанографии вместе с ученым Б. Хелландом-Хансеном. Причем Нансен жил в то время в Осло, а Бьорн в Бергене. Чтобы им не мешали работать, они встречались на полпути между Осло и Бергеном, а иногда приезжали друг к другу. Так что Ф. Нансен в 1916 году бывал в Бергене...

г. Шадринск

Аркадий КОРОВИН

Подзащитный Льва Толстого

«Я давно знаю Суздальскую тюрьму. Мне удалось содействовать освобождению оттуда трех суздальских архиереев», — из письма Льва Толстого историку русского раскола А. С. Пругавину.

Этому письму предшествует громкая история, случившаяся в пос. Белоярском Екатеринбургского уезда 130 лет назад.

В конце мая 1862 года через село Белоярское, что на Сибирском тракте, проезжал неизвестный человек. Смотритель белоярской почтовой станции Пилецкий оста-

новил его и потребовал вид (паспорт). Документа не оказалось. У Пилецкого возникло подозрение к проезжающему, и он наотрез отказался дать ему лошадей.

Кроме того, Пилецкий пытался задержать неизвестного на почтовой станции, но почему-то именно в это время тут оказался один из наиболее «твердых» раскольников села крестьянин Тимофей Чуваков. Он стал настойчиво уговаривать Пилецкого дать лошадей и предложил ему 30 рублей. Деньги сыграли свое дело, и незнакомец в сопровождении Чувакова продолжил свой путь в сторону Екатеринбурга.

Как впоследствии оказалось, проезжающим был Григорий Васильевич Беляев (жил также под именем Иллариона Старцева) — мастерской Лысьвенского завода, известный среди уральских старообрядцев как епископ Геннадий. Это был находчивый и энергичный вожак старообрядцев, ярый противник царя и официальной церкви. Бывший крепостной, потом мастерской, он ушел из дому в восемнадцатилетнем возрасте уже признанным проповедником раскола. Скрывался в кунгурских лесах, в Уральске, селах и скитах Саратовской губернии, жил под Вяткой, в Белебее, Екатеринбурге, деревне Курманке нынешнего Белоярского района Свердловской области. Его много раз задерживали, но он уходил из-под стражи и самых строгих арестов. Всюду ему помогали крестьяне-раскольники.

Урядников в ту пору не было. Смотрители почтовых станций были предупреждены, что полиция ищет «лже-епископа» Геннадия, поимка которого возлагалась на «особо избранных людей» — волостных и сельских писарей, которые строго следили за местными староверами.

А гнездами староверчества вдоль Сибирского тракта были д. Курманка, отчасти Боярка, недалеко от них в лесах находилась д. Становая. Да и в самой Белоярке в ту пору жило 15 семей раскольников.

Итак, епископу Геннадию удалось уйти и на этот раз. Однако Пилецкий все же пошел к «особо избранному лицу» — волостному писарю Федотовских. Сообразив, что дело тут неладно, Федотовских немедленно отправился в воюю. Но таинственный путешественник бесследно исчез. Волостной писарь сообщал в рапорте: «Вероятно, Чуваков, заметив за собой преследование и пользуясь темнотою ночи, успел скрыть именно раскольничьего епископа Геннадия».

Екатеринбургский исправник поручил становому приставу произвести следствие над станционным смотрителем Пилецким и крестьянином Чуваковым. На следствии они «силовились доказать», что проезжим был кунгурский мещанин Федор Григорьев.

Тимофей Чуваков и его родной брат «кольванский третьей гильдии купец» Чуваков, имевший дом в Екатеринбурге, были взяты под строжайшее наблюдение.

Вскоре Федотовских выследил, что из Курманки Чуваков провез в легкой кошевке в Екатеринбург укутанного в тулуп человека. Он бросился в погоню. В Екатеринбурге жандармы окружили дом купца Чувакова, где в это время епископ Геннадий совершал обряд венчания. Было задержано 70 человек.

На сей раз раскольничьего вожака основательно заковали и под прикрытием одиннадцати человек конвойных благополучно привезли в Пермь.

С 1863 по 8 сентября 1881 года Г. В. Беляев прожил в одиночке Суздальского монастыря. Только тогда под давлением Л. Н. Толстого царь распорядился дать свободу 53-летнему епископу Геннадию.

п. Заречный

Героиню нашего очерка мы — авторы — видели в разное время: один (Ю. Н. Сытников) в начале пятидесятых годов в Свердловском городском Дворце пионеров и школьников, другой (Л. Д. Злоказов) познакомился с ней в 1983 году, когда вместе с краеведом Г. П. Шантиным в одну из встреч записал на магнитофон беседу с Н. П. Нестеровой. В 1987—1988 годах Г. П. Шантин передал Ю. Н. Сытникову документы из семейного архива Нестеровой.

На основании личных впечатлений, магнитофонной записи и архива Нестеровой и родился очерк, в котором оба автора объединились в одно лицо.

**Юрий СЫТНИКОВ,
Леонид ЗЛОКАЗОВ**

«Городской театр... В субботу, 20 сентября с. г., состоится 1-е представление оперы-феерии С. И. Герца «Царица эльфов» и концертное отделение из произведений местных композиторов, при участии лучших местных музыкальных и балетных сил и увеличенного оркестра Екатеринбургского Общественного собрания. Изготовлены новые декорации. Театр тщательно отапливается и ремонтируется. Подробности в афишах и программах. Билеты на спектакли и вышедшее из печати либретто феерии продаются в музыкальном магазине Е. И. Иванова...»

Очевидно, «Царица эльфов» была вольным, применительно ко времени и нравам, воплощением идеи фантастической поэмы английского поэта Эдмунда Спенсера «Королева фей». Действующие лица олицетворяли различные моральные категории: истину, рассудок и др.

После представления в городском театре некто «молодой театрал» так отозвался о постановке в той же «Уральской жизни»: «...Опера-феерия «Царица эльфов» г. Герца не пугает оригинальностью. Все эти эльфы, зайцы и деревенские девушки уже

Екатеринбургская Терпсихора

В 1950 году мы с приятелями, перейдя в седьмой класс, решили, что пора научиться танцевать. Узнали, что городской Дворец пионеров готов нам помочь, но при одном условии: мы должны быть учениками восьмого класса, т. е. полной средней школы. Эту «классность» надо было подтвердить справками.

Завуч долго пыталась понять, что мы затеяли. Потом стала нас отговаривать. Главным ее аргументом была известная басня Крылова о стрекозе и муравье. Но мы выстояли и справки получили. Тут же, в коридоре на подоконнике, довольно грубо переправили семерки на восьмерки и, довольные, отправились во Дворец.

Подделка не была замечена, и нас зачислили в кружок балетных танцев Свердловского городского Дворца пионеров и школьников.

Во время одного из занятий произошло нечто такое, что крепко засело у меня в памяти.

Мы тянули ноги на счет «раз-и», «два-и», когда в фойе появилась пожилая женщина. Некоторое время

она наблюдала наши «первые шаги», а затем, сказав: «Здравствуйте, дети», — подошла к нашей руководительнице. Минут пять они о чем-то говорили, потом с возгласом «И чудесно!» незнакомка повернулась вокруг себя на одной ноге и, приветственно помахав нам рукой, скрылась в темном коридоре.

В памяти осталось то, что незнакомка повернулась вокруг себя, почти стоя на пальцах, как профессиональная балерина. И это в повседневной обуви, каких-то туфлях на низком каблучке. К тому времени я уже не раз видел балетные спектакли и знал, что такое «пируэт на пальцах».

Вскоре, однако, танцы потеряли для меня свою притягательность. А летом 1988 года ко мне попала часть архива Надежды Павловны Анфиногеновой, урожденной Нестеровой. На первой же фотографии я узнал незнакомку, которую видел во Дворце пионеров...

В 1908 году екатеринбургская газета «Уральская жизнь» писала:

перестали быть фееричными с тех пор, как сделались банальными... Играть и пели оперу-феерию довольно живо и довольно мило... Лучше всего был балет, а лучше всего в балете — г-жа Нестерова».

«Г-же Нестеровой», которая была в балете лучшей, в 1908 году исполнилось девятнадцать лет.

Она родилась в семье бухгалтера Оренбургского отделения Волжско-Камского коммерческого банка Павла Егоровича Нестерова, выходяща из крепостных Саратовской губернии.

Мать — Елена Робертовна, урожденная Мазинг, происходила из шведско-немецко-русско-цыганской семьи.

В октябре 1895 года Нестеровы переехали в Екатеринбург, куда по службе был переведен Павел Егорович.

Сначала семья поселилась в гостинице Атаманова на Главном проспекте (это здание стоит и сейчас на углу улиц Ленина и Вайнера), а позже переехали в служебную квартиру при банке. Перевод из Оренбурга в Екатеринбург считался

повышением, так как объем финансовых операций в местном отделении был значительно больше. Но поработать здесь Павлу Егоровичу пришлось чуть больше года — в 1897 году он скончался от чахотки.

Частный банк назначил семье бухгалтера пенсию — половину суммы, которую должен был бы получать Павел Егорович, поскольку он не дослужил до полной пенсии два года. Жене было положено пожизненно 26, а дочерям (в 1895 году родилась младшая — Вера) — по 13 рублей в месяц до совершеннолетия, т. е. до 21 года.

Существует поверье, что с рождением человека на небе загорается новая звезда, которая сопутствует ему в жизни. Звезда Надежды Нестеровой рано дала о себе знать: уже в трехлетнем возрасте девочка кружилась под музыку и без нее. Любила пестрые и пышные наряды. А если таковых не было, делала их сама из маминой шали и папиных галстуков.

Часто ее замечали у зеркала. Но она не показывала язык своему отражению, как многие из детей, а замирала, приняв ту или иную позу.

На семейном совете в 1896 году было решено, что Наде нужно посещать уроки пластики и танца. Девочка училась у Э. Ф. Галецкого, который преподавал хореографию в Екатеринбургском благородном собрании и ставил танцы и балетные номера на всех благотворительных вечерах и концертах. У него Надя еще дважды повторила программу танцевального обучения — в 1902 и 1905 годах.

Помимо этого танцевального образования, она получила общее, но домашнее. С учительницей Зинаидой Ивановной Усковой прошла шестилетний гимназический курс.

В 1905 году Надя начала выступать в постановках Екатеринбургского музыкального кружка. Это были, как правило, благотворительные концерты. Иногда спектакли. Иногда и то и другое вместе.

Первую заметную роль она сыграла в пьесе Е. Чирикова «Иван Миرونч», поставленной учащимися старших классов Екатеринбургского Алексеевского реального училища.

А потом была «Царица эльфов». В своем дневнике Надя записала: «...В начале сентября к нам приехали Герц и Галецкий приглашать меня участвовать в опере-феерии «Царица эльфов», танцевать соло с Галецким, вместо его жены прима-балерины Ленчевской... Я согласилась, потому что мне очень хотелось танцевать...»

Сохранилась открытка, изданная С. И. Герцем и отпечатанная в Берлине (расстояния раньше были короче). Уже в середине апреля 1909 года В. А. Кронеберг-Герц, исполни-

тельница заглавной роли в «Царице эльфов», благодарила Надежду: «Милостивая Государыня Надежда Павловна! Позвольте Вам выразить живейшую благодарность за Ваше любезное участие в спектаклях, организованных мною на Пасхальной неделе.

Глубоко Вам признательная артистка В. А. Кронеберг-Герц».

На открытке изображена обшая, возможно, финальная, сцена оперы-феерии. Нестерова — в центре, выше всех, поддерживаемая с обеих сторон «эльфами», а «признательная артистка В. А. Кронеберг-Герц» стоит справа, у скалы.

Надежда Павловна продолжала танцевать. Она участвовала почти во всех увеселительных и благотворительных концертах и вечерах. Танец полностью захватил ее, стал ее жизнью, но не давал средств на жизнь. Пенсия за отца была явно мала, помощь родственников невелика. И в 1907 году Н. П. Нестерова поступила в контору начальника Екатеринбургского земства писемоводителем. Но продержалась там недолго. Что-то мешало. Может быть, постоянные мысли о танцах. Может быть, и это кажется наиболее вероятным, почерк, который вряд ли годился для конторы земского начальника. Она оказалась без работы.

А танец манил все сильнее. Успехи были все заметнее. В среде местных любителей она уже считалась знаменитостью. И как знаменитость получила, например, приглашение командира Оровайского полка, расквартированного к тому времени в Екатеринбурге, полковника Полянского: «Я и Общество офицеров 195 Оровайского полка просит Вас с семейством не отказать своим посещением вечеров, имеющих быть в собрании полка еженедельно по субботам включительно по 17 декабря. Первый вечер 29-го Октября 1911 г.» Такое внимание было большой честью.

А ее по-прежнему манил танец, но уже настоящий, отточенный до последней мелочи. И она старалась изо всех сил. Танцевала дома. У знакомых и друзей. На вечерах. Даже на даче в деревне Курганово под Екатеринбургом, во время прогулок. Увлеченность и талант были замечены, и судьба Нестеровой была решена.

Вот строки ее воспоминаний из магнитофонной записи: «... я танцевала и зарабатывала писемоводителем при земском начальнике, девятнадцать рублей получала. А тут один знакомый говорит: «Знаете что, Вы очень хорошо танцуете. Вам бы курсы кончить на учительницу танцев и преподавать. А то здешние несколько устарели. А Вам бы,— говорит,— как раз. Ну, а мы,— говорит,— поможем». У них деньги были. Это наши соседи (по даче) были. Трояновы некто...»

В. Е. Троянов представлял в Екатеринбурге несколько русских и иностранных заводов. Контора его находилась при собственном доме на улице Водочной (сейчас ул. Д. Н. Мамина-Сибиряка, № 1).

«...Потом мама пошла в банк, где мы пенсию получали после папы, там говорят — банк поможет. Дал нам банк, знакомые дали. И нашли мне даже курсы...»

В марте 1912 года Надежда Павловна отправилась в Петербург. А через месяц с небольшим, 24 апреля, в дом наследников нотариуса Шипанова на Тимофеевской набережной (теперь Набережная рабочей молодежи), где жили Нестеровы, пришло письмо:

«Милые родственники! Возьмите ко мне уважение — с сегодняшнего дня я законная учительница танцев; получила аттестат, засвидетельствованный у нотариуса... Выучила новые танцы: кикапу, мажор, коханочку, па-де-зефир... Учитель мной доволен... говорит, что вальс я замечательно хорошо танцую... что у меня есть способности, грация и слух...»

Будем снисходительны к восторгам Надежды Павловны. Они вполне объяснимы, ведь хвалил ее В. Иванов, бывший солист балета Мариинского театра, а в ту пору содержатель частной школы танцев. Денег, которые дали Трояновы, банк, знакомые и родственники, хватило, однако, только на половину двухмесячного курса. Убедившись в способностях ученицы с Урала, Иванов вторую часть курса занимался с Нестеровой бесплатно. Правда, за это она была партнершей у начинающих.

В Екатеринбург Надежда Павловна вернулась аттестованным преподавателем балетных танцев и пластики в средних учебных заведениях Российской империи. Предстояло те-

перь найти помещение для танцкласса. В августе 1912 года Нестеровы меняют квартиру и переезжают в дом Феодоры Андреевны Черкасовой, торговавшей табачными изделиями. Квартира размещалась в первом этаже полукаменного дома на улице Ломаевской (ныне Февральской революции), № 18. В газетах появились объявления: «Уроки танцев дает Н. П. Нестерова. Ломаевская, д. Черкасовой, № 18». А через несколько дней Нестерова начала преподавать пластику и танцы во второй Екатеринбургской женской гимназии. Гимназия еще не имела своего здания и кочевала по городу. Учительница кочевала вместе с ученицами до января 1913 года, когда, после торжественного молебствия, на углу Сибирского проспекта (теперь ул. Куйбышева) и Тихвинской улицы (ныне Хохрякова) гимназия получила свое здание (сейчас в нем главный корпус Уральского горного института). В этом же году прибавилось преподавание танцев в прогимназии Румянцевой, а через год — в реальном училище. Кроме того, были еще занятия в своем танцклассе и частные уроки на дому у учеников.

Каждый день к подъезду дома № 18 по Ломаевской улице подавалась пролетка летом или санный возок зимой. Надежда Павловна, закрывшись зонтом от солнца или дождя, а зимой укрывшись полостью, ехала на очередной урок, раскланиваясь со знакомыми.

Появились деньги, и она смогла приобрести в рассрочку на год за 400 рублей (страшно подумать!) в магазине А. Н. Захо пнянно. Поручителем Надежды Павловны при покупке был В. Е. Троянов, который написал на счете: «Ручаюсь в платеже» и подписался. Дела у Надежды Павловны шли хорошо, и рассрочка была выплачена досрочно.

Учительница танцев была нарасхват: уроки, концерты, спектакли, благотворительные вечера. Надежда Павловна начала подумывать о продолжении образования: за танцем ей уже виделся балет.

Однако между ней и Императорским балетным училищем встали родственники со стороны матери, считая профессию балерины «неприличной».

Многое тогда в России считалось неприличным, иногда доходило и до абсурда. Вспоминает Вера Павловна, сестра Надежды. На одном из торжественных актов в гимназии ей должны были вручить награду за успешную учебу. Незадолго перед тем семья Нестеровых вернулась с дачи, и Вера столкнулась на улице со своей классной дамой. Та оглядела девочку и сказала: «Фу, Нестерова, как Вы неприлично загорели. На акт не трудитесь приходить!»

Итак, родственники «не совето-

вали». Они могли позволить себе это, так как изредка помогали Нестеровым материально. А ведь известно: «Чей хлеб ешь, того и песни поешь». Пришлось смириться...

И снова — уроки, концерты. Она участвует почти во всех начинаниях музыкального кружка. Ее приглашают учебные заведения, благотворительные организации и даже труппы профессиональных актеров, гастролирующих в Екатеринбурге. Вот приглашение от Уральского союза по борьбе с детской смертностью: «...Комиссия по устройству вечера, сбор с которого предназначается на содержание подкидышей в г. Екатеринбурге, питая уверенность в Вашем сочувствии намеченной цели, имеет

любовались игрой гастролеров.

Наступил 1915-й. Страна все больше увязала в войне. В городе появились беженцы из западных губерний. Все чаще у магазинов выстраивались «хвосты». В зданиях почти всех учебных заведений разместились войска.

Уроки пластики и танцев кончились. Надежда Павловна поступила на службу счетным конторщиком в Екатеринбургское отделение Волжско-Камского коммерческого банка. Там еще помнили ее отца — бывшего бухгалтера. Проработала в банке до самой его эвакуации 19 июля 1919 года.

Надвигались октябрьские дни. Следом — гражданская война.

Из серии «Вера Павловна»

честь покорнейше просить Вас принять участие в балетном отделении...»

1914 год начался для Нестеровой традиционным студенческим концертом-балом. Надежда Павловна участвовала в вальсе из оперы Ребикова «Елка». В начале марта она сыграла главную роль в спектакле «Встреча весны». И спектакль, и Нестерова имели успех. Спектакль повторили с благотворительной целью — «для устройства летней колонии для слабых детей».

С началом первой мировой войны большая часть ее учеников либо ушла на фронт, либо работала в лазаретах. В конце 1914 года Нестерова ведет переговоры с профессиональной актерской труппой о постановке танца для пьесы «Фуэнте Овехуна» испанского драматурга Лопе де Вега.

К этому времени в городе начал работать новый театр (теперь театр им. А. В. Луначарского), но своей труппы не было, и местные театралы

В ночь с 14 на 15 июля 1919 года белая армия оставила город, в него вошли красные войска.

В сентябре Нестерова устроилась делопроизводителем информационно-инструкторского подотдела уездного городского исполкома, продолжая понемногу давать частные уроки танцев. Это, видимо, привлекло внимание к ее особе, и кому-то захотелось проверить, на какие средства рядовой советский делопроизводитель завел себе пианино. Проверили. Появился документ, подтверждающий, что «находящийся у гр. Нестеровой муз. инструмент пианино фабрики Оппель № 7808 по Октябрьской» рев. <олюции> ул. в д. № 12 кв. № 3 принадлежит Нестеровой.

Следующее произведение того же подотдела от 17 ноября 1920 года гласило: «...Музыкальная секция настоящим извещает Вас, что Вы назначаетесь преподавательницей пластики в Союзе молодежи... и в клубе имени Малышева». Вот так. И ни-

каких «милостивых государынь», «смейем надеяться» и «глубочайших благодарностей». У «товарища Маузера» таких слов в лексиконе не было.

Дальше пошло-посhalo. Работала то делопроизводителем, то протоколистом. Ее принимали, переводили, замещали, сокращали. Хвала всевышнему, что не привлекли к перекровке. Для людей ее круга это было почти обязательно.

Но были в жизни Надежды Павловны и светлые дни. Один из них продолжался целых двадцать пять лет: 30 апреля 1923 года она стала Анфиногеновой — вышла замуж за давнего своего знакомого Андрея Андреевича Анфиногенова, впоследствии известного уральского краеведа, знатока истории нашего города.

Или день 17 мая 1924 года, когда состоялся один из «детских вечеров». Он был почти такой же, как вечера ее детства и юности. Разница заключалась в том, что «артистов» было только шесть. И пьесу, и дивертисмент в два отделения исполняли одни и те же участники, подменяя друг друга.

В 1934 году, после большого перерыва, Надежда Павловна смогла опять заняться любимым делом — преподавать балльные и национальные танцы. Сначала в детском клубе при Доме старых большевиков, позже добавились кружки в школах.

В 1937 году в Свердловске открылся Дворец пионеров. Надежда Павловна становится в нем руководителем танца. Она вернулась к любимому делу. Детям передавала все, что знала и умела сама. Ставились танцы народов нашей страны, целые танцевальные картины. Они всегда имели успех у зрителей. Может быть, ставя эти танцы, Надежда Павловна вспоминала прошлое, свои первые шаги, свое участие в «Царице эльфов», когда «...лучше всего был балет, а лучше всего в балете — г-жа Нестерова...»

Опять были премии, благодарности, признательность учеников и зрителей. Казалось, горы могла свернуть. Но 2 мая 1941 года Надежда Павловна была освобождена от работы во Дворце пионеров «по сокращению штатов».

Надо было в очередной раз начинать сначала.

Отечественная война опять, как и в 1915 году, заставила музу Надежды Павловны отойти в тень. Больше любимым делом она почти не занималась. Только изредка помогала ставить детские танцевальные спектакли, утренники.

6 февраля 1985 года погасла звезда Надежды Нестеровой, а прошедшее время унесло и память о ней.

На снимках: Н. П. Нестерова; дом Анфиногеновых (ул. Февральской Революции, 51); сцена из оперы-феерии «Царица эльфов».

КЛАД ПО ВЕТРУ

Однажды ветер стал моим своеобразным компаньоном в поиске денежного клада. Именно он разметал по одной из улиц Екатеринбургa содержимое тайничка. Те, кто разбирал старый дом, не обратили внимания на разноцветные бумажки, подхваченные ветром. Так я стал обладателем 145 денежных знаков двенадцати образцов.

— Судя по сумме, небогатый человек жил в том доме, — сказали мне в историко-краеведческом музее. — Всех денег, спрятанных в карнизе, едва хватило бы на бутерброд с яйцом. Тогда, в 1924 году, новый рубль равнялся 10 000 рублей образца 1923 года или 1 миллиону рублей всех предыдущих выпусков. А к тому времени какие только купюры не «гуляли» по стране! И царские, и различных директорий, временных правительств. Да что там правительства! Свои деньги выпускали города, свечные лавки, цирки. «Купюротворческая» деятельность не обошла вокзалы, даже железнодорожные станции. А как иначе? Чем же изволите за кипяточек рассчитываться у станционной колонки?

Чересполосица властей, республик, режимов затрудняла центральным властям доставлять свою купюру в различные точки обширной империи. Оказались в тайничке знаки оплаты «всех племен и народов». Здесь царская пятерка образца 1909 года, первые советские денежные знаки, отпечатанные с матриц Временного правительства (своих, советских, еще не было). Рубли, четвертные, пятидесятирублевки с двуглавым орлом, но уже без короны. Голубенькие казначейские знаки Сибирского временного правительства 1918 года, купоны «Заема Свободы» 1917 года, выступавшие в роли денежных знаков. С неременной фразой: «Действительны в течение 10 лет».

Еще в первую мировую войну вначале исчезла серебряная разменная монета, а во времена Временного правительства и медная. И с матриц, предназначавшихся для выпуска почтовых марок, стали на твердой бумаге печатать... твердую бумажную «монету». Неуважительно отнесся к императору Александру II, впечатывали на бородастый лик черной краской огромную цифру, обозначающую стоимость. На обороте — приписка: «Имеет хождение наравне с медной монетой». И отправлялась новая «монета» в денежное

плавание по просторам необъятной России. Одну из них прибило в тайничок.

Советский период тоже оказался отмеченным. Кроме тех, что были отпечатаны с матриц Временного правительства, здесь были и новые, с серпом и молотом, в обрамлении колосьев пшеницы, но пока — без пятиконечной звездочки. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» — в такой «транскрипции» оказался хорошо знакомый всем лозунг. Год выпуска не помечен, но историкам и нумизматам он известен: 1918. А это «паспортные» данные первых понастоящему советских купюр: «Расчетный знак Р.С.Ф.С.Р. обязателен к обращению наравне с кредитными билетами». Большими листами выпускались рублевые, двух- и трехрублевые денежные знаки величинной чуть больше современных почтовых марок. В тайничке оказались целые ленты таких купюр.

А вот и «земляк» — бумажный полтинник, исполненный в желто-черном цвете. Да, именно бумажные пятьдесят копеек. Еще с «ятами» и двуглавым российском орлом, но уже без царской короны и других атрибутов прежней власти. Скромный квадратик бумаги размером 6,5 × 4,5 см. На аверсе больших желтых цифр 50 — всего четыре слова: «Екатеринбургское отделение Государственного Банка». А на обороте программное послание владельцам купюр и потомкам-нумизматам: «Извлечение из постановления 21. Октября 1918 года. Разменные марки обеспечиваются в полной сумме выпуска особым фондом из 5 % обязательств Государственного Казначейства крупных купюр, хранящихся в Екатеринбургском Отделении Государственного Банка. Подделка марок преследуется законом».

Летом 1918 года вступившие в Екатеринбург колчаковские войска устраивались всерьез и надолго. А потому создали временное областное правительство. Введены были должности главноуправляющих труда, торговли, промышленности, юстиции, внутренних дел, земледелия, горных дел, государственных имуществ и, естественно, финансов.

Среди множества распоряжений и приказов было и распоряжение, предоставлявшее право на выпуск разменных денежных купюр в 15, 20 и 50 копеек на общую сумму 500 тысяч рублей. Так что и в мои руки угодила купюра высшего достоинства времен адмирала Колчака. Кроме бумажных денежных знаков, призванных восполнить исчезновение звонкой монеты, выпускались и другие знаки оплаты — гербовые знаки достоинством 10, 20 и 50 копеек и один рубль.

Вот что выдул ветер из старого дома...

Николай КУЛЕШОВ

Вовка Струков сдал экзамены за второй курс мореходки и перевелся на заочное. В заявлении написал, что — «по семейным обстоятельствам», хотя обстоятельство имело только одно, да и то — не семейное, а сугубо практическое: Струков полагал, что «всю науку» можно осилить самостоятельно. Тем более, основы заложены. Практических знаний, опыта — вот чего он хотел. Наплавать штурманский ценз и, не рассусоливая, получить рабочий диплом. Получив, не путаться на мостике в соплях и детских штанишках на помочах, а сразу показать себя опытным рыбаком-промысловиком, занять достойное место... где? в чем? Тут начиналась путаница, но Вовка и не пытался навести порядок в путаных мыслях. Достойное место — это достойное место. В наших рядах. В рядах промысловиков-моряков. Какого черта?! Разве не ясно? Ловить ТАК рыбеху, чтобы говорили о Струкове. Чтобы отметили и выделили, а выделив и отметив, дали, конечно, со временем, парход, на котором он, Вовка Стру...тпр-ррр-ру-у! — он, Владимир Васильевич Струков, будет капитан-директором и займет достойное место... Где? А... а займет, и всё. Где надо, там и займет. Нашьет на тужурку новенькие позументы, подвести на грудь серебряный секстант, поправит галстук и мичманец с тусклым, выдавшим виды «краном» и отправится на «орбиту» между Парком культуры и кинотеатром «Заря», где можно и себя показать, и приволокнуться, и кореша встретить, и... Да много чего можно встретить на «орбите» и, естественно, кого. Чего и кого. Ради них, ради этого, может быть, есть смысл околачиваться в морях? Так сказать, ощутить свежесть чувств и все такое. Заработок тоже не последнее дело, а капитанский — весомее, хе-хе, матросского. Всякий знает.

С такими жизненными установками и твердой верой в светлое будущее матрос Струков отправился в Центрально-Восточную Атлантику на траулере «Каскад».

Чтобы описать рейс промыслового судна, понадобилась бы целая книга. Толстая или тонкая — не имеет значения. Все зависит от задачи, поставленной автором, и материала, имеющегося в его распоряжении. Возьмите роман Джека Лондона «Морской волк» или философские высоты Германа Мелвилла в «Моби Дике». Это, наверное, самые известные в мировой литературе описания промысловых рейсов. Правда, не рыбаков, а зверобоев и китобоев. Я же, преклоняясь перед создателями прославленных образов и отсылая к ним любознательных читателей, рискую предложить их вниманию всего лишь частный факт. Случившееся с моим героем, то есть с Вовкой Струковым, не имеет прямого отношения к вылову сардины, сардинеллы, сардинопса, скумбрии, ставриды и другой водоплавающей живности, обитающей у берегов Африки. «Каскад» и его команда отмантили полгода в тропическом пекле, побывали в Дакаре, Конакри и Такоради, завернули в Касабланку, а когда, возвращаясь домой, взяли курс на Гибралтар, чтобы спустить в местных «шопах» фунты, пенсы и шиллинги, оказалось, что оных фунтов причитается на нос даже чуточку больше, чем рассчитывали получить при самых благоприятных расчетах-подсчетах. Так иногда случается: вдруг выпадает «корель» и начинается везение.

Струков, как и прочие матросы-добытчики первого класса, огреб двенадцать фунтов — уточняю: стерлингов — и почувствовал себя если не Крезом, то вполне дееспособным Рокфеллером или Дьюоном, а может, и Морганом. Он, вообще-то, не называл фамилии. Гово-

Рис. П. Крапивина

рил, что теперь-то уж точно предвставляет, какое быть миллионером-банкиром. Тем более, предвкусая заход в Гибралтар. Второй штурман, разумеется, с согласия экипажа, где только мог и сколько мог экономил на продуктах. Скопленная валюта (она так и называлась «продуктовой») тратилась только в Гибралтаре, в нем одном, славившемся изобилием и дешевизной. Закупались «подарки» для встречи с семьей, а прейскурант был отработан общими усилиями многих экипажей. Начпрод «Каскада» не пытался разнообразить рутинный список, поэтому все «каскадеры» получили по бутылке рома «Негрита», имевшей, помимо внушительных размеров, действительно подарочный вид благодаря изящной оплетке из белой соломки; имелась и другая бутылка, наполненная дамским вином — сладкой малагой. Мужской напиток, а ром, безусловно, является мужским напитком, украшала этикетка с изображением негрятки в тюрбане, женский — с ключом от Скалы, как называют англичане свою крепость-колонию, единственную колонию, сохранившуюся в Европе. Далее, согласно прейскуранту, следовали сигареты «Кэмэл», шоколад «Нельсон», апельсины из Марокко и яблоки из Альхесираса или же Ла-Линеа — дары испанской земли.

Имея в зачатке такое солидное подспорье, можно было не суесться и фунты стерлингов, полученные согласно тарифной сетке, тратить на увеличение личного благосостояния. Источники благосостояния — многочисленные лавки, магазины и магазинчики, захватившие Мейн-стрит, — предлагали три вида брахла, годного для перепродажи в Союзе: ковры с оленями, скатерти и покрывала. Таможенные правила разрешали рыбаку купить по три штуки изделия каждого вида, а это... Словом, как говорили самые разворотливые, «ежели с умом, можно иметь хороший навар».

«Каскад» пришел на рейд Гибралтара в жаркий июльский день.

Судно, сделавшее за полгода тысячи тралений, оставшее за кормой тысячи миль, устало ползло на якорную стоянку.

Борта его, еще недавно радовавшие глаз свежей шаровой краской, снова потускнели, стали пятнистыми. На них выступили шпангоуты, ватерлиния допалась ржавчиной и зеленела шелковистой бородой, ставшей в последние месяцы и длиннее, и гуще. Рыжими потеками сочилась шпигаты. Одни лишь якоря поблескивали кузбасслаком и выглядели «с иголочки». Правый, выскользнув из клюза и погромыхая цепью, опускался медленно к самой воде, готовый нырнуть и улечься среди кудрявых придонных травок, в которых паслись стайки кефали.

Выцветший шатер небес раскинулся над судном, над плоской фиолетовой Скалой, словно бы наклеенной на эти небеса, над гористым африканским берегом, над крышами Альхесираса, над выгоревшими склонами Испании, замкнувшими на севере Гибралтарскую бухту. Шатер навис невесомо, но тяжесть зноя разгладила все морщины, все складки на поверхности воды, превратила ее в сверкающий слиток или в огромное серебряное блюдо, в центр которого впаяла траулер, булькнувший якорем и тотчас погрузившийся в дрему.

Судно замерло, зато оживилась команда. Сотня добрых молодцев, уподобившись тараканам, принялась сновать взад и вперед, но быстро утомилась, услышав по скиперу объявление о том, что валюта, заказанная по радио еще вчера, «задерживается по причине невяки шипшандлера». Расползались, правда, с ворчанием, да что поделаешь? Не стукнешь кулаком, не психанешь — «англичанка!» Своего бы взял за груди, а здесь...

И все-таки объявлено увольнение.

На воду спущен мотобот, и старшие групп повели

на посадку немногочисленных моряков, рискнувших отправиться за границу без единого пенни в кармане. Ах, шипшандлер, шипшандлер, где же британская аккуратность? Значит, что-то случилось, братцы. Впрочем, Бог с ним. Первопроходцам не до него. Хотелось поскорее ступить на чужую, но все-таки твердь, пропахшую бензиновой вонью, но все-таки землю.

Вовки Струкова не было среди них.

Вовка Струков побывал в Гибралтаре прошлым летом во время парусной практики на баркентине «Эклиптика». Капитан Старыкин не чинил препятствий любознательности курсантов. Они, и Струков само собой, излазили Скалу сверху донизу, только что не побывали в подземных казематах и на батареях. Мейн-стрит прошли из конца в конец, сфотографировались у остатков крепостной стены времен Карла V, навестили на верхотуре мартышек. Живут не взаперти. Расконвоированы, как сказал кто-то из матросов. Но есть у мартышек излюбленное место для прогулок, где и общались с приматами. Встреча с ними, пожалуй, самое яркое воспоминание о прошлогоднем визите в Гибралтар. Туристов здесь множество толчется, но все — транзитом. Не густо с достопримечательностями, не густо. Может, конечно, для них пошире двери открыты, может, их в подземелья пускают, как некогда Джошуа Слокама, завернувшего на легендарном «Спрее» во владения британской короны. Да и то: у туристов — мощна набита валлотой, у курсантов — шиш с маслом. Давали сколько-то, чтобы утереть слезы какой-нибудь тряпкой да полизать айс-krim. Словом, не разбежишься. Потому, в основном, и гуляли в парке, любовались огромными кустами алоэ, молча беседовали с позленевшими бронзовыми Эллиотом да Веллингтоном, присаживались на пушки, вздыхали и, в конце концов, возвращались на баркентину.

Итак, Вовка Струков не сошел на берег с первой группой. Не захотел. Решал проблему. Отправился на бак, где привалился животом к фальшборту, грудью лег на планширь, а руки свесил наружу. Нелепая поза? На взгляд со стороны, а ему — в самый раз. Смотрел Вовка не на город, прилепившийся к основанию Скалы, точно мидия к камню, смотрел вниз. Разглядывал, не ощущая толщи воды, якорь «Каскада», жирующую рыбу, — спинки кефали почти сливались с травой, — и думал о том, как он истратит завтра валюту. Двенадцать фунтов — хорошая сумма. Сожители по каюте уже рассчитали ее до пенса. Купят на свою то и то. У Вовки томление: как поступить? Ведь отступить нельзя: вчера его подняли на смех за то, что пообещал Яроцкому целый фунт за краба величиной с чайное блюдце. Даже ракушки завалышей не попросил в придачу! Верно, краб невелик, но зато каков? Красавец! Настоящий красавец. Один панцирь чего стоит: какие краски, какие оттенки. А Струкова высмеяли. Дескать, с катушек слетел парень, дескать, с такими, как ты, Вовка, нельзя работать вместе, с такими, как ты, Струков, что сажей торговать: испачкаешься и ни черта не заработаешь. Больше того, спустишь все, что имеешь. Обозлился Вовка, послал всех куда подальше и сделал «заявление для прессы». Так, мол, и так, господа морские офи... купезы, вы — так, и я — так, по-своему. То есть, не по-своему, а как положено сделаю. Мы не торговые моряки, мы — рыбаки, валюта нам дается на культурное времяпрепровождение в загранпорту. Чтобы показать обличье советского моряка, его запросы. В ответ услышал: гы-гы-гы! Нет, Вовка, точно ты с ума съехал! Двенадцать фунтов — на курлы-мурлы?! Не на «курлы-мурлы» — на дело. Модель «Катти Сарк» куплю. Видел в прошлом году. Книжку про корабли. Цветную, в картинках. Если, конечно, книжку не распродали, и она все еще «ждет» его в магазине. Ему сказали: «Слабо!» Он ответил: «А вот увидит!» И теперь думал.

Думай не думай... Томление. И не потому, что жал-

ко валюты. Нет. Смушала ординарность задуманных покупок: книжка, модель парусника... Ерунда! Надо придумать такое, чтобы все гаврики сразу захлопнули пасти и не вякали. В противном случае насмешек и подначек не оберешься. С Гибралтара топать десяток суток — десять суток и будут пиять-изгаляться. Найдутся остряки, будут просить клипер, чтобы быстрее домчатся до родного порога. И про книжку придумают какую-нибудь хохму. Придумают — привяжутся и... Вовка понимая шутики, не обижался, знал, что молчание и улыбка — лучшая защита от любителей почесать язык о хребет ближнего, но в душе жаждал не тихой молчаливой защиты, нет! Он жаждал мести.

Так ничего и не придумав, улегся спать, решив, как и полагается воспитанному на русских сказках, что утро вечера мудренее, что нечего домать голову загодя: будет день — будет пища. Что-нибудь да придумается. Экспромтом. Очень надеялся Вовка на экспромт и внезапное озарение.

Шипшандлер приехал. Вчера и приехал. Валюту раздали, но день катился к вечеру, и в город съехали немногие. Капитан, радист, штурман и механики, у кого вахта выпадала на утро.

Утром и начала работать переправа. По-настоящему. Струков попал в группу электромеханика. Сварливого и ехидного мужичка, прячущего лысину под хитрым чачесом. Боцман говорил про него, что «наш Гордеич живет в припадке последней молодости». Гордеич успел узнать о валютных намерениях своего подопечного и еще в мотоботе принял подсказывать различные способы избавления от «мирового зла». Причем самым остроумным способом (его предложение сопровождалось громким жизнерадостным смехом) считал тот, когда все Вовкины фунты попадали в его, электромеханика, лапы. Струков показал ему кукиш, и старший «пятерки» набылчился, замолчал. И поглядывал на Вовку, как на кровного обидчика и врага. И галстук поправлял, и трогал лысину. Смешно! И грустно. Ладно...

Вот и причал.

Вода лижет гранитные ступени. Слева и справа — гранитный же парапет. На нем кнехты и рымы для швартовки. Рядом врезаются в море искусственная взлетно-посадочная полоса местного аэродрома. Пацианенок стоит на парапете. Вцепился, кроха, в кнехт, а папа придерживает его за штаны. Смотрят, как целит на посадку (а вдруг промажет? а вдруг мимо?) серебристый самолет: все ниже, ниже, ниже...

Вовка остановился: «Господи, как в прошлом году! И тогда — пацианчик, и тогда... нет, тогда самолет разбегался — взлетал. А может... А может, оглянусь, а на рейде — «Эклиптика»?».

— Струков, не отставай от группы! — окликнул электромеханик. — Самолетов не видел, что ли?

Толпой человек в сорок потянулись в проходную. Сдавали полисменам загранпаспорта, получали взамен узкую полоску бумаги: пропуск в город-колонию, в город-крепость.

— О, рашн кадет? — улыбнулся полисмен, забирая у Струкова паспорт и оглядывая ладную фигуру парня, а фигура у него, действительно, дай боже! Занимался Вовка в мореходке и борьбой, и боксом, и штангой. Потому и не расстался с формой, что по-прежнему чувствовал себя курсантом, а на днях радиogramму получил. Мол, поторопитесь, загрязной из сборной училища, возвращайтесь из рейса — и сразу на первенство города по гребле.

Вовка козырнул полисмену, улыбнулся и шагнул за ворота на раскаленную, даже размягшую, припортовую площадку.

Пекло!..

Асфальт, казалось, парил, плавился под каблуками,

а воздух вонял бензином. Пот щипал глаза. Суконные штаны... Вовка тронул ремень, словно решил вдруг сбросить на ходу толстую обузу: не штанины, — парилка, ох, ох... инкубатор, а? Форменка белая — туда-сюда. Летняя, легкая. И не теплик под ней. Пришит к вырезу треугольный лоскут. Все по уму! Иначе б хана... А может, придет хана? День начинается, а эта лысая обезьяна, проклятым Гордеич, он ведь затаскает по лавкам... Врежешь дуба в духоте, а не денешься никуда, придется плестись в кильватере у этого обалдуя!..

Нет-нет, надо что-то предпринять. Срочно. Какие-то решительные действия.

Взгляд коснулся легких колясок под балдахином и понурых лошадок. Высокие облучки... и старички извозчики, готовые везти вас согласно таксе. Крайний рыдван уже отчалил, приняв в лоно породную пару. Аж рессоры прогнулись! Лошадка, однако, резко взяла с места: замелклым спицы, заколыхалась бахрома балдахина, за спинами четы вздулась бугром шторка-занавесь.

«А не махнуть ли тебе, кадет Струков, к примеру... на мыс Европа, к маяку? — обожгла мысль. — Взять да и смяться — пусть электромеханик бесится! В гробу я видел такое уловнение под конвоем. А фунтов должно хватить», — мысленно, как заклинание, произнес фразурешение и, облекая ее в плоть, ступил на узкий приступок коляски.

Извозчик о чем-то спросил седока. Вовка сообразил, что шеф интересуется маршрутом поездки, и бесшабашно махнул рукой:

— Давай, отец, вдоль по Питерской! — опомнившись, попытался облечь заказ в яоманый английский «спик»: — Комрад, э-э... ту би... драйв ту лайтхаус Европа. Йес? Ай хев драйв ин э кеб. Йес? Гоу ту Европа, кеб. Оплата гарантируется, сэп!

Коляска поравнялась с «каскадерами». Она разворачивалась у обочины. Зашоренная лошадка, нагнув голову, бодро цокала подковами, предупреждая, что может и врезать. Вдоль по Питерской. А лучше — по Мейн-стрит.

Мелькнуло ошеломленное, в бисеринках пота, лицо электромеханика, мелькнули улыбки и разинутые рты прочих. Извозчик что-то говорил. Вовка разобрал одно слово «мани» и, без разговоров, сунул ему три фунта, сумму, равную стоимости ковра, что вызвало целую волну разнообразной мимики, а Мишка Яроцкий крикнул, выражая, видимо, общее мнение всех «каскадеров»:

— Куда поехал, буржуй?

— Прожигать жизнь! Так и скажите помпе, что матрос Струков отправился в Монте-Карло прожигать жизнь. Кто нам запретит красиво жить, верно?

Больше Вовка не оборачивался.

Вовка благодушествовал. Коляска, преодолевая небольшой подъем, медленно катила по Мейн-стрит, пристроившись за такой же изящной, цветастой, лаковой, украшенной медяшками и узорами. Прозрачная занавеска не скрывала пассажиров. Головы в бескозырках, за плечами — матросские воротники. Почти такие же, как и у Вовки. Белые полоски пошире, а так — все то же. И тоже парятся, империалисты, в суконной робе.

Коляски поравнялись, — Вовкина пошла на обгон. Как ни узка улица: возможность имелась, но — впритирку, «Империалисты», увидев Вовку, ослабились. Ближний поднял плоскую бутылочку с виски и подмигнул: «Дринк?» Предложил, значит, выпить инглиш сейлор. Но русского моряка не купишь на дешевку. Вовка прижал руку к сердцу: этаким жест ладонью! И проехал мимо. Гордо. У советских собственная гордость, коли пошло на то. Так-то, господа, можно сказать, буржуи. И мне ваш «дринк» — на фиг, хотя, быть может, я и не... гм, не прочь бы и я дернуть пива. Вашего, так сказать, «бира». Это, впрочем, возможно, но это успеется. Да вон кока-колой торгуют!

Вовка остановил коляску, но вскоре продолжил поездку, потягивая из горла терпкий, пахнувший аптекой на-

питок, липкий, не наш и располагающий на определенный лад: «А не махнуть ли дальше? Обогнуть Скалу, добраться до какого-нибудь пляжика на Средиземном, хе-хе, море и макнуться. Не макнусь — сварюсь в собственном соку. Нет, определенно искупаюсь в подходящем месте. А пока... Пока нужно поднапрячь извилины и сочинить спич на английском соответствующего содержания. Мол, так и так, дир кебмен, богатый рашн моряк хочет туда-то и туда-то, чтобы сделать то-то и то-то, совершить омовение и отдохновение за соответствующее вознаграждение. Плачу, мол, за все».

Фраза никак не складывалась. Наверно, потому, что Вовка отвлекли окрестности. Магазины, магазины, лавки, киоски, пестрота вывесок, переулки, карабкающиеся в гору, пальмы, тележки с фруктами и мороженым. Слышен зазывный крик: «Айс-кри-им, айс-кри-ии-им!» Айс-крим? Гм... Сошел. Купил себе и деду. Извозчик принял угощение. «Сенкью!» — сказал. Все честь по чести.левой рукой вожжи теребит, правой мороженку держит. На отлеге. Лижет, в разговоры не вступает. Наверное, понял, что пассажир не силен в английском, а если и волокет, то — еле-еле.

«Ах, Струков, Струков! — сказала бы училищная англичанка и покачала бы головой. — Чему я тебя учила, Вовка Струков, стоеросовая голова? О простеньком не можешь спросить, а метишь в капитаны! Как же ты экзамены сдавал, Вовка Струков?»

Уела! Рассердился Вовка, поднапрягся и выдал ЦУ, то есть, для несведущих, «ценное указание»:

— Сэр... кен ай гоу... гоу раунд'з рок? Хау мач из ит? «Сэр», видимо, понял и заговорил. Вовка снова напрягся. Теперь в стремлении уловить суть ответа. Как будто удалось, а суть такова. Вокруг Скалы объехать можно. Отчего не объехать, если коляска цела, а лошадка сыта, и пассажир заплатит следуемое — добавит к прежней сумме еще два фунта. Получив сполна, извозчик, по-видимому, сделавший неплохой бизнес, повеселел и принялся втолковывать Струкову азы местной топографии: длина Скалы — три мили, ширина же всего три четвертых одной. Высота была названа в футах. Вовка мигом запутался, пытаясь перевести их в метры. Получалась какая-то несусветная цифра.

И черт с ней! До них ли ему сейчас? До высоты и футов? Плевать. День-то какой! Нет, ребята, ковры коврами, а этот день Струков никогда не забудет. Как царь и Бог, катит Вовка в легком ландо, в руках мороженое, рядом — напиток. Остались позади длинностольные орудия, древняя стена. Говорите, Карл V ее построил? Ну что ж, неплохо. Наверно, уродовался, как карла. А вообще, подумаешь... стена! Вот стéна! Слева. На которую карабкается Карлова кладка. А вот, на дуге площади, бар «Трафальгар». В честь мыса. И мыс видели, и про битву Трафальгарскую слышали, и про Нельсона читали, и фильм видели про одноглазого адмирала. За баром — домов поменьше. Кипень листвы. Лезет в гору. Справа листва накатывается на крыши. За ними сверкает бухта, в ртутном свечении солнца плавают авианосец и крейсер. Те ребята, в коляске, наверняка с них. А вон и «Каскад», а вот и еще один тралец... тоже БМРТ, из наших. Прибежал отовариваться, за «подарками» прискакал. А вон ползет паром из Танжера. Туристов везет из Африки в вонючую, бензиновую Европу. С недобензиленного еще, но уже изрядно загаженного материка черных людей на материк белого люда. Свободно везет. Едут запросто. Потому что — от буржуев к буржуям. А мы? Э-э... Везет же людям! Не нам. Серо-буро-социалистическим с большевистским оттенком. У них так, у нас — все не как у людей. Все с подвохом. Кажется, заносит меня в правый уклон, решил Струков и подумал, что если опоздает из увольнения, а последний катер с берега отчалит в 19.00, то помполит ТАК ему всыплет, так... да такое понапишет в характеристике, что лучше б ему,

Струкову, сейчас не в коляске катить, а, высунув язык, бегать с лысым по лавкам.

И черт с ними, со всеми! Сейчас он свободен, он едет, как белый человек, а вечером — будь что будет. Все вытерпеть придется. Даже истерику электромеханика. Этот обязательно накатает докладную, распишет недисциплинированность Струкова, отставшего от группы. А он не отстал. Обогнал он, укатил от группы на тройке с бубликами: и-эх, залетные!.. Давай, погоняй, фатер, или как тебя? Фазер-мазер! Жми прямо к Африке, вот она, за проливом, за синим, отменно синим проливом. Над ним нависла двуглавая Джабель-Муса — лиловое брюхо горы сползает в синь, к дельфинам, к белому крошечному пароходу, ползущему в океан...

Мыс Европа врезается в море двумя языками. На восточном, именуемом Большой Европой, находится маяк. Тоже Европа. Здесь же торчит башня Виктория, здесь же непрменная артбатарея, здесь же дом губернатора.

Вовка удосужился наконец выяснить имя «руководителя кобылы» и, обращаясь к нему, называя сэром Джоном. И сам, естественно, стал сэром Владимиром.

Здесь, на вольном просторе, сэр Джон растерял свою чопорность, не оставляющую его в собственно Гибралтаре. Почувствовал старик себя то ли в отпуске, то ли на загородной прогулке. Раскрепостился. Пристроился боком на облучке, чтобы иметь возможность вести наблюдение за дорогой и вести беседу с пассажиром. Предложил задержаться у маяка, но сэр Владимир не пожелал. Жаждал открытий. Ведь места, куда бежала лошадка и катилась коляска, увлекая седоков, могли сравниться разве что с обратной стороной Луны. Вовка мог бы поклясться, что никто из наших никогда не бывал здесь. Быть может, кто-то и добирался до маяка, но основная масса потребителей вряд ли покидала пределы Мейн-стрит и окрестных лавок.

И все-таки у маяка сделали короткую остановку.

Башня маяка имела собственное имя — Виктория, а как маяк — носила название мыса. То есть считалась маяком Европа. Чуть подивившись этому обстоятельству, неутомимый путешественник обратил взор свой на север. Если западный склон Скалы был довольно пологим, то восточный поразил Вовку своей крутизной. Казалось, обрывы падают прямо в море, вдоль которого не может быть дороги. Но дорога имела. Лепилась над морем. Сэр Джон попытался втолковать пассажиру, что, в общем-то, нет смысла продолжать путешествие в этом направлении. Нет там ничего интересного. Две бухточки: Каталан и Сальто-Гарробо, завод дымит в Каталане, есть несколько деревушек. Не лучше ли вернуться и провести время на пляже? А он имеет возле Малой Европы. За эту сумму сэр Джон согласен подождать сэра Владимира, а после доставить к причалу.

И Вовка согласился.

Солнце ушло на запад, восточный склон Гибралтарской скалы лежал в тени и слишком мрачно нависал над такой беззащитной, такой крохотной «коляской». «Какого черта? — сказал Вовка себе. — Поваляюсь в песке, пожарюсь и — обратно», — решил с каким-то облегчением, словно и вправду возвращаясь с обратной стороны Луны, куда занесло его черт-те зачем и почему какой-то неведомой силой. Ему хотелось на солнце, хотелось увидеть «Каскад», вдруг ни с того ни с сего вспомнились березы и ели, а сердце стиснуло с силой, едва ли не выдавившей слезу: «Ах, где же ты, дом родной, где же ты, где ты... а ведь еще — полмесяца месить воду винтом, а после...»

Сэр Джон повеселел и повернул назад, к маяку, куда спадали от вершины крутые террасы.

Пляж, море, купание и то обстоятельство, что перед глазами, хотя и далековато, все время находился «Каскад», действовали на Струкова весьма благотворно. Он

снова почувствовал себя, ощутил уверенность и прилив сил.

Гордежи? Помполит? Да плевал он на них! Надоели, как надзиратели, ей-пра! А вот не покажется на глаза, а на причал вернется точно к сроку. К последнему катеру. И он не виноват, что какой-то министерский идиот издал инструкцию, чтобы в увольнение ходить обязательно толпой, чтобы друг без друга — никуда, чтобы ты не выпадал из поля зрения старшего, облеченного доверием помполита. А он, если уж отколотся и засветился перед помпой, возьмет да и скажет сэру Джону, чтобы высадил сэра Владимир не у порта, а у бара «Трафальгар». Возьмет оранжада и чего-нибудь пожевать — в животе свищет! А там...

Сэр Джон высадил, довольный, несомненно, таким оборотом. Раскланялись, пожали руки, как добрые друзья, Вовка и лошадку потрепал по холке, прежде чем открыть дверь бара.

Был час, который собирал окрестных завсегдатаев и, видимо, молодежь вроде Вовки Струкова и тех матросов, что заняли два противоположных угла напротив буфетной стойки. В одном хозяева — морячки флота Ее Величества английской королевы, в другом — шумливые подданные Франции в бескозырках с помпонами. С крейсера, пришедшего рано утром.

Вовка пристроился между теми и другими. Рядом с вышколенными старичками. По выправке — отставники. Эти прихлебывали пиво, дымили, двое — сигарами, и кидали карты с невозмутимостью автоматов. Кажется, Вовка соседствовал с местными прометеями, навсегда прикованными к Скале цепями долгодетней службы в местном гарнизоне.

Вовка потягивал пиво, жевал сэндвичи, запивал то и другое оранжадом (вызывая порой удивленные взгляды морячков) и ощущал при этом каменную усталость в плечах и спине. Перегрелся, что ли?.. Наверно... к тому же, день — натошак. Не хотелось вставать, не хотелось двигаться и куда-то идти. На секунду пожалел, что расстался с сэром Джоном: сидел бы сейчас на причале и в ус не дул. Но был Вовка Струков не из тех, кто жалел о несделанном. Нет так нет — о чем разговор? Отдохнет — и вперед. Он и отдыхал, набирался сил, словно чувствовал, что скоро, очень скоро, наступит момент и они, силенки, понадобятся матросу Струкову.

Сквозь стеклянную дверь и стеклянные окна-стены виднелись площадь и скверик в дальнем углу, образованном выступами «карловой» стены. В скверике — люди. С газетами в руках. В прошлом году Вовка отдыхал в этом скверике. И тоже с газетой, подобранной на скамье. Ну, что ж... теперь вот сидит в баре, как фон-барон.

Впрочем, не фон-барон, не-ет... Заметил Вовка, что его форма привлекает внимание подвыпивших морячков. Примечал взгляды. У них вроде спор возник по поводу отсутствия погон на Вовкиных плечах. Потом сообразили: кадет! Ну, ясно... хотя две лычки спороты с рукава, но красный треугольный флажок остался на месте. Сообразили, служивые, что к чему.

Ему нравилось примечать эти мелкие детали. Примечать и отгадывать их значение. Появилось чувство общности. Возможно, сыграло роль дневное общение с сэром Джоном. Тот расшевелил Вовку, до того взбудоражил парня, что фразы и словечки, вкопаченные в голову курсанта настырной англичанкой и лежавшие доселе мертвым грузом, вдруг точно и осмысленно начали слетать с языка. Хотят бы здесь, в баре, когда заказывал сэндвичи, у него не возникло проблем с барменом. И этих понимал, парней Ее Величества. И то — одним лычком шиты, одним морем крещены, одним океаном повязаны, а что говорят по-разному, так это дело наживное. Главное, душу понять.

Невинные напитки «кадета» вызвали грубоватые шутки. Мол, знаем, как это бывает! Сидишь на мели, камрад? Вовка не подал вида, но оскорбился. Едва не заявил,

бедолага, что он, мол, как все советские моряки, не пьет виски по идейным соображениям. Но фраза получилась сложной, а уж сказать «по идейным»... ни в зуб ногой, да, не по зубам ему. Не-по-зубам! И уж вот тут-то совершил глупость: пошел к стойке и выложил два фунта за бутылку «Уайт хорс», «Белой лошади» то есть. А никто и внимания не обратил. Включились зеленые лампы, заиграла музыка. Матросы, кто был с девчонками, приняли рок-н-ролл, а старички-унтеры покинули бар. А тот морячок, что спросил про «мель», подсел к нему, завел разговор о России и о «советах». Тогда-то Вовка и вспомнил, что парень этот, с товарищем, катил с ним бок-о-бок в такой же коляске, под таким же балдахин, с таким же старичком на козлах, как незабвенный теперь сэр Джон.

Поболтали. Выпили «Лошади». Фразы-то складывались с трудом. Но выпили. За знакомство, за флота, за море. Тут все ясно-понятно, все без булды.

Вовка не опьянел, но состояние было странным. Как во сне: хочешь убежать от кого-то — пыхтишь, силичишься, а ноги — не твои. Чужие ноги, ватные. На них стоять трудно, не то что бежать, спастись, когти, как говорит, рвать. Но то — во сне. Сейчас Вовку разморило, скособочило. Под потолком шелестели вентиляторы — пересел под струю, благо новый знакомый освободил стул и перебрался к своим. Вовка решил чуток подождать, собраться и, оставив бутылку (да ну ее — к чертям собачьими!), намылиться в дверь. Вот угомонятся танцоры, освободят дорогу — он и дунет в порт, прямиком на причал. В запасе минут двадцать — двадцать пять. Уже недостаточных. Явно. Но... Хватятся же его — подождут. А может, Гордеич уже и сейчас дежурит. Ждет, чтобы паспорт забрать. Ей-ей, этим... словом, этим — что важно? Не человек, нет. Важно собрать у матросов все загранпаспорта и спрятать в сейф. А после ладони потереть: пор-рядок!

Вот сейчас он подыметсЯ и...

Ох, ох, ох... Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить.

...ладони потереть: порядок, мол, в танковых войсках. А он им назло? Назло им заварил всю эту кашу, так, что ли?

Ввалилась — на рок-н-ролл прилетели? — компания. Именно ввалилась, именно компания. Будь то в России, Вовка бы сказал: гоп-компания. Так бы и сказал. И это — все. А так — парни как парни. Человек семь. И три девицы. Тоже не из страны победившего социализма. Вовка на таких не заглядывался. Считал вульгарными, если... гм, цивилизованным языком. И парни особенные. Есть крепыши: оторви да брось. И в подпитии. Таким, наверно, тогда веселье, когда море по колено, а кулаки три дня как чешутся. У заводилы (с платком на шее и при карабас-барабасовых усах) для шика, видимо, цветок приколот к кармашку безрукавки. Белый. Кажется, хризантемой зовется. Остальные парни разные, но одеты похоже, отметил Вовка. Машинально. Как факт. Ведь компания, раздвигающая танцующих, просочилась к Вовкиному столику и к соседнему, пустовавшему с тех пор, как покинули бар местные «прометеи».

Все бы ничего, но...

Все переменялось и очень стремительно.

Вовке что-то сказали. Вовка не понял. Не дождавшись ответа, ребята сдвинули столики. Ему не жалко — гуляйте. Вы — хозяйева, он — гость, но... Нет, так не договаривались: одна из девиц защебетала, закартавила, зацокала и присела к Вовке. И не просто — повисла. Правой лапкой — за шею, прижалась к плечу, левой плеснула «лошади» в пустой стакан и снова пискнула что-то, припадая к нему губами.

Ах ты!.. Опомнися. Смешно, но не дома, и черт его знает, как себя вести. Руку красотки все-таки сбросил. Может быть, слишком резко, может быть. Однако реакция девицы, говоря суровым языком газеты, была неадекватной Вовкиному поступку. Она завизжала и... укусила

его за ухо! Поблазнилось что-то дура! Но кровь-то течет! До крови цапнула!

Вовка вскочил — девица вцепилась в руку. Главное, не понять: смеется или плачет? и какой во всем этом смысл? и есть ли он вообще? У Вовки голова — кругом, а заводила с цветком — тут как тут. Сорвал с себя платок и петлей набросил на Вовкину шею. Стиснул, потянул концы — глаза на лоб: ма-ама!

...а по ним ходить.

Меньше всего хотелось Вовке ввязываться в драку. Не нужны ему неприятности, не нужны. Но в глазах-то темнело, и напирать стали. Хошь-не хошь, а нужно спастись. И Вовка, чтобы ослабить удавку, шагнул, отпихнув девицу, прямо к парню и, почувствовав, что сейчас на него бросятся эти, ударил справа в роскошный, что метелка, ус.

И завертелась карусель.

Вовку бить не дали, Вовке бить не дали. Парни в бескозырках были оскорблены. Как, наших бьют, бьют наших с океана? И заслонили Вовку плечами. А морячок с широкой нашивкой у плеча, с которым познакомился, но не обменялся именами, потащил Вовку за дверь. Что-то говорил, но от волнения, от нервной встряски, влетали в уши отдельные слова: «не стоит», «мы сами», «в порт». Да, в порт, куда он безнадежно опаздывал. Вернее, уже опоздал. А если?... Вот же — коляска и... На вахте сэр Джон!

В баре звенели стекла. Уже мелькали за стеклами бескозырки с помпонами: кажется, французский флот, забыв о поражении при Трафальгаре, пришел на помощь бриттам.

На причале — ни души. Вот так — ни катера, ни Гордеича, а ведь наверняка сидит сейчас у помпы и докаывает, что он не виноват в том, что этот подлец Струков смылся от группы, укатия в коляске и где его теперь искать? Ищи-свищи...

Вовка разделся до трусов. Потом и трусы снял, а ботинки поставил в сторонку: не сопрут за ночь — утром заберет.

Одежду стиснул, скрутил в плотный сверток и стянул ремнем Паспорт моряка — в самой-самой середине, куда не скоро доберется вода. Резинкой, вынутой из трусов, пристроил сверток к затылку.

Закат угасал, а музыка делалась все слышнее, все громче. Летела к нему, а он плыл, держа на корму огромного «Рафаэля». Белый сахарный город, набитый турретами... Лайнер пришел днем, когда Вовка жарился на пляже. «Каскад», крохотный мятый «Каскад», прятался за ним и тоже слушал музыку с итальянца.

А Вовка Струков плыл, плыл до тех пор, пока тихую музыку не забил трескотней движок мотобота: помполит послал команду на розыски «беглеца». На носу адела в последних лучах лысина электромеханика. Гордеич бдил, Гордеич был на боевом посту...

Вовке Струкову прихлопнули визу: опозорил.

Владимир Струков работал в порту, работал на разных судах, закончил училище и, хотя каждый год подавал на визу, получил ее только через семь лет.

Владимир Васильевич Струков, капитан дальнего плавания, держит в каюте портрет адмирала Нельсона и репродукцию с картины, изображающей Трафальгарское сражение. Когда его спрашивают о причинах, видимо, пристрастного выбора изображений, Владимир Васильевич отвечает, что «было дело под... Трафальгаром». Он принял, правда, косвенное участие в битве, но, тем не менее, подобно Нельсону, понес некоторый урон. Тот был смертельно ранен в сражении, а ему, Струкову, прокусили ухо. И в доказательство трогал раздвоенную мочку. И воздерживался в дальнейшем от каких-либо комментариев.

Нил
ЧЕМЕЗОВ

ИЗМЕНА

Рисунки
Наталии
Ермолаевой

Эта история приключилась давно, когда я был молод. Мы с женой и крохотной дочкой жили в глухом таежном селе на берегу прекрасной реки Медвежьей. Меня, начинающего учителя, завела в те края неодолимая страсть к охоте и рыбалке, из-за которой я немало покочесил по Сибири, порой забираясь в отдаленные, мало обжитые места.

Мой отец, сельский учитель, как и большинство коренных сибиряков, заядлый охотник и рыбак, ушел из жизни в январе памятного тридцать восьмого года, когда мне было десять, а сестре восемь лет. Он был оклеветан перед органами НКВД одним недобрим человеком и, предупрежденный знакомым чекистом о предстоящем аресте, понимая свою обреченность, покончил с собой.

Попавшая в нужду мама, тоже учительница, в годы Отечественной войны променяла на хлеб все, что можно было променять: от одежды и обуви до обручального кольца. Однако кое-что из семейных богатств досталось и мне: рыболовные крючки, лески и, самое главное, старенькая одноствольная курковка двадцать четвертого кадрибра с полным набором охотничьих принадлежностей.

Голод не тетка, пирожок не поднесет. С двенадцати лет мне пришлось взяться за охоту. По сей день благодарен тому расхлябанному ружью. Как оно выручало нас и в военное лихолетье, и в полные лишения первые послевоенные годы!

Зверя и птицы в Присаянье развелось тогда видимо-невидимо. Охотники ушли на войну, и промыслом никто, кроме мальчишек вроде меня до немощных, вышедших из годов стариков, не занимался. Я, голый-полюй сопляк, по весне приносил с окрестных озер и болот по два-три диких гуся. Про тетеревов, рябчиков, уток и говорить нечего. Мама с сестрой почти каждый день ощипывали птицу. Охотился и на зверя. Зимой частенько ловил петлями зайцев, по теплу не раз скарауливал на зверовых тропах косуль. Доводилось добывать и сохатых.

Собаки у меня, разумеется, не было. Какая уж там собака, когда самим есть нечего! Охотился с помощью капканов, петель, самодельных чучел, с подхода или из скрада. И до того натерел, что лучше не надо. Знал, когда и куда мне идти со своей переломочкой, чтобы не вернуться домой пустым. И так продолжалось много лет.

Уже после учительского института и женитьбы я смог наконец обзавестись желанным четвероногим помощником. По соседству с нами жил со своей большой семьей Кузьма Суратов, большой знаток промыслового дела, вечно пропадавший на реке или в тайге. Человек молодой, бывший фронтовик, по характеру сдержанный и молчаливый, он держал трех собак, слава о которых шла по всей округе. Две из них работали только по зверю — медведю и лосю, а третья, маленькая ростом, шустрая и звонкоголосая Пальма, была незаменима в охоте на соболя, белку и птицу. От Суратовых я и принес темным ноябрьским вечером беспомощного, величиной с детскую рукавичку щенка, дочь Пальмы.

Жена, выросшая в детдоме, добрая по натуре, всегда отличалась любовью к животным и быстро привязывала их к себе. Она окрестила сучонку Чайкой и заботилась о ней так, как это могут делать лишь женщины. Из лоскута старого полушубка изладила в углу мягкую подстилку, поила щенка молоком, специально поставленном в глиняной кринке на теплый шесток, а когда он мерз и начинал визжать, брала его в постель.

К августу Чайка стала одной из лучших лаек в деревне. Небольшая, как мать, серо-пегего окраса, с загнутым в калач хвостом, выразительными карими глазами, острыми треугольными ушами, она была подвижна и го-лосиста.

Чайка, как и полагается чистопородной сибирской лайке, отличалась терпеливостью, сдержанностью и, я бы сказал, суровым характером. Не лизалась и не прыгала от радости, вроде легавых, при виде хозяина. Лишь поз-волит потрепать себя по спине, почесать за ухом и стой-

дет прочь со спокойным, полным достоинства видом. Волнение и явное нетерпение она выказывала лишь тогда, когда я появлялся на низком крыльце нашей избенки в охотничьем снаряжении.

Жена частенько обижалась на нее:

— Вспоила, вскормила, а она и приласкаться не хочет! Ни капельки благодарности!

Мне же собачка прилась по душе.

Весну я охотился привычным способом — Чайка была еще мала, летом же стал брать ее на рыбалку. Приятно видеть рядом живое существо, которое, сдастся, тоже поглядывает на поплавки, вскакивает, когда ты хватаешься за удище, и огорчается не меньше тебя, если рыбина сходит с крючка. Вместе перекусить хлебной горбушей

барсуками мы с тобой охотиться никогда не будем. Пошли!

Куда там! И слушать не хочет. Неотрывно смотрит вверх горящими глазами, возбужденно мечется с места на место и заливаается в лае. Приходилось брать за ошейник и оттащить от дерева. Идет рядом и все оглядывается, все порывается побежать назад, а на морде написано великое огорчение: так старалась, и вот тебе раз!

— Ничего, Чаенька! — ласково наговаривал я. — Что наскучит, то и научит!

Но разве можно успокоить словом такой азарт?

Ниже нашего села в пойме реки было широкое и длинное, наверное, на целый километр, Чертово озеро с густым ельником по берегам. В нем, изрядно зарос-

с вареным мясом, испить студеной воды из прозрачной реки, вместе возвращаться знакомой тропой домой.

По незнанию я ничему не учил Чайку. Ей были неведомы всякие там команды: «Принеси», «Лежать» и так далее. Натаскать собаку помог Кузьма. В августе он несколько раз брал ее на охоту по птице, и она, видимо, всему научилась у Пальмы.

— Всех денег стоит твоя Чайка! — с оттенком зависти говорил Суратов. — Кабы знал, что такая вырастет, ни за что бы не отдал. Береги ее, паря, пуще правого глаза!

В Чайке проснулся великий охотничий инстинкт. Хотя по первости было не без казусов. Окажемся в тайге, и моя маленькая собачка, сверкая белыми пезинами среди деревьев, идет кругами. Нападет на барсука, загонит его на дерево и залается звонким чистым лаем, призывая меня на помощь.

— Зачем ты его загнала, глупая? — ворчал я, радуясь серебряной звонкости ее голоса. — Это же не белка! За

шем камышом, кувшинками и ряской, уток водилось до пропасти. И чирков, и шилохвостей, и нырков, и жирных крякв. В один из августовских вечеров, разгоревшись желанием отведать утятинки, я пошел на озеро.

Чайка сходу ринулась на мелководье и пошла в поиск, только шелестели камыши. Увидела утку, резкий рывок, и кряква взмыла вверх. Мне осталось только взять ее на мушку и свалить выстрелом. Добыча упала в глубокое место. Чайка торпедой поплыла за ней и через несколько минут положила там, откуда я мог взять ее без всяких трудностей. Я был без ума от радости:

— Чаенька! Да ты просто золото! Иди сюда, моя красавица, я тебя расцелую!

Укоризненно посмотрела на меня — нашел, мол, время для нежностей! — и опять нырнула в камыши.

Особенно мне понравилась охота с Чайкой на косачей, когда выводки еще не рассеялись. У Кузькиного мыса, километрах в полутора от села, среди березняков

и сосняка лежали хлебные поля, по гривам было полно брусники, а в недалеком болоте все краснело от клюквы. Тетеревов в этих благодатных местах водилось несчетное множество.

Мы приходили сюда задолго до восхода солнца. Славное было время! Вы бродили по лугам и лесам в чудную пору, когда начинает рассеиваться сумрак и нарождаться новый летний день? Над лесистым хребтом заревом пожара растет и ширится алая заря, вокруг безмятежный покой. Где-то за темными еще кустами, в пелене тумана, совсем недалеко раздается посвист утиных крыльев и шумные всплески воды. Благодушно покрывают шилохвости и криквы, перекликаются чирки-свистунки, желая друг другу доброго утра, пробуют звонкие трубы журавли. Каждый куст норовит обдать тебя прохладным душем, высокая сочная трава, побелевшая от росы, обливает мокрые сапоги, сдерживая шаг. Воздух влажен, чист, дышится легко. Нет, об этом не расскажешь словами, это надо увидеть и прочувствовать.

Впереди чуткая настороженная собака, вся мокрая от росы, за ней ты, сжимающий в руках прохладное ружье, готовый к любой неожиданности. Вот перед тобой на мху возникли птички наброды в виде петляющих крестиков. Стоп! По телу пробегает знакомая каждому охотнику дрожь, ты весь напрягся, стволы бескурковки приподняты, палец привычно ложится на спуск... Где-то рядом тетерева! Чайка, нервно вздрагивая, крадется, вытянув перед собой острую морду, затем не выдерживает и делает стремительный прыжок. Птица шумно взлетает, и тут же гремит выстрел.

Вслед за попавшим на мушку чернышом поднимается весь выводок и, немного пролетев, рассаживается на старой раскидистой березе. Собака подбегает к дереву и, виляя хвостом-калачом, отчаянно лает. Я неслышно переступаю по траве, таюсь за кустами, подкрадываюсь к березе со стороны собачьей головы, на которую завороженно смотрят птицы. Выстрел, и один из краснобровых красавцев падает к ногам Чайки. Не мешкая, мы начинаем поиск другого выводка и охотимся до тех пор, пока не высохнет роса.

— Шесть косачей! — изумлялась жена. — И все заслуга Чайки? Иди сюда, добытчица, я тебя покормлю вкусненьким...

Собака стала мне другом, без которого я не мыслил своего существования.

Именно в то лето произошел случай, при воспоминании о котором меня начинает глотать совесть.

К девяти утра к нашему берегу должен был подойти катер, на котором учитель собрался ехать в районный центр на традиционную августовскую конференцию. Я надумал с утра пробежаться на Холодный ключ и пострелять в пихтаче рябчиков. Охота пуще неволи! Что стоит для молодых ног пять-шесть километров?

Рябчики на первом году жизни на удивление любопытны, и стрелять их не составляет труда. Одного снимешь, а другой пролетит на полсотни шагов и даже не затанцует. Добыв четырех рябков, я сел на валежину покурить. Чайка же, увлеченная охотой, ушла по заваленному буреломом лесу к вершине ключа. Несколько раз отрывисто, вздохнув взяв вдалеке, она умолкла.

Пора было возвращаться домой, и я резким свистом позвал собаку. Подождал несколько минут — Чайка не шла. Раньше ничего подобного с ней не случалось. Я принял снова свистеть, звать голосом. Лайки не было. Во мне закипела злость. Времени остается совсем мало, вот-вот на реке затарахтит катер, а тут такой фокус! Прошел метров двести по ключу, кричал, свистел, но все было бесполезно. Кругом стояло полное безмолвие. Куда-то ушла, негодница!

Я плюнул и решительно зашагал к селу, дав слово наказывать собаку.

— А где Чайка? — спросила жена, приняв рябчиков.

— Разве она не пришла?

— Нет.

— Вот мерзавка! Значит, где-то блудит, прибежит потом. Бросить хозяина в тайге!

— Неужто бросила? — огорчилась жена.

Расстроенный, я уехал в райцентр. Слушал выступления на конференции, вел беседы с товарищами, а в душе росло чувство смутной тревоги. Вернулась ли Чайка домой?

Поделился бедой с одним из коллег, опытным охотником.

— Сам виноват, Андрей! — резанул он. — Не она тебя бросила, а ты ее! Лайка никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит хозяина в тайге. Такого не может быть! Надо было искать. Случись подобное с моей Омегой, я бы на конференцию не поехал, но в беде ее ни за что бы не оставил! Попала твоя Чайка в какой-то переплет, это уж точно!

После этого разговора я вовсе потерял покой, лишился сна. В голову лезли гнетущие мысли, перед глазами рисовались картины, одна страшнее другой. Вот Чайка с развороченным самострелом животом лежит на тропе, истекая кровью, и тщетно ждет помощи от хозяина. Вот она бьется в петле, умирая от жажды и голода...

Мы вернулись домой на пятый день.

— Пришла? — был первый мой вопрос жене.

— Нет! — хмуро ответила она и с горьким упреком добавила: — Собака ли виновата, Андрей?

И так извелся, а тут еще подливают масла в огонь! Вскоре к нам зашел Суратов, как всегда, неспешный в словах и движениях.

— Услышав катер, подумал, что ты приехал. Решил завернуть, — степенно произнес он, пронзив меня внимательным взглядом умных синих глаз. — Тебя, паря, однако, из-за Чайки в заботу бросило? Позавчера я шел на шесте от Сергеевской протоки и слышал собачий вой. Глухо так, вроде как из-под земли. Где-то в вершине Холодного ключа, у барсучьих ям, по-моему. Не Чайка ли залезла в нору и застряла в ней? Хоть и мала ростом, но все же не норная собака. В барсучьей яме ей не развернуться. В какое время она от тебя убежала?

— Да только-только выглянуло солнце.

— Тогда так и есть, пошла за барсуком. Бери лопату да взверши Холодный. Может, жива еще...

Мигом переодевшись, я взял лопату и скорым шагом направился на то место.

У ям было тихо. Я присел перед главным входом первой из них и в полный голос позвал:

— Чайка! Чайка!

Молчание. Могильной тишиной отозвались мне две другие норы. А у четвертой, заставив сердце затрепетать от радости, в ответ на мой зов раздались глухие хрипы потерявшей голос собаки. Чайка!

С таким остервенением я, наверное, не работал ни разу в жизни. Вспотев, стащил с себя пиджак, рубашку и безостановочно, не разгибаясь, бросал и бросал лопатой тяжелую песчаную землю.

— Потерпи, Чаенька! Потерпи!..

Вот он, серый собачий хвост! Через пару минут я взял Чайку за задние ноги, вытащил из норы и бережно положил на траву. С прилипшими к шкуре комочками земли, она лежала на боку, редко и глубоко дышала, широко открыв пасть с подергивающимся сухим языком, и глядела на белый свет затуманенными глазами.

— Прости меня, Чаенька! — молил я, глотая слезы. — Виноват перед тобой! Прости! Воды хочешь? Сейчас!..

Я взял ее, почти невесомую, на руки и торопливо понес к ручью. Она не в силах была лаять и лежала на траве, беспомощно уронив голову. Пришлось черпать воду пригоршней и вливать ей в пасть.

Наконец, Чайка стала приходить в себя. Повернулась на живот, с трудом подползла на дрожащих ногах к ключу и надолго припала мордой к его потоку...

Рисунки
Натальи
Петровой

Сергей
ГЕОРГИЕВ

Камень

Однажды к мудрецу Лунь И пришел незнакомый юноша и попросил мудреца взять его в ученики.

— Я должен сначала испытать тебя, — отвечал мудрец Лунь И.

Мудрец поднял придорожный камень, протянул его юноше и сказал:

— Представь себе, любезный незнакомец, что этот камень способен думать. Какие мысли он в себе таит, по твоему разумению?

Юноша взвесил камень на ладони и быстро начал говорить:

— О, это коварное и злобное существо! Тайные мысли его страшны, а планы опасны. Он ненавидит всех и все на свете и не упустит момента, чтобы показать свою подлую сущность. Он неподвижен, и это выводит камень из себя, доводя до сумасшествия. Но подожди, в черной своей душе он лелеет!..

— Достаточно, — остановил юношу мудрец Лунь И.

— Но зачем ты хотел знать мысли этого камня, славный мудрец Лунь И? — переведа дух, спросил юноша.

— Я хотел узнать мысли вовсе не этого камня, — кротко отвечал мудрец Лунь И. — Разве камень может думать?!

Пределы возможного

Однажды Великий Мандарин, после длительных размышлений, заметил:

— Справедливость законов Неба подтверждается тем, что всякая жизнь неминуемо заканчивается смертью, независимо от того, праведная то была жизнь или преступная.

Подумав еще немного, Великий Мандарин добавил:

— Законом Неба мне дана власть приблизить любую смерть и сделать жизнь короче. Но в моей ли власти сделать жизнь хотя бы на мгновение длиннее?

— Нет ничего проще, мой господин, — заметил на это палач Хо. — Достаточно отсрочить казнь.

Открыск

Однажды, вернувшись со своего нелегкого промысла домой, свирепый разбойник Бан спросил маленького сына, кем тот хочет стать, когда вырастет.

— Сборщиком податей, мой дорогой отец, — отвечал мальчуган. — Сборщиком податей, как достопочтенный господин Пун Ли.

— Сборщиком податей?! — опешил разбойник Бан. — Но почему?!

— Потому что я вижу, мой милый отец, как тяжело приходится в жизни честным и порядочным людям, таким, как ты, — отвечал смысленный мальчуган.

Сон

Однажды наемному солдату Чу Фыну приснилось, будто он сражался с огнедышащим драконом и победил того.

Чу Фын рассказал о своем сне мудрецу Лунь И.

— Но что самое удивительное, — закончил он, — когда я проснулся, то обнаружил, что мой меч затупился и на нем много зазубрин!

— Ничего удивительного, — отвечал мудрец Лунь И. — В сражении с драконом легко привести в негодность самое надежное оружие. Мне же снился совсем другой сон.

— Какой же? — спросил наемный солдат Чу Фын.

— Мне приснилось, — отвечал мудрец Лунь И, — что пока ты спал, храбрый Чу Фын, соседские мальчишки тайком вытащили твой меч и сражались им с толстыми стеблями бамбука.

Иероглиф

Наемный солдат Чу Фын однажды пришел к Мудрецу Лунь И и попросил того сделать надпись на боевом щите.

Мудрец Лунь И охотно согласился.

— Что бы ты желал, храбрый воин, видеть написанным? — спросил мудрец, окуная кисточку в тушь.

— Напиши коротко, — наморщил лоб отважный солдат. — Вот что: «Храбрый воин Чу Фын, обладатель острейшего из мечей и длинного копья с железным наконечником, непобедимый солдат Великого Мандарина, повелителя Поднебесной Империи, участник трех войн и множества боев, гроза бенгальских и уссурийских тигров, победитель огнедышащего дракона, не говоря уже о других подвигах, коим нет счету».

— Хорошо, — согласно кивнул мудрец Лунь И и написал на щите солдата Чу Фына один крошечный иероглиф.

— Ты смеешься надо мной, старик! — увидев иероглиф, разгневался воин Чу Фын.

— Ничуть, — смиренно отвечал мудрец. — Просто я подумал о твоих врагах, храбрый воин, которым придется читать эту надпись.

— Что за глупости! — возмутился солдат Чу Фын. — Разве в бою есть время читать надписи на щитах?! К тому же, где ты видел, старик, солдата, который вообще умеет читать?

— Значит, эта надпись не для врагов, — смиренно улыбнулся мудрец Лунь И. — Хотя именно враги чаще других могут увидеть твой щит с этой стороны...

— Да, это так, — согласился воин Чу Фын. — С моими друзьями я сражаюсь в одном строю, плечом к плечу!

— Следовательно, эта надпись и не для них, — кивнул мудрец Лунь И. — Остаешься один ты, храбрый воин Чу Фын.

— Я тоже не умею читать, — потупился храбрый солдат.

— Ведь этот щит твой, — подбодрил Чу Фына мудрец Лунь И. — Как ты думаешь, что здесь может быть написано?

Наемный солдат Чу Фын долго и пристально изучал крошечный иероглиф на собственном щите, затем неуверенно посмотрел на мудреца Лунь И.

— Щит мой... — сказал солдат. — И я не смог придумать ничего другого, кроме...

— Ну-ну! — ободряюще улыбнулся солдату мудрец Лунь И.

— «Храбрый воин Чу Фын, обладатель острейшего из мечей и длинного кося с железным наконечником, непобедимый солдат Великого Мандарина, повелителя Поднебесной Империи, участник трех войн и множества боев, гроза бенгальских и уссурийских тигров, победитель огнедышащего дракона, не говоря уже о других подвигах, коим нет счету!» — одним духом выпалил отважный наемный солдат.

— Я в точности выполнил твою просьбу, — выслушав до конца, сказал мудрец Лунь И.

Расстояние

Однажды солдату Чу Фыну показали боевой лук, стрелы которого легко поражали цель, отстоящую на триста локтей.

Испробовав лук, солдат Чу Фын равнодушно произнес:

— Совершенно бессмысленное оружие. Разве можно ненавидеть врага на таком большом расстоянии?!

Вчерашний чай

Однажды мудрец Лунь И и его любимый ученик пили душистый лянский чай.

Чудесный напиток так понравился обоим, что славный юноша решил подольше растянуть удовольствие. Ученик мудреца Лунь И разлил остатки чая в две большие чашки и оставил их на завтра.

На следующий день холодный вчерашний чай уже не показался ни мудрецу Лунь И, ни его ученику таким уж вкусным и душистым.

— Вот так меняются наши представления о прошедшем, — грустно улыбнулся мудрец Лунь И.

...мы живем обрывками одной жизни, обрывками второй и третьей жизни; они друг с другом не связаны, да мы и не сможем их связать.

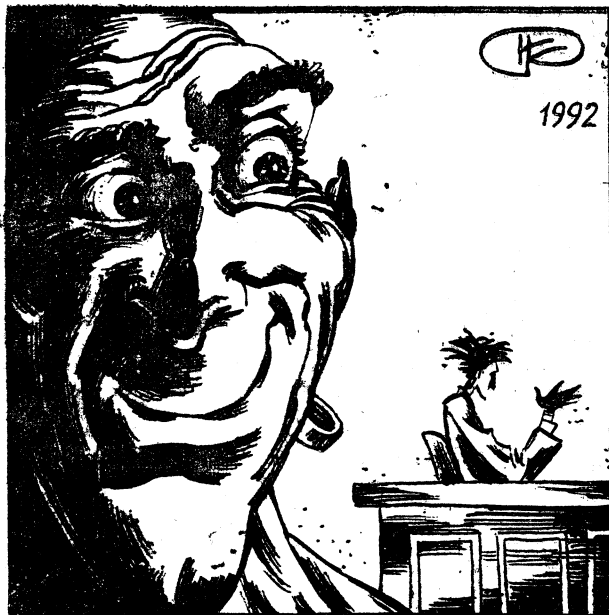
Эрих Мария Ремарк. Черный обелиск

...нам нужны внешние опоры, дабы образовать свое внутреннее «Я»...

Александр Зиновьев. Иди на Голгофу

Николай ОРЕХОВ,
Сергей ОРЕХОВ

Рисунки
Константина
Комардина

СЕРЬИЙ

Повесть

Глава 1. КОШМАР

Владислав Львович Равин сидел, ссутулившись, на краешке стула перед заваленным кипами рукописей столом и от нетерпения пощелкивал суставами пальцев.

«Когда же он закончит болтать по телефону?» — думал Владислав Львович, разглядывая сидевшего напротив нового ответственного секретаря редакции. По телефонам разговаривать — это они умеют. Какой-то щуплый, неказистый. Надо будет его как-нибудь в расказик воткнуть. А что! Вполне сгодится. Лицо у него вон какое красное, да еще красный галстук на белую рубашку нацепил; чего-то дергается весь — ну прям мотыль на рыболовном крючке! Голосок его тоже на бумагу просится — в трубку не говорит, свиритит, свисток засоренный. И глаза: черты лица мелкие, глазки-пуговики, а зрачки большие. Такие зрачки у страдающих близорукостью. Что же мне этот любитель телефонного общения скажет? Что с моей рукописью решили? Когда же он болтать кончит?!

Владислав Львович вслушался в шум дождя за окном. Дождь еще не вовремя зарядил. Пока отсюда до дому доберешься — вымокнешь весь. Да и время уже — нормальные люди давно по домам сидят. Светлана сегодня обещала прийти, а у меня холодильник пустой. Целый год встречались на чужих квартирах, впервые согласилась прийти ко мне домой, и вот на тебе — подготовился...

— Вы меня извините, — неожиданно прервал размышления Равина секретарь, бросая трубку, — разговор важный был. А вы, простите?!

— Моя фамилия Равин, Владислав Львович.

— Да-да-да! Очень приятно! Это я вас пригласил. Я тут человек новый, меня зовут Червякин Мстислав

Аполлинарьевич. Где-то ваша... — Секретарь начал перекладывать стопки рукописей на столе.

«Смотри-ка, ведь я почти угадал: не мотыль, но Червякин», — усмехнулся про себя Равин.

— Вот она, нашлась. — Червякин развязал тесемки папки. — Вы договор-то с нами еще при старом секретаре подписывали? Так вот, — Червякин пробежал глазами по тексту договора, не доставая его из папки, — я вас пригласил для того, чтобы предложить несколько доработать рукопись. Понимаете, согласно договору, это должен быть рассказ ужасов! — Червякин попытался изобразить на своем лице что-то ужасное, но получилось такое, что Равин едва сдержался от улыбки. — Жуть, в общем, должна быть, понимаете?

— Понимаю, — Владислав Львович закивал головой. — А у меня не страшно?

— Нет, ну, конечно, кое-что есть! — Червякин на мгновение подпер лоб сжатым кулачком, но тут же выпрямился и передернул плечами. — Но, понимаете, не то. И мы предлагаем вам доработать рукопись именно в плане, так сказать, эффектов страха. С литературой у вас вполне нормально, претензий нет. А вот с щекотанием нервишек читателю — слабовато. Возьмете на доработку? Договор мы расторгать не будем, только на доработку!

Владислав Львович молча взял папку. Червякин вышел из-за стола.

«О-о! — мысленно воскликнул Равин. — Да ты еще и с сидячую собаку ростом!»

Червякин шаркнул ножкой, протянул руку.

— Итак, имею смелость рассчитывать на скорую встречу.

— Да-да, — пробурчал Владислав Львович, пожимая маленькую ладошку ответственного секретаря. — До свидания!

Он вышел из кабинета и, испытывая какое-то непонятное чувство облегчения, мягко закрыл за собой дверь. Ну и черт с вами! — чуть было не крикнул во весь голос, но сдержался, понимая, что все равно сюда придет. Облегчение сменилось тягостным предчувствием предстоящей работы, не сулящей никакого удовлетворения.

«На кой черт я согласился на доработку!» — чертыхнулся про себя Равин.

Он повернулся было к двери, но, так и не решившись войти в только что покинутый кабинет, махнул рукой и, слегка сутулясь, пошел по полутемному коридору к выходу.

Был уже девятый час вечера. «Скоро придет Светлана, а я могу не успеть в дежурный гастроном». Равин поехал, задержавшись на минутку под козырьком редакционного подъезда, зло посмотрел на ползущие по небу свинцовые тучи и, сунув папку под полу пиджака, зашагал к автобусной остановке.

В углу выложенной из фиолетовых стеклоблоков будки примостилась, как курица на насесте, закутанная в выцветшее тряпье и старую засаленную фуфайку старуха. Заметив прохожего, старуха вытянула руку и, непрерывно кланяясь, что-то забормотала. Владислав Львович вынул из промокшего насквозь кармана несколько монеток.

— Благодарствую, родименький, благодарствую! — слышал в бормотании старухи Равин.

— Бог с тобой, бабуля! Какой прок от твоих благодарностей! — неожиданно для себя разозлился он. — В том, что мне надо сделать, только сам дьявол помочь может!

— Как скажешь, милоч, так и будет. Как скажешь... — чуть громче запричитала старуха. Тучи над крышами озарились трепещущим светом молнии.

Владислав Львович запрыгнул в подошедший пустой автобус и, пока не закрылись двери, стоял на площадке и смотрел на непрерывно кланяющуюся старуху. Эта встреча окончательно выбила его из колеи, и он, совершенно забыв и о секретаре редакции, и о Светлане, и о том, что дежурный гастроном скоро закроется, доехал, тупо уставившись в окно, до своего дома.

Двести метров до своего подъезда Равин преодолел бегом, шлепая башмаками сорок пятого размера по кипящим лужам. Вода стекала с плеч ручьями, оставляя сплошной мокрый след на старых мраморных ступенях. Он быстро поднялся на третий этаж.

— Владислав Львович! Вымокли-то как! Что же вы зонтик-то не носите?

Равин обернулся. Это была всегда все знающая соседка по площадке Эльза Марковна, принадлежащая к тому типу женщин, глядя на которых невозможно определить, то ли им тридцать, то ли пятьдесят лет. Она стояла слегка согнувшись и, скрестив руки под подбородком, сочувственно качала головой.

«Откуда ее черт вынес?! Вечно появляется, как из-под земли», — подумал Равин.

Он достал ключ и со злостью ткнул им в замочную скважину. Ключ в скважину не попал, однако дверь от толчка приоткрылась.

— Ой! Никак обокрали вас! — соседка ловко боком протиснулась между Равиным и дверью, осторожно, держась за косяк, заглянула в темный коридор. — У вас там какие-то бумаги летают.

— Нечего у меня красть и нечему летать! — Равин отнесил рукой соседку, вошел в квартиру и закрыл дверь.

К его ногам скользнули два белых листа бумаги. Владислав Львович нашупал выключатель и включил свет. Это были черновые страницы его старой рукописи. Перешагнув через них, Равин открыл дверь в ванную, подмокшую папку с возвращенным рассказом бросил на стиральную машину, стянул потяжелевший от воды пиджак. Потянувшись за висевшими в углу

плечиками, скользнул взглядом по зеркалу и в ужасе отшатнулся — на него смотрела, осклаившись в жуткой ухмылке, черная рожа, напоминавшая скорее африканскую маску, нежели человеческое лицо: дугообразный разрез беззубого рта; два больших отверстия на месте носа; совершенно круглые, навязат, глаза; лишенный бровей, покатый, отливающий фиолетовым лоб без единой морщины.

У Владислава Львовича подкосились ноги, по телу пробежала волна мелкой дрожи, пиджак выпал из ослабевших пальцев и хлопнул на кафельный пол. Равин прижался спиной к стене и замурился. Сосчитав до тринадцати, он задержал дыхание, открыл глаза и... увидел в зеркале свое перекошенное от страха лицо. Сделав неуверенный шаг, Равин провел по зеркалу рукой. На пыльной поверхности остался волнистый след. Ничего, кроме собственного отражения, в зеркале не было. «Я с ума сойду, пока допишу этот дурацкий рассказ ужасов», — подумал, приходя в себя, Владислав Львович. — Надо же такому примерещиться! Еще раз взглянул в зеркало и погладил отросшую за день щетину.

— Эх ты, деятель культуры! — шепотом проговорил он. — Заработался совсем! Тридцать шесть лет на свете прожил, а ума не нажил. Ты бы лучше научился не забывать закрывать дверь на ключ, когда из квартиры уходишь. Понял?

Отражение в зеркале согласно кивнуло.

Владислав Львович с минуту ошарашенно смотрел в зеркало, затем сделал несколько движений руками и, убедившись, что отражение их повторило, и в недоумении пожав плечами, вышел из ванной.

Подобрав в прихожей листы, Равин прошел в комнату. Возле распахнутой настееж балконной двери валялась чудом не разбившаяся, сброшенная с подоконника хлопающей шторой стеклянная ваза. Помянув еще раз недобрым словом свою забывчивость, Равин принялся наводить порядок.

Через полчаса рукописи возвышались стопкой рядом с пишущей машинкой, ваза заняла свое место на подоконнике, и только под балконной дверью поблескивала нанесенная дождем вода.

Равину не хотелось идти в ванную за тряпкой: видение в зеркале оставило неприятный осадок. Потоптавшись перед лужицей, Владислав Львович стал задерживать шторы. За окном было тихо, дождь перестал. Деревья замерли в синеватом лунном свете и казались восковыми. Равин выглянул на балкон. После дождя дышалось легко. Вечерняя прохлада скользнула под влажную рубашку. Тишина, вид звездного неба и полной Луны действовали успокаивающе. Слегка задернув шторы, он оставил дверь на балкон открытой.

Равин направился к кровати и замер — из-под покрывала, свисающего до пола, высовывалась нога в помятой брючине и в заштопанном на пятке носке. Пять минут назад этой ноги не было. Да и под кроватью никого не было — Равин доставал оттуда листы рукописи.

«Неужели-таки воры, — подумал Владислав Львович. — Где же они прятались? На кухне?»

— Эй, ты, под кроватью! Пылью дышать не надоело? — скорее прошипел, чем сказал Равин. Не дожидаясь ответа, шагнул к кровати и пнул по ноге. — Вылезай, тебе говорят!

Однако непрошенный гость не желал вылезать. На кухне, нарушая повисшую тишину, застрекотал сверчок.

Равин рывком откинул покрывало, присев, заглянул под кровать.

— Э-эй! Ты чего там, умер, что ли, с перепугу?

Мужчина в голубой, как у Владислава Львовича, рубашке лежал на спине, сцепившись левой рукой в пружину матраца. Эта рука мешала разглядеть его лицо. Равин ударил по руке ребром ладони.

— Хватит тут... — начал было он и осекся.

Рука плетью упала на пол. Несколько раз дреньнула освобожденная пружина.

— Ты что? Ты это брось?! — Равин встал на колени, подсунил руки под лежащего и осторожно потянул его из-под кровати. — С сердцем, что ли, плохо? Кто же с таким сердцем по чужим квартирам?..

Он осторожно двумя пальцами повернул голову незнакомца. Застывший в предсмертном крике рот, открытые, выпученные глаза повергли Владислава Львовича в тихий ужас. Ногам стало холодно. Медленно, не отрывая взгляда от лежащего перед ним трупа, Равин поднялся с колен. Он узнал рубаху, помятые брюки, узнал носки, собственноручно заштопанные на пятках. Это был не вор, это лежал его собственный труп, труп Владислава Львовича Равина.

Равин понимал невероятность происходящего. Вопрос о том, снится ли ему сон, был категорически отвергнут. Он всегда смеялся над теми, кто в подобных ситуациях щиплет себя за руку или за что-нибудь еще. Но коли не сон, значит, все происходит на самом деле, и он действительно стоит над собственным трупом. Владиславу Львовичу стало страшно, страшно по-настоящему.

Он попытался и вжался в угол между стеною и книжным шкафом. Надо бежать из квартиры и вызывать милицию: пусть она разбирается с этой чертовщиной. Он двинулся было к двери, но замер. С трупом что-то происходило, показалось, что он пошевелился.

Одежда на мертвеце начала бледнеть, от нее поднялся легкий дымок, вскоре она стала прозрачной и исчезла совсем. Затем исчезла кожа, обнажив мощные ярко-красные мышцы, стянутые белыми сухожилиями. Постепенно бледнея, исчезли и они, на полу остался скелет с обращенными к Равину темными провалами глазниц. Конечности скелета с легким стуком сложились, прижавшись к грудной клетке. Груда костей зашевелилась, приподнимаясь, и развернулась огромным безобразным пауком с головой-черепом. Плясая на Равина, паук щелкнул челюстью, попытался и скрылся под кроватью.

Владислав Львович не смел пошевелиться. Ему казалось, сделай он хоть малейшее движение, паук выскочит и набросится на него. Потянулись минуты зловещей тишины. Ноги начали деревенеть. Равин попытался взять себя в руки.

— Все это чушь собачья, — зашептал он. — Мне показалось, померещилось. Никакого трупа, никакого паука не было. Вот сейчас загляну под кровать, там никого и ничего нет. Вот сейчас загляну... — Равин усилием воли заставил себя опуститься на колени и заглянуть под кровать. Паук был там.

— Кхе-кхе, — раздалось сбоку.

Равин вскочил и непроизвольно принял стойку обороняющегося боксера. В его единственном кресле, стоящем возле противоположной балкону стены, кто-то сидел. Равин разглядел сидящего и медленно опустил руки.

— Вот это другое дело, — неожиданным басом проговорил ответственный секретарь редакции Червякин, — а то сразу в боевую стойку. Вы что, боксом занимались?

— Занимался, — еле слышно ответил Равин, силясь сообразить, каким образом Червякин попал к нему в квартиру.

— А-а! Ну тогда мне все понятно, кроме одного, — продолжал тот. — Почему вы бокс бросили? Махали бы себе кулаками. Вон они у вас какие здоровенные. Добывали бы себе славу на поле, так сказать, брани...

Равин смотрел на Червякина, пропуская его слова мимо ушей. Вид маленького щедедушного человека немного успокоил его.

— А как ты... как вы здесь оказались? — сдерживая дрожь в голосе, спросил он. — Что вам здесь нужно?

— Глупый вопрос. — Червякин закинул ногу на ногу. — Вы его задали только потому, что это первое пришедшее вам в голову. Но я на него отвечаю: я оказался здесь так же, как и в редакции. Вам достаточно?

— Н-нет. — Равин покосился на кровать. — Что вам нужно? И вообще, может быть, вы мне объясните, что происходит?

— Не все сразу, не все сразу! Да вы присаживайтесь, нам есть о чем поговорить.

— А если я вас спущу с лестницы? — сказал Равин больше по инерции. Он понимал, что происходящее малопонятным образом связано с сидящим напротив маленьким краснолицым человеком с красным же галстуком на белой рубашке.

Червякин вальяжно развалился в кресле.

— Я ведь еще даже не сказал, зачем пришел. Помоему, вы просто переволновались. Выровняйте дыхание, расслабьтесь. Вам надо успокоиться.

— Может быть, может быть, — прошептал Владислав Львович. Он взял стоявшую поодаль табуретку, прикидывая ее вес, взвесил в руке, поставил возле журнального столика, сел и покосился на кровать — присутствие мерзопакости ощущалось всем телом.

— Нам, наверное, надо что-нибудь выпить. Что вы предпочитаете?

Равин перевел взгляд с кровати на Червякина. Наглость и самоуверенность этого человека, как ни странно, вернули его в себя.

— У меня есть только чай. Заварить? — вопросом на вопрос ответил Владислав Львович.

— О нет! Не стоит беспокоиться, — криво усмехнулся Червякин. — Я, к тому же, чай не пью: пустой напиток. Я лучше выпью старой, хорошей московской водки.

— У меня нет вод... — начал было Равин и замолчал. На кухне зазвенело, забулькало.

Через несколько секунд в комнату из кухни буквально вкатился чернокожий мускулистый карлик, голый по пояс, в ядовито-зеленых шароварах, босой и совершенно лысый. Он просеменил к креслу и в поклоне, подняв руки над головой, протянул Червякину небольшой сверкающий золотом поднос, на котором стояла наполовину наполненная рюмка и лежал рядом с ней бутерброд с оранжевыми бусинками жры.

Равин ошалело смотрел на происходящее. Попал не в свою квартиру, — мелькнула у него мысль. Но нет, все находящееся в комнате принадлежало ему: и кровать, и кресло, и книжный шкаф.

Червякин тем временем опрокинул в себя водку, не поморщившись, откусил, явно смакуя, бутерброд.

— Напрасно отказываетесь, Владислав Львович. — Червякин причмокнул от удовольствия. — Это одно из немногих достижений человека, которое я ценю.

Карлик опустил поднос и повернулся к Равину. Владислава Львовича передернуло: лицо карлика было сплошь покрыто коростами; в носу торчало кольцо, местами ржавое; неизмеримо толстогубый рот перекосясь в зверином оскале, обнажив желтые, обломанные зубы; налитые кровью глазки излучали ненависть.

— Максвел, не пугай людей! — небрежно бросил Червякин, выудил из рукава пиджака платок, промакнул им губы.

Карлик укатился в кухню, там что-то звякнуло, и все стихло.

— Может, и вы что-нибудь выпьете? — обратился Червякин к Равину.

Владислав Львович открыл было рот для достойного ответа, но почему-то не смог произнести ни звука.

— Послушайте, Равин, вы прямо в шок какой-то впали. Я думаю, что коньяк пойдет вам на пользу.

Послышался треск разрываемой бумаги. Равин повернул голову. Над кроватью, из стены, из обвисших

лохмотьями, прорванных обоев к нему медленно плыл золотой поднос с наполненным до краев коричневатой жидкостью граненым стаканом и неправдоподобно большим красным яблоком. Поднос плывя не сам по себе, его несла рука, покрытая длинными белыми волосами. Волосы на руке шевелились, словно жили сами по себе. В нос ударил запах дешевого коньяка. Владислав Львович вопросительно посмотрел на Червякина.

— Пейте, пейте! — с легкой усмешкой махнул тот рукой. — Я же знаю, вы такой пьете.

Равин глубоко вдохнул и в три глотка осушил стакан. Он ощутил жжение в желудке; в голове легко и приятно зашумело. Страх отступил на задворки сознания.

— Как вас там?.. Ростислав?.. — обратился он к Червякину.

— Мстислав Аполлинарьевич, если вас устроит это имя, — поправил тот.

— Наверное... как Мефистофель, — сказал, немного подумав, Равин, вспомнив Шалапина в этой роли.

В тот же момент комнату заполнил дикий раскатистый хохот. На месте, где стояло кресло с Червякиным, взметнулся столб пламени, за клубился тяжелый зеленый дым.

Равин инстинктивно закрыл голову руками, в горле запершило, он зашелся в кашле, из глаз потекли слезы.

Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Повисла тишина, дым быстро, не расплываясь, напоминая пролитый кисель, исчез под портьерой, прикрывающей балконную дверь. Остался лишь легкий незнакомый и неприятный запах.

Прокашлявшись, Владислав Львович вытер слезы. В кресле сидел гигант, укутанный в черный плащ. Широкий лоб его пересекали глубокие морщины, влажные щеки подчеркивали остроту скул и размеры хищного носа. Бездонные, абсолютно черные глаза смот-

— Даже так? Ну, ладно. — Равин икнул. — Вы что, демонстрируете мне возможности гипноза? Или еще чего там? Чего вы хотите? Это ведь ваши штучки, да?

— Да. Они со мной.

— Ага, — облегченно вздохнул Равин. — Теперь понятно, откуда вся эта мерзопакость, — махнул он рукой в сторону кровати. — Но зачем?

Червякин молчал, глядя неотрывно в глаза Владиславу Львовичу.

— Вы что? Еще что-нибудь заготовили? Так уж будьте добры, предупредите! Может, вы еще и дьявола во плоти здесь изобразите?

— А вот это самое сложное. — Червякин завозился, устраиваясь в кресле поудобнее, и Владислав Львович увидел выглянувшие из тифляк копыта. — Вы, люди, воспринимаете дьявола по внешности, а не по делам его. Причем каждый представляет его по-своему. Люди даже то, что никогда не видели, наделяют свойством постоянства формы, кроме, почему-то, героев сказок... Ну, взять хотя бы вас. Каким вы себе представляете дьявола?

рели из-под густых, сросшихся бровей с явной издевкой.

— Ну как?! Такая внешность дьявола вас устроит? Мощный голос бил по ушам, гудел в углах маленькой комнаты, раскачивал портьеры. Снизу застучали по батарее.

Равин болезненно сморщился.

— Устроит, но нельзя ли потише? Мы пока еще не в преисподней.

— Хорошо, пусть будет потише. И все-таки, что скажете? Вы до сих пор считаете, что находитесь под гипнозом?

— Если это и гипноз... — Равин вспомнил о козлиных копытах и поперхнулся. — Если это и гипноз, то вы очень сильный гипнотизер, даже опасный. А если нет и вы действительно дьявол во плоти, то... — Владислав Львович замолчал, пытаясь представить, что для него в действительности может означать появление дьявола.

— Вам, конечно, интересно узнать, зачем вы мне понадобились?

— В общем-то, да...

— Тогда переходим к делу.— Мефистофель встал, полыхнув алым подбоем плаща, едва не задел головой люстру, подошел к книжному шкафу, снял с полки несколько книг.

Равин узнал свои книги, написанные в разное время и изданные небольшими тиражами.

— Неплохо написано, неплохо! — с легкой усмешкой проговорил дьявол, демонстративно взвешивая книги на ладони и возвращая их на полку.— Но и не хорошо! — воскликнул он, ткнул пальцем в кипу черновигов на журнальном столике.— Средненько!

— Уж как есть.— Владислав Львович развел руками.

— Вот именно — как есть. И лучше у вас не будет, вы просто не сможете, вы просто средненький писатель...

— Вы явились из мира потустороннего только затем, чтобы мне это сказать? — Владиславу Львовичу вдруг стало скучно. Он сам прекрасно понимал, что не гений. Слышать же банальщину от Мефистофеля было просто меловко.

— Не только. Таких, как вы, много. Вы меня заинтересовали своим рассказом только потому, что я в нем упоминаюсь. Написан же он до неприличия бездарно...

— У нас будет личное?

— Спаси и сохрани!.. Я предполагал, что после беседы со мной в редакции вы откажетесь от дальнейшей работы над ним.— Мефистофель положил ладонь на кипу черновигов.— Но вы оказались податливым. Вы действительно считаете, что сможете сделать рассказ лучше?

Равин совсем успокоился. Кроме того, появился какой-то интерес к происходящему, поскольку разговор затрагивал литературу.

— Послушайте-ка,— произнес Владислав Львович, озаренный промелькнувшей у него мыслью.— Вы, быть может, пришли купить мою душу? — Это предположение слегка развеселило его, и он впервые за сегодняшний вечер слабо улыбнулся.

— Я не литературный герой,— вполне серьезно ответил Мефистофель и сердито сверкнул глазами.— Мне не надо ничего покупать, я только забираю то, что сочту нужным забрать. Другое дело — состояние души, ее качество. Еще водки! — Он щелкнул пальцами.

Из кухни снова выкатился карлик с подносом. Владислав Львович покосился на стену.

— Я вам не предлагаю, извините уж,— уловия его взгляд дьявол,— хочу, чтобы вы поняли то, что я сейчас скажу.

Равин невольно напрягся.

— Я слушаю.

— Вам уготована — или, как вы говорите, предписана свыше, судьба серенького, незаметного писателя, имя которого никогда не будет у читателя на слуху. С голоду вы, конечно, не умрете, нищета вам не грозит, но мне интересно: устраивает ли вас подобная перспектива с точки зрения самолюбия?

Вопрос застал Владислава Львовича врасплох. Малые тиражи и невнимание издателей, конечно, вызывали некоторую досаду, но большей частью из-за величины гонорара. О задетом самолюбии он как-то привык не задумываться.

— А вы можете что-то предложить? — нашелся он наконец.

— Да. Я бы хотел, скажем так, из чисто спортивного интереса изменить предписание свыше. Ваше имя будет известно, и хотя бы иногда вас будут вспоминать.

— ???

— Я предлагаю вам стать не автором, а героем литературного произведения, написанного в жанре вашей последней рукописи.

— А кто будет автором? — спросил Равин.

— Автором будет некий небезызвестный вам ответственный секретарь Червякин Мстислав Аполлинарьевич, весьма талантливый автор. Слышите, Равин, талантливый. И я хочу, чтобы героем опуса стали вы. Мне нужно ваше согласие. Подумайте.

— Э-э-э... — Равин не сразу нашелся, что сказать, ошарашенный неожиданным поворотом дела.— Постояйте-ка, постояйте.... Значит, вы?... То есть, Червякин... Ерунда какая-то! Вы что, хотите взять у меня интервью и описать мою жизнь?

— Ха-ха-ха! Мне незачем брать у вас интервью! — неожиданно развеселился дьявол.— Я знаю каждую прожитую вами минуту. Я знаю даже то, что вам еще предстоит прожить, вернее, предписано прожить.

— Но... вы только что говорили... Я в который уже раз слышу о каком-то предписании свыше. Что это за предписание? Чье оно?

— Что за вздорный вопрос! — Мефистофель сверкнул глазами из-под лохматых бровей.— Неужели вы не понимаете, чье может быть предписание?

«Ты смотри, что делается!» — воскликнул мысленно Равин. Он догадался, о ком идет речь, и уже было открыл рот.

Мефистофель вскопчил и воздел руки к потолку:

— Не упоминай имен всуе! — Его голос громыхнул, как близкий разрыв снаряда.

Владислав Львович зажмурился, ожидая удара по голове или чего-нибудь еще похуже, но сквозь страх пробилась яркая мысль: «А ведь этот черт боится! Бойтся, бойтся, бойтся!!!» И тут Равин вспомнил, что с минуты на минуту должна прийти Светлана, и неожиданная злость накатила на него. Он раскрыл глаза.

— А идите-ка вы, гражданин ответственный секретарь, к дьяволу! — выкрикнул он.

Мефистофель преобразился, став вновь Червякиным, ехидно улыбнулся:

— Не перестая удивляться писательской братии: с кем им имел дело — сходство в нелогичности поступков поразительное. Сами посудите: как я могу идти сам к себе? Я перед вашими очами, почтеннейший. И не извольте шутить.

«Нет, каков наглец!» — подумал Равин и сказал:

— Раз по доброй воле не хотите, я пойду и вызову милицию. Пусть с вами и вашей бандой участковый разбирается.— Он встал и подумал, что надо бы Светлану успеть встретить на улице, нельзя ей сюда.

— Послушайте, Равин! — В голосе Червякина послышалось раздражение.— Да сядьте вы в самом деле! Я всего-навсего хочу довести начатый разговор до конца. А вы — как маленький мальчик!

— Па-шел ты!.. — бросил Равин и решительно направился к двери в прихожую.

— Вы помните, где дверь? Обойдетесь без провожатого? — спросил, не скрывая насмешки, Червякин.

Равин резко распахнул дверь в прихожую и очутился в каких-то полутемных сенях. Под ногами за скрипел прогнивший пол, с огромными щелями в половицах. Равин поскользнулся, замахал руками и с трудом удержался на ногах. С поросшего плесенью потолка капала вода. Несколько капель угодило Равину за шиворот. «Чертов гипнотизер!» — подумал он, зябко передернув плечами и хотел одним прыжком преодолеть оставшееся до двери на лестничную клетку расстояние, но остановился.

Дверь медленно открывалась, открывалась с жуткой неспешностью, как открываются двери в кошмарных снах. В облаке дождевых брызг возникло неопределенного пола существо, низкорослое и странно передвигающееся, в изодранной фуфайке и развалившихся сапогах. Высоко над головой оно держало зажженную керосиновую лампу, в другой руке сверкнул отточенный лезвием топор.

— Ты что, мать? Ты что? — с трудом выдавив из легких воздух, прохрипел Равин. Он узнал старуху, собиравшую подаяние на автобусной остановке.

Старуха неестественно, словно отражение в воде, заколыхалась, запрокинула голову назад и двинулась на него. Ее лицо закрывал, свешиваясь из-под рваных платков, кусок мешковины, и Владислав Львович понял, что лица просто нет.

Равин почувствовал, как волосы на голове встанут дыбом, сделал шаг назад, провалился ногой в щель между половицами, дернулся, что было сил, и... И очутился в комнате, сидящим на табурете. Напротив в кресле ухмылялся Червякин.

— Выпейте. У нас будет серьезный разговор.

Равин ощутил в своей руке холодные грани стакана, не задумываясь, залпом опрокинул в себя коньяк. Почувствовал в другой руке яблоко, тут же быстро съел его, стараясь заглушить подкатившую к горлу терпкую волну от чрезмерной дозы. Передернул плечами, крикнул и с ненавистью посмотрел на Червякина.

— Послушайте, как вас там... Я понял, вы хороший иллюзионист, престижиджигатор, гипнотизер — мне не важно, кто вы, но зачем вы решили на мне оттачивать свое мастерство? — Пьяная волна ударила Равину в голову. — Какого хрена ты, шарлатан эстрадный, здесь выпендриваешься?

Червякин, холодно улыбаясь, предостерегающе поднял руку:

— Выслушайте меня внимательно. Вы знаете, кто я. Надеюсь, больше не сомневаетесь?..

Равин вскочил с табуретки.

— Слушай, ты, дерьмо! На хрена ты тут меня пугаешь своими шизобредальными ужасами?! Ко мне сейчас девушка должна прийти. Выметайся из квартиры, козел! Выметайся, тебе говорят!!!

Что-то вцепилось Равину в брюки и потянуло назад. Равин оглянулся. Неизвестно откуда появившийся карлик, ощерившись в плотоядной улыбке, тянул его на кровать.

— Па-ашел ты! — замахнулся Равин на карлика. — Чу...

«Чучундра» хотел сказать Равин, но карлик в неумовленно прыжке метнулся ему на спину и впился зубами в шею.

— Максвелл! — рявкнул Червякин. — Брысь на место! Не тронь человека, не время еще!

Карлик разжал руки, камнем упал со спины Владислава Львовича и растаял в воздухе.

Равин потрогал укушенное место.

— Ужас тихий, кошмар, — произнес он. Ему вновь, как и несколько минут назад, захотелось убежать из квартиры, неважно куда — главное, чтобы оказаться вне этих стен. Равин затравленно осматрелся, прикидывая вариант бегства через балкон.

— Это не кошмар — кошмарики, — сказал Червякин. — Вы бы лучше сели, Владислав Львович. Я, честное слово, боюсь за вас. Я собираюсь вам показать нечто, от него вы можете упасть и убится здесь, на деревянном полу, а не только падая с балкона на асфальт тротуара. Сами понимаете, раньше времени мне вашей смерти никак не надо. Сядьте, сядьте. — Червякин перестал улыбаться.

Равин сел, у него вдруг появилась уверенность, что закончится этот разговор и с ним закончится вся эта чертовщина.

— Итак, Владислав Львович, в нашей дружеской беседе вы намекнули... — Червякин вздохнул. — ...вы намекнули, что ждете в гости некую молодую особу? — Да, жду, — с достоинством сказал Равин.

Червякин, ни слова не говоря, ткнул пальцем в свободный от ковра участок стены.

Стена исчезла, а там... А там был прокуренный ресторанный зал. В комнату хлынула вульгарно-громкая музыка. Несколько пар, с пьяной откровенностью целуясь, танцевали медленный, очень медленный танец.

— Смотри, возмужалый дурак, смотри! Тебе моло-

дой любви захотелось? — прогремел в самые уши голос Червякина.

Пары, расступаясь, словно на них наезжала кинокамера, отодвигались на боковые планы...

У Владислава Львовича поплыло в глазах.

— Ты — сволочь, Червякин, — прохрипел он. На его глазах Светлана взасос целовалась с молодым парнем, а тот сколько было силы сжимал ее в объятиях. — Ты — сволочь, — опять прихрипел Равин, не в силах оторвать взгляд от видения на стене. — Я не знаю, кто ты — ответственный секретарь ли, дьявол ли, но то, что ты самая распоследняя сволочь — это мне ясно. — Какая-то струна-нерв лопнула у Владислава Львовича в душе.

— Нет ничего кошмарнее смерти последней надежды на счастье, не правда ли, Владислав Львович? — донесся до него голос Червякина. — Человек надеялся, надеялся; теплился в душе маленький огонек, еще немного — и вспыхнет большой костер. Но тут появляется некто и пошло заливает огонь ведром воды. Из меня плохой поэт, но в аллегории я всегда представлял себе эту процедуру именно так.

Равин убрал руки от лица и поднял глаза на Червякина. В кресле опять сидел Мефистофель. Владислав Львович не удивился, а просто спросил:

— Зачем ты пришел ко мне?

— Я пришел по твою душу, — ответил Мефистофель.

Владислав Львович улыбнулся мертвой улыбкой. Встал, подошел к кровати, постоял секунду.

— Этот гад там? — спросил он, не оборачиваясь, указывая пальцем под кровать.

— Где ж ему быть?

Равин подпрыгнул и всем своим весом, так, чтобы пружины матраца достали пола, опустился на кровать.

Под кроватью яростно залягало и защелкало, раздался похожий на орлиный клекот звук.

Равин с холодной усмешкой вытянулся, заложил руки за голову и очень тихо сказал:

— Ты, Червякин, не дьявол, ты обыкновенный глупец с козлиными копытами. У меня больше нет души, ты убил ее. Можешь проваливать на все четыре стороны, дубина.

— Дьявола в помощь призывал? Вот и дождался! Гореть тебе в геене огненной! — послышалось злое шамканье из прихожей.

— А ты вообще заткнись, — лениво сказал Равин, глядя в потолок. — Лучше бы деньги вернула, побирושка.

Зазвенела рассыпаемая по полу мелочь. Равин повернул голову. От двери в прихожую через комнату к нему катились, выстроившись по номиналу, несколько монеток. Впереди двадцатник, за ним пятак, следом несколько двухек и копейка. Монетки подкатились к кровати, окружились и свалились в кучу.

Равин сплюнул.

— Идиотка!

Монетки поднялись на ребро и прежним порядком укатились в прихожую.

Мефистофель захохотал.

Равин равнодушно уставился в потолок.

Мефистофель, отсмеявшись, превратился в Червякина и завозился, устраиваясь в кресле поудобнее.

— Продолжим наш разговор, Владислав Львович, вернемся к писательскому труду. Вы — неудачник и в глубине души согласны с этим утверждением. Вы написали серенький рассказ с намеками на ужасы. Вы не сможете его сделать лучше, чем он есть сейчас. Однако, когда в редакции я предложил вам его доработать, вы согласились!

— Жить-то на что-то надо, — вяло отозвался Равин. — Жизнь в материальном мире обязывает.

— Вот именно, — вкрадчиво сказал Червякин. — А для вас жизнь означает поиск самого себя. Вы пре-

кратили этот поиск, занявшись писательством. Следствием чего стало не житье-бытье, а существование.

На кухне зазеленела посуда. Вновь к Червякину проколосапил карлик.

— Из сказанного мной следует вывод,— продолжил Червякин, дождавшись, когда карлик исчезнет в кухне,— ход событий можно было бы исправить лет пять назад, но теперь поздно: вы не захотите, да и не сможете ничего изменить. Жизнь замерла — вы умерли! Без движения нет жизни!

— Чуть какая-то! Бредятина. Я жив и умирать не собираюсь.

Равин постарался сказать это как можно уверенней, но фраза прозвучала довольно вяло. Последние годы жизни Владислава Львовича были действительно скучны и серы. Пишущая машинка, издательство, редактор, опять машинка. На семинары его не приглашали. С местной писательской братией как-то не сошелся. Критики — и те игнорировали его существование. Да и все остальное — ерунда, однообразные будни. Вот только Светлана... Или действительно Мефистофель прав — дурак я...

— В ваших мыслях, особенно последней,— неожиданно прервал его раздумья Червякин,— гораздо больше здравого смысла, чем в речах. Вы хотите обмануть себя. А Светлана занята, вы же видели.— Червякин поднял руку и указал на стену.— Еще раз желаете убедиться?

Равин повернул голову. Вновь на стене, как на экране, возник зал ресторана. За столиком у окна сидела Светлана. Рядом с ней заливался хохотом уже другой тип, в тройке, со спортивной прической. Светлана тоже смеялась и, держа в руке фужер с недопитым вином, что-то рассказывала собеседнику.

— Гуляет барышня, веселится по молодости лет,— тоном телекомментатора заговорил Червякин.— Сейчас она рассказывает мальчику о том, что у нее есть знакомый писатель и, возможно, она выйдет за него замуж...

Изображение на стене исчезло. Владислав Львович почувствовал, что его слегка мутит. Он вдруг осознал, до какой степени ему опротивели и книги, и бестолковые скитания по редакциям, и эта квартира, и все, все, а теперь даже и Светлана. Ужасно захотелось остаться одному.

— Чего вы хотите? Какого согласия? — произнес он сквозь зубы.

— О-о! Не стоит нервничать. Право — это напрасно. Я хочу одного — вашего согласия стать литературным героем. Речь идет не о тривиальной смене вида деятельности — об изменении способа жизни. Вы будете жить в душах, в мыслях тысяч, миллионов читателей, как Фауст. Автор, благодаря которому данное событие произойдет, действительно талантлив...

— А вам это зачем нужно? — прервал Равин восторженную речь.

— Как зачем?! — удивленно вскинул брови Червякин.— Вы заставляете меня повторяться, Владислав Львович! Ведь подобного хода нет в предписании вашей судьбы. Вам предписано другое, понимаете? Вы должны умереть серым, незаметным человеком, а я хочу все изменить. Если вы согласитесь, мы вместе отпразднуем еще одну победу над ним, предписывающим судьбы. Но сие возможно только с вашего согласия.

— Я не гожусь на роль Фауста,— махнул рукой Владислав Львович.

— Ничего подобного от вас и не требуется. Я прошу лишь вашего согласия на...

— Могу я хотя бы узнать,— нетерпеливо бросил Равин и сел на кровати,— о чем будет рассказ, повесть? Или обо мне напишут роман?

— Это ваше право.

— Только покороче. Я хочу остаться один.

— Это будет описание нашего сегодняшнего вечера.

— Значит, не роман, рассказик... И чем мой сегодняшний вечер закончится?

Червякин помялся:

— Пока тайна. Но уверяю вас, финал будет эффектным! Автор чертовски талантлив!

— Можете писать. Я устал. Оставьте меня одного.

— Все кончено,— тихо сказал Червякин. Он встал с кресла, потер руки.— Вы согласились. Я победил.— Червякин улыбнулся, щелкнул пальцами.

Папка с рассказом, оставленная Равиным в ванной, выплыли из прихожей, замерла посреди комнаты, засветилась голубоватым светом и растаяла в воздухе. Из-под кресла выполз клуб ядовито-зеленого дыма, окутал улыбающегося Червякина, собрался в большой пульсирующий ком и, сорвав с гардины штору и чуть не утащив ее за собой, с ужасным, сотрясающим стены ревом вылетел через балконную дверь.

Владислав Львович сжал голову руками, зажмурил глаза и уткнулся в подушку. Ему казалось, что сейчас рухнет потолок, рассыпятся стены, его самого раздавит звуком, однако с исчезновением шара все кончилось. Равин открыл глаза. В кресле никого. Черновики, собранные им и уложенные на столе, вновь разбросаны по полу. Владислав Львович открыл уши. В комнате царил гробовая тишина. Заложило перепонки,— догадался Владислав Львович. Он помассировал уши. Тишина взорвалась стуком в дверь.

Кто-то громко кричал: «Что там у вас происходит?! Вы взорвете весь дом!»

Минуту Равин просто сидел и слушал. Буханье в дверь и возгласы соседей после пережитого казались ему музыкай сфер. Однако двери стали уже просто выламывать.

«Надо открыть»,— решил он и поднялся.

Под кроватью стукнуло. Равин замер. Ужас вновь обрушился на него, ноги подкосились, защемило под сердцем. Владислав Львович стоял, боясь шевельнуться.

Из-под кровати показался паук. Выполнив наполовину, чудовище замерло. В провалах глазниц заиграло алое пламя. Передняя когтистая лапа едва заметно дернулась в сторону Владислава Львовича. Раздался короткий свистящий звук, и Равин почувствовал, что его локти притянуло к туловищу чем-то тонким и прочным. Тут же стянуло ноги. Владислав Львович упал как подкошенный. Он открыл рот, чтобы позвать на помощь, но горло перехватила дьявольская паутина, и Владислав Львович оказался под кроватью, перед пылающими неземным огнем глазницами.

В прихожей с грохотом упала выломанная дверь, комната наполнилась топотом ног и возгласами, но Владислав Львович уже почти ничего не слышал, балансируя на грани сознания. Он почувствовал, как чьи-то руки ухватили его за одежду и пытаются вытащить на свет. Затем над ним появилась лицо, и Владислав Львович узнал свою соседку по площадке Эльзу Марковну. Она держала в руке стальной цилиндр величинной с ладонь. Из него вырвался ослепительный луч. За спиной Равина что-то душераздирающе заскрежело, и удушливое облако пыли запорошило глаза.

Владислав Львович ничего не мог видеть, он только слышал поднявшийся вокруг невероятный шум и громкие возгласы соседки: «Скорее, Света! Скорее же! Время близится! Рисуй круг! Рисуй круг!» Паучьи пути опали. Владислав Львович освободившейся рукой протер глаза. Он, как и ожидалось, лежал на полу. Рядом Эльза Марковна, опустившись на колени, стреляла из своего странного цилиндра в сторону прихожей. И рядом стояла Светлана. Она держала в руках непонятный быстровращающийся предмет и поворачивалась с ним по кругу; следом, как раз под этим предметом, по полу тянулась ослепительная белая линия.

Линия почти сомкнулась, осталось сантиметров пять, когда что-то на невероятной скорости вылетело из охваченной огнем прихожей. Раздался глухой звук удара.

Светлана, охнув, пошатнулась, но замкнула линию и только тогда, зажавшись, стала медленно опускаться.

Владислав Львович видел ее со спины и не мог понять, что произошло.

Эльза Марковна сунула цилиндр в карман халата и, подхватив Светлану, уложила ее на пол.

Равин, опомнившись, вскочил. Из правого бока Светланы торчал топор. Струйки крови показались в уголках ее губ, лицо побелело, став отстраненно-чужим. Равин не верил глазам. Он посмотрел в прихожую. На пороге лежало что-то непонятное, наполовину оплавившееся.

— Что вы устались, помогите же мне, — раздался голос соседки.

— Что я должен делать? — в полном смятении спросил Владислав Львович.

— Помогите ее раздеть. Снимите платье!

— Зачем? Надо вызвать врача!

— Делайте, что вам говорят! — Голос был тверд, и Равин подчинился. Он, глядя на торчащий из-под правой груди топор, начал искать застежку на платье. Руки тряслись, пальцы не слушались.

— Да не копайтесь вы, как молодой жених. Приподнимите ее за плечи.

Равин подвел руки под спину и приподнял безвольное тело. Светлана издала жалобный стон. Эльза Марковна, взявшись за ворот платья, с силой рванула. Материя с треском разошлась до подола. Равин хотел отвести глаза в сторону, но не смог. Под земной одеждой был белый с голубым отливом, плотно облегающий тело скафандр! Равин сразу понял, что это скафандр и ничто другое. Соседка отпихнула в сторону кучу изорванной одежды.

— Подержите ее. Сейчас ей будет больно... — Она взялась за топориче, вырвала топор, отбросила его за круг, в грудь шевелящихся рук.

Светлана вскрикнула, тело ее опять безвольно повисло на руках Владислава Львовича. Равин ожидал увидеть страшную рану, поток крови, но ничего этого не было, скафандр был цел — ни вмятины, ни царапины.

Эльза Марковна похлопала Светлану по щеке, затем поднялась с колен и стала стягивать с себя халат, стягивать через голову, а не расстегивать пуговицы.

Равин просто ошалел. Он смотрел, как соседка сбрасывает с себя предметы дамского туалета. Он никогда не видел, чтобы женщины раздевались с таким неистовством, и... на Эльзе Марковне тоже оказался скафандр. Она извлекла из незаметного кармана на бедре голубой шарик и начала произносить в него абсолютно непонятные слова. И в тот же миг вокруг поднялся пронзительный, вибрирующий на высоких нотах вой.

Равин окончательно перестал что-либо понимать. Он случайно посмотрел на балкон. На балконе кто-то ворочался, словно оживший сгусток мрака, постоянно меняющийся, пытающийся протиснуться в балконную дверь.

Соседка, перестав говорить, спрятала шарик в карман, бросила быстрый взгляд поверх головы Владислава Львовича и отвернулась. Равин понял: она что-то увидела, оглянулся и чуть не закричал от ужаса.

Раскинув руки, как бы наткнувшись на непреодолимую преграду из стекла, стоял человек. Равин узнал это лицо из зеркала — овальное, обтянутое кожей фиолетового цвета; тонкий щелевидный беззубый рот; какое-то нечеловеческое подобие носа; глубокие глаза: не гнев, не ненависть горели в этих глазах — лед, космическую стужу, холод всей Вселенной излучали зрачки. Исчезли куда-то змеи-руки, смолк вымывающий душу вой... Человек в черной ниспадающей до

пола накидке с алым подбоем смотрел именно на него, Владислава Львовича. Равин закричал.

Эльза Марковна рукой, оказавшейся необычайно сильной, повернула его голову. Присев, посмотрела в лицо.

— Не гляди туда, — сказала она на обычном земном языке. — Гляди на меня. Мы улетаем. Успокойся.

Равин уставился на соседку в полном смятении. Перед ним была не прежняя женщина неопределенного возраста, с обтянувшей скулы и щеки насильственно омоложенной кожей, с собранными на затылке «по-домашнему» в хвостик крашеными волосами. Это была совершенно другая женщина, хотя что-то в ее лице и осталось от прежнего облика, какое-то неумолимое общее выражение. И волосы ее были голубого цвета.

— Все вопросы потом, — сказала соседка.

В ту же секунду пол вышибло из-под ног. Владиславу Львовичу показалось, что сверху на них обрушился хрустальный колпак, невероятно-чудовищным ударом отшвырнувший и комнату, и дом, и саму планету Земля за много миллионов километров в черный провал пространства... Они мчались внутри хрустального туннеля, впереди мерцали звезды, позади было Ничто... Красные искры стекали с плеч, срывались с кончиков пальцев Владислава Львовича, с голубых распущенных волос женщины, носившей на Земле оболочку Эльзы Марковны, с колен свернувшейся калачиком Светланы; искры срывались, свиваясь в струи, и гасли кометным хвостом...

— Вот мы и ушли, — сказала женщина. — Можете благодарить судьбу...

Ее последние слова эхом повторились в мозгу Владислава Львовича, и он перестал себя ощущать, будто лишенный тела.

Одна из звездочек впереди выросла в шарик, затем в шар, который продолжая стремительно увеличиваться на глазах и вскоре занял уже почти половину неба. Поверхность его переливалась возможными и невозможными цветосочетаниями.

«Что это может быть? — подумал Равин. — Планета? Какая-нибудь остывшая звезда? Надо было лучше учиться в школе астрономии, — сделал он заключение, переведя взгляд на Эльзу Марковну. — Кто она такая, моя бывшая соседка по лестничной площадке?..»

Женщина, словно услышав его мысли, приблизилась почти вплотную, положила руку на плечо и заглянула в лицо с таким выражением, с каким взрослые смотрят в глаза задавшему необычный вопрос ребенку.

— Вы инопланетяне? — спросил он и поразился звучанию своего голоса, как бы доносившегося со дна глухого ущелья.

— Да, мы инопланетяне, — услышал он в ответ. — Спи, ты сегодня устал.

Колнучая, искрящаяся волна затопила мозг. Равин почувствовал, что проваливается в бездну. «А как же Светлана?» — успел подумать он.

— С ней все в порядке. Спи... — сказал в мозгу чужой голос.

Глава 2. ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Беспреданными бешеными порывами ветер вспарывал низколетящие тучи о черные клыки скал. Длинные, растрепанные дымные шлейфы сплетались в жгуты и безжалостно размазывались по отвесным стенам исполинского горного хребта. Ветер грохотал в ущельях, ревел в отрогах, сбрасывая вниз невероятные по величине каменные плиты.

Равину нравился этот взбесившийся венецианский мир. Нравился, потому что ничем не напоминал о далекой Земле. И пусть здесь, в сумасшествии ураганов, нечего и мечтать об уединении, о грустных носталь-

гических размышлениях в тиши, притягательная сила Венеры состояла для него в другом.

Равин переместился к подножию скалы. Вихри песка вперемешку с лоскутками кислотного тумана неслись по изъеденному в каменное пенистое кружево склону. Равин отыскал след и полетел над ним. След привел в лощину. Равин, помня, что пытаться подлететь ближе бесполезно, остановился.

В лощине, прилежвшись к глыбе, раскачивался под ураганным ветром венерианец. Двухметровой высоты существо формой походило на отлитый из гудрона лист березы.

— Ты будешь со мной разговаривать или нет? — спросил мысленно Равин. — Ты можешь как-то дать понять, что понимаешь меня?

Владислав Львович знал, что приручить венерианца, как приручают дикое животное, невозможно. Существо находилось на одной из низших стадий развития разума и по земным меркам соответствовало скорее уровню развития лягушки. Обо всем этом ему рассказывали сверхлюди, но Владислав Львович очень хотел подружиться с венерианцем. Неоднократные безуспешные попытки не огорчали его. Он повторял их вновь и вновь, испытывая бессознательную потребность заботиться о ком-то младшем, более слабом. Такая дружба приятна хотя бы тем, что начинаешь ощущать себя сильным, пусть даже в сравнении.

Венерианец стягивал в лощину туман, никак не реагируя на присутствие Владислава Львовича, — видимо, проголодался.

— Тебе бы только жрать, — сказала Равин шутливо. — Обжора. Сейчас насосеешь тумана и опять с тобой не поговоришь, неделю отсыпаться будешь. Что за жизнь — жрать да спать! Я придумал, я буду звать тебя Жора. Жора — это от слова обжираться. Итак, Жора, ты меня уважаешь?

Венерианец раскачивался под ветром и всасывал пролетающие рядом ключья тумана.

— Ладно, шут с тобой, насыщайся. «Когда я ем, я глух и нем». Можешь молчать, хотя ты и разговаривать-то еще не умеешь, разве что научишься через пару миллиардов лет.

Владислав Львович испытывал постоянную потребность высказаться кому-нибудь, выговориться, излить душу. Он пытался наладить отношения с живущими за орбитой Сатурна, но был встречен довольно прохладно. «Холодные аристократы», так прозвал их Владислав Львович, находились на более высокой ступени развития и, вероятно, в силу этого — как опять же думалось Равину — совершенно не интересовались ни Землей, ни землянами, ограничивая поле своей деятельности поясом астероидов. Они были к нему равнодушны, как бывают равнодушны пассажиры поезда, проезжающие мимо пасущейся на лугу коровы: пасется себе и пасется, ни, корова, не слон, и пусть себе пасется. Такое отношение угнетало Равина, как угнетало и то, что он ничего толком не мог о них выяснить, даже не мог понять, на какой планете конкретно они живут — на Уране, Нептуне, Плутоне или всех сразу...

Хозяева базы — нынешнего пристанища Равина — являлись представителями цивилизации Белой звезды, они прилетели из центральной области галактики и называли себя сверхлюдьми. Они конкретно занимались Землей и землянами. К Владиславу Львовичу они относились благосклонно, но пропасть в развитии, разделяющая сверхлюдей и человечество, ощущалась настолько явственно, что Владиславу Львовичу волком выть хотелось от сознания собственного ничтожества. Он понял, что изречение «Человек — это звучит гордо!» верно только на поверхности Земли, не далее. Что уж там говорить о разуме, если Равин к своему великому стыду никак не мог понять, где находится база: то ли в родной Солнечной системе, то ли за ее пределами, то ли вообще в другой галактике. С одной стороны, после изъятия с Земли он был предостав-

лен сам себе, мог покидать базу, не спрашивая на то разрешения, — его научили использовать энергию тела и энергию пространства для мгновенных перемещений, — но, с другой стороны, находился под постоянным контролем.

— Кушай, Жора, поправляйся, — сказал Равин. — И пусть тебя не смущает мой внешний вид. Парадного костюма у меня нет, а одежду сверхлюдей я не могу носить, я в ней чувствую себя голым. То, что на мне — память о Земле, это — мое, личное. И пусть я без туфель и носки заштопаны, пусть брюки неглажены и рубашка не новая, ни на какой скафандр не променяю. Да и какая разница, во что я одет, если сижу в энергокапсуле. Вот погляди на меня, Жора, глазами, или чем ты там смотришь, погляди. Видишь, я подвешен в воздухе и не могу преодолеть проклятые полметра, встать ногами на твердую землю. Ты думаешь, я не хочу пробраться по венерианским скалам? Ты думаешь, я не хочу приблизиться и похлопать тебя «по плечу»? Ошибаешься, Жора. Все это я хочу, но не могу. Сижу в капсуле, как в клетке. Мои благодетели говорят: «Ты свободен и можешь летать куда угодно. Летай, смотри». Я и летаю, и смотрю. Но что интересно, Жора, лечу я, скажем, куда-нибудь далеко-далеко, ну просто посмотреть, есть ли край у Вселенной или нет. А меня заворачивают — «Туда нельзя!» Хочу слетать на Землю, все-таки Родина, а меня заворачивают. На Марс — пожалуйста, на Луну или Венеру тоже — пожалуйста. А на Землю нельзя. А человеку, Жора, необходима Родина, ему надобно общение с другими людьми. Это не патетика, Жора, нет. Я понял: человек в одиночестве, оторванный от других людей, перестает быть человеком. Мои благодетели тоже люди, но они сверхлюди. А сверхлюди, сам понимаешь, они сверхлюди и есть!

Равин вздохнул и продолжил:

— Да, в одиночестве человек перестает быть человеком. Вот и я перестаю им быть. Иногда я себя спрашиваю: «Кто вы такой теперь, Владислав Львович, человек или случайный всплеск заштанной электромагнитной волны?» Так же не пойму, почему меня на Землю не дускают. Светлана мне говорит... Впрочем, она и не Светлана вовсе... А может быть, и Светлана... — Равин махнул рукой. — Запутался я с ней. На Земле она звалась Светланой... На Земле у нас грандиозный был роман. Я жениться на ней хотел... Э-эх... Так вот, Светлана мне говорит: «Ты — серый». Не в том однако смысле, что посредственный, никчемный. Есть, оказывается, своеобразная формация энергоструктуры — между темными и светлыми, серединка на половинку, ни вашим ни нашим. То есть, я как бы склоняюсь к силе зла, и в то же время меня тянет к силам добра. Такие дела, Жора. Живешь, живешь и не подозреваешь, что в один прекрасный момент можешь перейти на сторону темных... И ведь, как она говорит, чуть-чуть не перешел. Выбили меня, оказывается, темные из загадочного неведомого мне узла стабильности. Если рассказать, что у меня дома творилось... Я думал, до утра не доживу. Это же, Жора, никакой не Червякин приходил, это князь тьмы, настоящее его имя Анхра-Манью. А Светлана и моя соседка — они вроде разведчиков на Земле. Оказывается, за мной и те, и те следили... Мне потом объяснили, что зло во Вселенной неистребимо, что оно существует для того, чтобы жило добро, то есть, одно без другого не существует. Но слишком много стало зла, чересчур много, и основной приток темных теперь идет с Земли. Так-то, мой друг Жора. А ты все туман сосешь. Насосался уже?

Венерианец медленно терял форму листа, оплывая подобно воску, заполнял лощину, превращаясь в озеро глянцево-черного цвета.

— Спи, животное, — сказал сочувственно Равин. — Ладно, дрыхни. Через недельку я опять прилечу, продолжим беседу.

Равин облетел скалу, взмыл к ее вершине, завис над пиком, обозревая дикий горный край. «Ну, куда теперь?» — подумал он. Возвращаться на базу не хотелось. Что там делать? Светлана, кажется, на Земле, «соседке» занята непонятными консультациями с информационным энергетическим полем своей цивилизации. Куда податься бедному землянину? На Марс?

Бесцветная вспышка в глазах... Равин, как всегда, не успел ничего почувствовать в момент перехода. Под ним на огромной скорости пронесился всхолмленный красно-коричневый марсианский ландшафт. Равин прервал полет, мгновенно зависнув над небольшим одиночным кратером среди гигантских пылевых барханов необъятной пустыни. У горизонта висело размытое оранжевое облако — верный признак надвигающейся пылевой бури.

— Скуотища, — подумал Равин вслух. — Ума не приложу, зачем я сюда прилетел. — Ему вдруг захотелось, как в молодости, когда нападала хандра, отколоть что-нибудь ухарское. И он закричал во все горло: — А-га-га! У-лю-лю! Во поле береза стояла!

Он помчался над барханами, горляня во всю мощь легки: «Во поле кудрявая стояла!» Но никто не оценил его вокальных данных в этом мертвом мире, никому он здесь не был нужен. Опять возвращалась хандра.

«А не посетить ли нам урано-нептуно-плутонианскую элиту?» — подумал Владислав Львович и, преодолев за долю секунды кошмарное расстояние, завис в космическом пространстве. В этой части Солнечной системы Равин ориентировался плохо. Он знал со школьных лет, что у Сатурна есть кольцо; позже где-то мельком читал о наличии колец у других планет, и на этом все его познания в планетологии заканчивались. Если б знать заранее, что когда пригодится...

Сейчас же перед ним красовался охряный шар с мутно-зелеными разводами жиденькой облачности. Владислав Львович собрался уж было нырять к поверхности, но остановился. Из-за края планетарного диска выплыла звездочка орбитальной станции. Равин хмыкнул и очень медленно пошел на сближение. Вскоре увидел бесформенную, с точки зрения земной эстетики, конструкцию. Но еще раньше, чем увидеть, услышал странные звуки: стук по металлу и что-то типа напева «пом-па-пом-па-бум-па-бум-па». Существо, похожее одновременно и на медвежонка, и на робота, ползало по конструкции, стучало и напевало себе под нос.

«Вот еще одна загадка, — подумал Равин. — Каким образом я в безвоздушном пространстве могу слышать звуки?»

Существо увлеченно занималось своим делом. Равину стало весело.

— Пам-парам-пам-пам, — подпел он.

Существо тут же распрямилось, став высотой с девятиэтажный дом, и совсем по-земному замахнувшись лапой-клешней, словно собираясь дать подзатыльник, строго прикрикнуло:

— А ну, брысь отсюда, бездельник! Не видишь, я занят!

Владислав Львович, смеясь, отлетел в сторону, и долго летел, не задумываясь куда, хохоча и кувыркаясь. Почему-то ему вспомнилась история о медведе и майском жуке Боре. Равин остановился, представил себя на месте жука, хихикнул и помрачнел.

— Надоело! — крикнул он. — Слышите, надоело! Туда нельзя, сюда нельзя, отсюда брысь! Что я вам, собачонка?! Все! Надоело! Ухожу от вас. Где-нибудь на куличках пристроюсь. Нужен буду, сами найдете, разыщете, позовете. Адью, братья по разуму.

«Трансплутон», — послал Равин свой энергоимпульс в пространство.

Планетоид немногим превышал размерами Луну. Обычно Владислав Львович зависал в некотором почетительном отдалении, наблюдая за игрой серебристых вспышек света, торопливо разбегающихся по темно-

синей, беспрестанно движущейся поверхности океана сжиженного газа. Будто духи тьмы пригостили космическое зелье, вселенское варево, и оставили остывать, пока свет звезд не загустеет в нем. Что-то вздымалось то там, то тут из таинственных мрачных недр и растекалось смоляными наплывами, обозначаясь шевелящимися тенями; что-то пульсировало; и когда Равин слишком долго смотрел, ему виделись в игре теней и огней гигантские черные змеи, возникающие из неведомой глубины и с жуткой границей скользящие по планете. Равин пугался, иллюзия пропадала, и становилось ясно, что это всего лишь игра света и тени.

Однажды Светлана рассказывала что-то насчет аномально большой массы Трансплутона и что возник он очень давно. Еще она советовала не быть слишком навязчивым:

— Представь себе: ты мирно спишь, вдруг тебя будят среди ночи и заинтересованно спрашивают: «Уснул, что ли? Ну тогда спи».

Трансплутон спал. Равин несколько секунд наблюдал серебряные всполохи света под собой, потом отвернулся. «Нет, — подумал он, — сегодня я определенно на базу не вернусь. Я нигде не хочу — ни к какой звезде, ни к какой планете. Почему бы мне просто не погулять в космических просторах?» Он отдался на волю энергетического потока, идущего из галактического ядра, и, плавно набирая скорость, космической былинкой, влекомой ветром вселенной, заскользил среди миров. Мысли рождались какие-то смутные, хаотичные. Так, он не мог вспомнить, когда последний раз спал. Исчезла потребность во сне — как это понимать? Значит — нечеловек?.. То вспоминал, что в мире людей есть такой процесс, как еда. Едят все что-то, жуют, добывают еду. А он теперь не жует и не добывает. Что же теперь представляет его «Я»?

Равин не сразу заметил, что скорость полета замедлилась. Поток закружил на одном месте. «Как щепка в водовороте», — подумал Владислав Львович и огляделся. Сзади и по сторонам горели звезды, но создавалось впечатление, будто он видит их сквозь толстое стекло. Впереди звезд не было. Лишь темнота пылевого облака с далеким желтеющим огоньком впереди. Движение потока почти совсем замедлилось и вскоре остановилось. Равин удивился, почувствовав, что исчезла энергетическая опора, а сам он падает, приближаясь к желтому огню. По ощущению это напоминало падение во сне. Равину было забавно, как вдруг холодом обдало сердце. Он понял — происходит неладное, нехорошая это воронка. Почувствовав, как надвигаются ее стены, Равин попытался остановить падение. Это почти удалось. И тотчас же из мрака впереди, заслоняя звезды, возникла темная дуга — пылевое облако испустило протуберанц. «Как щупальце тянется ко мне», — подумал Владислав Львович. Он метнулся в сторону, пропуская выброс мимо, но наткнулся на непреодолимую преграду, которая отбросила его в самый центр воронки. Равин увидел второй выброс, крадущийся по-кошачьи, и, не в силах совладать с охватившей его паникой, заметался в поисках выхода. Он бился о сходящиеся стены воронки, как муха о стекло, и уже когда понял, что нет ему спасения, явственно почувствовал приближение снизу кого-то огромного, вселяющего суеверный ужас. Равин сразу вспомнил шевелящийся мрак на своем балконе, и сердце его остановилось в спазме первобытного страха. В бесформенном, клубящемся сгустке почувдился некто, желающий поглотить его без остатка, растворить в себе, превратив в ничто. Чудовищных размеров рука, многопалая, безобразно уродливая, протянулась в хищном порыве. Равин закричал.

И тут все закружилось, закувыркалось. Равин успел почувствовать легкое прикосновение к спине, затем последовал страшной силы рыбок... Воронка исчезла... Еще рыбок... В мозгу полыхнули тысячи молний, прошивающих нейроны...

Скручивались и раскручивались желто-оранжевые спирали облаков в удивительном, пронзительно-зеленом небе. Вокруг высились непроницаемо-черные массивы «дальнобойных» экспедиционных шаров, орбитальных конусов, дисков полевых модулей, стоящих на ребре.

«База, — облегченно вздохнул Владислав Львович. — Но что за необычный ракурс? Ах да, я лежу на спине». Пошевелев онемевшими пальцами, прислушиваясь к непривычному электрическому покалыванию во всем теле, он подумал: «Куда меня угораздило забраться? Что это было?» Заметив краем глаза какое-то движение, повернул голову.

По матовому, идеально ровному посадочному полю к нему шла Светлана. Равин невольно залюбовался девушкой. Темные волосы, словно крылья, взлетали и опадали над плечами в такт шагов. Белая ткань скафандра подчеркивала стройность фигуры на фоне фантастического неба. Было в ее походке вызывающее восхищение единство порывистости девочки-подростка с утонченной грацией взрослой женщины.

«Богиня идет, — подумал Равин. — Она вернулась с Земли? Зачем богине спускаться в мир существ, превращающих добродетель в перегон? Богиня должна жить здесь, на небесах... А глаза-то, глаза! Не глаза, а два карих вулкана. Носик вздернут, губки поджаты... Богиня рассержена?.. Похоже, мне сейчас будут драть уши».

Равин сел, оглянулся. Несколько в стороне, рядом с покоящимся в наклонном положении патрульным тором стояли трое голубоволосых мужчин. Сверхлюди улыбнулись Равину — Владиславу Львовичу показалось, что один даже подмигнул ему, — скрылись в торе, и корабль в ту же секунду беззвучно растаял в воздухе.

Светлана подошла, улыбнулась и с иронией сказала:

— Поднимайся, горе-путешественник. Ты стал хуже маленького ребенка.

— Встаю, мамочка, встаю, — ответил Равин в тон, поднимаясь на ноги. — В какой угол мне становиться, или меня ожидает порка ремнем?

— Перестань воображать себя обиженным судьбой джигитом. Удаль тебе, возможно, скоро понадобится. А за то, что вырвали тебя у темных почти из зубов, можешь благодарить не меня, а тех троих. На твоё счастье, патруль пролетал неподалеку от ловушки и услышал истошные вопли.

— Знаете что, мадам... — Равин хотел сказать что-нибудь колкое, но передумал. — Мне все надоело до чертиков, даже не до чертиков — до зеленых крокодильчиков. Эти ваши темные, серые, просветленные... Эта ваша сверхмудрость, сверхправильность и сверхбезошибочность. Я хочу домой, на Землю. Мне надоело быть мальчиком для бесконечных поучений. У темных меня, видите ли, из пасти выдернули. Да кто вас просил? Может быть, мне со своей недоразвитостью у темных-то и жилось бы в самый раз?

— Какую чушь ты говоришь! Успокойся! — Светлана даже не обиделась. — И вообще, Владислав, на Земле ты, когда ухаживал за мной, таким тоном не разговаривал. Я не подозревала, что ты — мужчина с характером.

Равин смутился и, опустив глаза, сказал более миролюбиво:

— Все ты знала. Сама же рассказывала. — Он поднял глаза. — Да, я ухаживал за тобой на Земле. А здесь... — Он запнулся, пытаясь сам себе объяснить причину, разрушившую их прежние отношения. «Если бы я был сверхмужчиной, я бы, конечно, стал ухаживать за сверхженщиной, — подумал он. — А в моем нынешнем состоянии это все равно, что первокласснику влюбиться в завуча».

— Давай оставим эту тему, Владислав. Сейчас есть дела поважнее. Нас ждут.

Светлана взяла его за руку. Здесь, на базе, это произошло впервые, и Равин почувствовал ее ладонь — обыкновенную человеческую ладонь, мягкую, теплую.

«Ну вот что ты будешь делать? — подумал он. — Ведь невозможно отличить, ведь разобыкновенная земная баба. Обыкновеннейшая! Я же сотню раз смотрел в ее глаза там, дома. А здесь... Я ее элементарно боюсь».

— Успокойся, прошу тебя, — сказала Светлана.

— Чего уж там, — ответил Равин, пряча глаза.

Туманный колодец туннеля возник над ними беззвучно, видимо, Светлана вызвала его мысленно, и они очутились в просторном помещении, в котором Равину ранее бывать не доводилось: стены, плавно скругляющиеся в пол; светящийся мягким зеленым светом купол над головой; несколько кресел непривычной формы и одно кожаное, земное, для него, — догадался Владислав Львович. В одном из кресел сидела Эльза Марковна, одетая в белый скафандр, в каких ходили все сверхлюди. Напротив нее — мужчина. На мужчине был аккуратный, хотя и не новый, серый костюм, туфли... Равин остановился глазами на туфлях. Туфли давно не чистенные, запыленные.

«Откуда на базе пыль?! Неужели землянин?!» — сердце у Владислава Львовича гулко забило.

— Здравствуйте, Владислав Львович, здравствуйте, наш дорогой! — сказала Эльза Марковна, ласково улыбаясь. — Проходите, присаживайтесь.

Равин на деревянных ногах прошел к предназначенному для него креслу, сел, не в силах с собой справиться, опять уставился на туфли незнакомца.

«Что он здесь делает? Непохоже, чтобы его вывезли, как меня. Сидит, улыбается».

Сзади подошла Светлана, облокотилась о спинку кресла.

— Знакомься. На Земле его зовут Януш. Он из Польши.

— Оч-чень приятно... — Равин кивнул головой и добавил единственное слово, которое знал по-польски: — ...панове.

— Пан знает польский? — Януш сверкнул ослепительной улыбкой.

— У-у, не знаю...

— Януш только что с Земли, — сказала Светлана, подчеркивая слова «только что».

— Да, я пять минут назад был на Земле, — Януш опять улыбнулся. — У нас к вам вот какое дело, Владислав Львович, — он переглянулся с Эльзой Марковной. — Вы не хотели бы побывать дома?

Равин сначала растерялся, пожал плечами, потом хмыкнул и спросил:

— Когда?

— Прямо сейчас же, вернее, через несколько минут.

Равин обернулся, посмотрел на Светлану: не шутят ли с ним.

— Я не понимаю, — сказал он. — То не пускают, то вдруг через несколько минут...

— Вам пока действительно нельзя окончательно возвращаться на родную планету, но... Но у вас есть возможность побыть на Земле полчаса, не больше, а затем вас опять вернут на базу. Причем эти полчаса вы проведете с пользой для своей планеты.

— Я желаю, а бог располагает. И что-то вы не договариваете. Давайте конкретно.

— Хорошо. — Януш закинул ногу на ногу. — Буду говорить конкретно. Вы, Владислав Львович, надеюсь, знаете, что ваша страна имеет на сколоземной орбите космическую станцию.

— Конечно, знаю. Ну и что?

— Двое ваших соотечественников сегодня выходили в открытый космос и при возвращении не смогли закрыть внешний люк шлюзовой камеры, он так и остался открытым. Это еще полбеды. Но когда через два дня они повторно выйдут в космос, то люк закроется, а люди останутся в открытом пространстве. Предотвратить их гибель можете только вы, человек Земли.

— А почему не закрылся люк? Что-нибудь заело?

— Не совсем так. Постарались ваши знакомые из противоположного лагеря.

— Темные?

Януш кивнул.

— Чепуха,— сказал Равин.

— Вы ошибаетесь, это не чепуха. Люк абсолютно исправен. Всего только один раз он не закрылся, а потом не откроется. Тоже лишь один раз.

— Да зачем темным это нужно?

— Они решили отложить на более поздний срок получение земной наукой результатов по выращиванию квазикристаллов в невесомости.

— Шошмар какой-то! Ведь люди погибнут.

— Их это не интересует. Кстати, «наука требует жертв» — фраза, внедренная в сознание землян ими.

— Хорошо. Мне ясно. Я должен буду закрыть люк?

— Если бы все было так просто, мы бы вас не беспокоили. Как, по-вашему, космонавты отнесутся к появлению в открытом космосе рядом со станцией человека? Причем в том виде, в котором вы сейчас — в рубашке, брюках, в заштопанных носках. Даже если вы будете в скафандре или в орбитальном модуле — все равно вызовете шок, сумасшествие.

— Тогда толком объясните, что я должен делать.

— Очень простую вещь: объявить одному из своих знакомых, будто видели сон, что через два дня с космонавтами случится трагедия. Мы вас высадим на железнодорожном вокзале. В толпе ваше появление не будет замечено. А заберем в аэропорту. По дороге в аэропорт вам и надлежит поделиться впечатлениями от сновидения.

— Что, так просто сказать про сон, и люк работает?

— Вас что-то смущает?

— Меня смущает способ устранения технической неисправности. Нужен ремонт, а я буду кому-то, пусть и знакомому, сны рассказывать. А-а, я вас понял! — Равин хлопнул себя по лбу. — Этот человек тоже ваш, и когда я передам ему информацию, он сам займется ремонтом.

Януш отрицательно покачал головой.

— Ничего вы не поняли. Я по некоторым причинам не буду открывать всех деталей предстоящего дела. Иначе операция сорвется. Запомните одно: ваш знакомый подъедет на белых «жигулях», сигналом к началу операции послужит разряд молнии в небе.

— Понял: молния в небе — начало операции.

— Только не забудьте рассказать о сне. На все про все вам дается полчаса. В течение этого времени мы полностью заблокируем район от темных. Но всего лишь на полчаса. Постарайтесь уложиться в срок. В противном случае неизбежны осложнения.

— Неужели я за полчаса не сумею рассказать о сне?

— Как знать. И еще одно, Владислав Львович: ваш мозг имеет защиту в несколько уровней, старайтесь избегать... э-э острых ситуаций. Надеюсь, вы не раздумали?

— Нет.

— Я думаю, можно приступать,— сказал Януш, повернувшись к Эльзе Марковне.

Та утвердительно кивнула головой.

Равин встал, заправил рубашку в брюки, увидел свои носки.

— Подождите-ка! — Он оглядел всех недоуменным взглядом. — Как же я на вокзале появлюсь в одних носках?!

— Действительно! — встревожилась Эльза Марковна.

— Возьмите мои туфли.— Януш быстро разулся.

Равин надел туфли, притопнул.

— Жмут в пальцах. Ну, да полчаса с божьей, то есть, с вашей помощью протерплю.

...Он оказался на пустынном перроне, хотя ему обещали большое людское скопление. Над вокзалом висел плотный туман. Свет фонарей расплывался жел-

тыми пятнами. Невнятно гудел голос диспетчера, вяло переругивающегося с кем-то по громкой связи, на дальних путях лязгал сцепами невидимый в сумраке состав.

Влажный ночной воздух проник под рубашку, и волна мурашек пробежала по телу. Равин зябко передернул плечами. Итак, отсчет времени начался. Он с трудом разглядел на сером, висящем над перроном табло надпись «Время московское» и цифры «0-15». Владислав Львович обогнул здание вокзала, спустился по сырým ступеням. Несколько человек, ожидавших такси, были одеты в куртки и плащи.

«Елки-палки,— подумал Равин,— сейчас весна или осень?! Холодно, а я в одной рубашке!»

— Гражданин! — раздалось сзади.

Равин, вздрогнув, оглянулся. Сержант милиции, одетый в шинель, похлопывал по голенищу сапога «демократизатором» и красноречиво его рассматривал.

— Что-нибудь случилось, гражданин? Вас обокрали?

— Нет, сержант... — Равин обхватил себя за плечи руками, потоптался, пытаясь согреться и заодно придумать ответ. — Я это... Я с ташкентского поезда.

Видимо, ответ сержанта не удовлетворил, и он, хмуря брови, продолжал шлепать дубинкой по голенищу.

— Слышь, браток,— сказал Равин доверительным тоном,— где сейчас водку купить можно? Не подскажите, а?

Сержант вздохнул, посмотрел по сторонам.

— На поезд не опоздайте,— произнес он скучным голосом и стал неторопливо подниматься по ступеням крыльца в вокзал.

Равин посмотрел ему вслед, сплюнул, повернулся к стоянке.

Из тумана на привокзальную площадь вынырнуло такси с красным огнем на крыше и остановилось рядом.

— Что, братка, водки надо? — спросили из темного салона.

— Сам могу продать,— зло ответил Равин, но все же подумал: «А может, сгонять домой.— дома деньги есть, купить бутылку. Может, успею?»

В этот момент в небесном туманном сумраке беззвучно расцвела голубая веточка молнии.

«Началось»,— огорченно подумал Равин.

Тут же из тумана появились белые «жигули». Они медленно подъехали к стоянке, остановились.

— Наконец-то! — проворчал под нос Равин, успевающий основательно продрогнуть.— Соизволили машину подать!

Дверца автомобиля открылась, из нее вышел человек и воскликнул:

— Кого я вижу! Владислав Львович!

Равин оторопел. К нему шел Червякин. Равин попытался. Червякин подошел, протянул руку, улыбаясь во весь рот.

— Еду, вот, от друзей. Дай, думаю, загляну на вокзал, вдруг кто из знакомых приехал и ждет такси. И вот вы. Вам куда, Владислав Львович?

Равин машинально пожал сухую ладошку.

— Мне-то? В аэропорт.

— Ну так садитесь, подвезу.

— Так ведь вы это... Вы же домой, наверное, едете?

— Пустое.— Червякин похлопал Равина по плечу.— Я все равно не хочу спать. Садитесь, подброшу.

Что-то тут не то,— лихорадочно соображал Равин. Хотя нет. Молния была? Была. «Жигули» белые? Белые. В «жигулях» знакомый? Знакомый. А Януш имени знакомого не назвал. Может, так надо?

— Садитесь же, Владислав Львович.— Червякин открыл дверцу.

«Была не была»,— подумал Равин. В салоне было тепло, пахло сигаретами и чем-то еще.

— Какой сегодня туман замечательный,— сказал Червякин, выводя машину с привокзальной площади.—

Неплохо ваши друзья заблокировали район.— Он повернулся к Владиславу Львовичу и улыбнулся.

Равина охватила дрожь, и он никак не мог ее унять.

— Вы еще не согрелись? — Червякин покосился на заднее сидение.— Максвел, коньяк человеку.

За спиной у Равина послышалось сопение, и в его щеку ткнулся знакомый золотой поднос с полным стаканом и яблоком.

Равин мотнул головой и с трудом выдавил из себя:— Благодарю. Не буду.

— Как хотите.— Червякин пожал плечами.— Максвел, брысь.

Поднос исчез, и сопение за спиной прекратилось.

Они уже выехали на шоссе. До аэропорта оставалось пятнадцать минут пути.

— Сколько сейчас времени? — спросил Равин.

— А сколько вам надо? — спросил в ответ Червякин и хихикнул.

Этот вопрос поверг Владислава Львовича в смятение. «Что же делать? Неужели я в западне? — мелькнула мысль.— Неужели прокол операции? Хотя стоп, Януш мне настойчиво втолковывал, чтобы я уложился в полчаса. Он говорил об этом несколько раз... выходит, он именно эту встречу имел в виду... Но какая тут может быть логика? Почему я должен сообщить о сне именно Червякину? Он же этот... Тот самый... Сами бы взяли и сказали ему. Ах да, светлые с темными не контактируют, между ними контакт просто невозможен. Я выполняю роль посредника? Потому, что я серый?.. И если я сообщу Червякину о сне... Тем самым темные будут знать, что о готовящейся трагедии известно светлым. А если я в ловушке и операция провалена? Если это не Червякин, а сам... Бог ты мой! Сзади сидит Максвел, значит, за рулем не Червякин!..»

— Владислав Львович?

— Что? — Равин вздрогнул.

— До аэропорта осталось три минуты пути. Время нашего randevu истекает. Что вы мне имеете сообщить?

— Я! Э-э-э...

— Не тяните резину, Равин. Район заблокирован, вы сами тоже заблокированы, я не могу читать ваши мысли. Излагайте суть дела.

Равин откашлялся. Вдалеке в тумане зажелтели огни аэропорта.

— Это... Ростислав, э-э... Мстислав... Извините, я забыл ваше имя-отчество.

— Неважно. Сие не имеет значения. Говорите.

— Хорошо. Короче, мне приснился сон.

— Интересный?

— Да. Очень. На космической станции погибли два наших космонавта...

— Ясненько,— произнес Червякин с непонятным оттенком в голосе.— И что же с ними случилось?

— Ну-у, там лок не закроется. Они выйдут его закрывать. Закрывать-то потом закроют, но в станцию не попадут. Вот.

Червякин в диком вираже развернул машину перед зданием аэропорта. Завизжали тормоза. Равин чуть не влип в лобовое стекло.

— Пошел вон,— сказал Червякин, не глядя на Равина.

— В смысле? — растерялся Владислав Львович.

— Из машины вылезай, дятел дровяной!

Равин открыл дверцу, выставил ногу наружу.

— Стой! — сказал тихо Червякин.— Может быть, в твоём сне было сказано еще и о том, когда это произойдет?

— Обязательно! Это произойдет через два дня.

Червякин опустил голову. Кулаки его сжимались и разжимались.

— Ладно, не все коту масленица.— Он посмотрел на Равина, цыкнул зубом.— Гляжу сейчас на тебя и думаю: сидит передо мной этакий рукотворный пара-

докс о двух ногах — уже-не-человек и еще-не-Человек, стоит и с наивностью ребенка смотрит мне в рот, ловя каждое слово. Ты нашу акцию просто-напросто сглазил, ясно тебе или нет? Наделил же Вершачий Судьбу Мира некоторых этим идиотским свойством! Только, Равин, не думай, будто сегодняшняя история сойдет тебе с рук. Мы еще потягеемся, кто кого... А теперь проваливай.

— Прощайте,— сказал Равин и вышел из машины.

— До встречи,— сказавшая с ледяной усмешкой Червякин.

Машина рванула с места, Владислав Львович едва успел захлопнуть дверцу. Он постоял несколько секунд, глядя, как расплываются удаляющиеся пятна фар в плотном туманном мраке, почувствовал, что опять начал мерзнуть, развернулся и направился к призывно сияющему стеклянному параллелепипеду аэропорта. Заныл натертый мизинец. Равин остановился, снял туфлю, растер ступню. Все-таки тесноваты,— подумал он. Обулся. Холодно сегодня, у кого бы закурить? Сто лет не курил. Равин огляделся в поисках спасителя-курильщика и забыл и о туфлях, и о холоде. Здание, у окон которого он стоял внешне очень походило на городской аэропорт, но в том-то и дело, что только походило. Бог ты мой! Куда же этот гад меня привез?! — чуть не воскликнул Равин, стараясь сквозь запотевшее стекло рассмотреть что-либо внутри здания. Там, внутри, тоже был туман, и именно он, туман, светился обманывающе-ярким желтым светом. В толще тумана плавали несколько серых пятен, то поднимающихся вверх, то опускающихся вниз. Равин попятился, соображая, что вокруг стоит полная тишина, не слышно традиционных объявлений, шума людского, даже гула самолетных двигателей не слышно. Пусто было вокруг, лишь он один находился перед светящимся стеклянным параллелепипедом псевдоаэропорта в промозглой холодной ночи.

Стекло задрожало, вспучилось большим пузырем.

Равин развернулся и, не обращая внимания на резкую боль в мизинце, бросился бежать туда, где по его представлениям должно было находиться городское шоссе. Боль после первых же шагов стала нестерпимой. Равин сбросил на бегу туфли, и тут за спиной ударил взрыв. Равин присел от неожиданности, туман вокруг озарился ослепительным белым светом, обрушившаяся ударная волна подняла его в воздух. Он увидел, словно в рапидной съемке, наступающие языки огня... Тысяча зарядов фейерверком вспыхнула в голове... На миг он потерял контроль над собой... И вдруг понял, что лежит, и вокруг совсем не ночь, а день. И лежит он не где-нибудь, а на асфальте тротуара. Какая-то женщина склонилась, трясет его за плечо и, кажется, что-то говорит. Смысл ее слов наконец-то дошел до сознания:

— ...больно? Разве можно быть таким невнимательным, совершенно не глядеть под ноги?

Равин сел, потер ушибленный локоть, огляделся. Незнакомая улица, люди по-летнему одеты, яркая листва деревьев. Слева, в двух шагах, пласты вывороченного и как всегда не убранного асфальта.

— Вставай же, Владик, люди смотрят,— сказала женщина.

Равину стало не по себе от слова «Владик». Так в детстве его звала только мать и еще один человек в молодости.

Владислав Львович поднялся, отряхивая брюки, в полном изумлении уставился на коричневые сандалии на своих ногах. Он отчетливо помнил туфли Януша, сброшенные там, у аэропорта...

— Ну что же ты, Владик?..

Равин опять вздрогнул, поднял глаза на женщину и растерялся.

— Надя?! — вырвалось у него.

Несомненно, это была она. Он сразу узнал ее,

он узнал бы ее среди тысячи других, несмотря на то, что годы все-таки берут свое, появляются морщины. Но эти серые глаза из его юности...

— Надя?! Ты?! — опять воскликнул он.

Она протянула ему маленький букетик цветов, виноватая улыбка скользнула по ее губам, и от одной этой улыбки у Владислава Львовича защемило сердце.

Надя опустила на миг глаза, вновь подняла, взглянув, как показало Равину, в самую его душу.

— Я ждала тебя. Вот... — Она замолчала, а Равин понял, что еще немного, и она заплачет... — Вот мы и встретились... Я, наверное, глупо поступила, Владик, но... по-другому я не могла...

Глава 3. СКИТАЛЕЦ

Равин стоял у окна и смотрел на погружающийся в вечерние сумерки город. Разноцветными квадратами окон расцвели стены соседних домов. Внизу шли люди, гуляли мамы с колясками, проезжали, шелеста шинами, непривычной окраски и формы автомобили. Деревья под окнами напоминали собравшихся в группы, оживленно беседующих зеленоволосых женщин. Город был тот и не тот, он вроде бы узнавался и в то же время оставался непохожим на город, в котором прошла жизнь Владислава Львовича.

«Странные деревья, странная листва», — подумал Равин.

— Надя, — крикнул он, — а что это за деревья под твоими окнами? Как они называются?

Надя вышла из кухни, вытирая руки полотенцем.

— Ты спросил меня о чем-то, Владик?

— Надюш, как называются деревья? Вот эти, — он кивнул в сторону окна.

— Владик, эти деревья называются клены, а те, что высокие, тополя. Неужели ты так сильно ударился? Я же говорю, надо вызвать «скорую», у тебя наверняка сотрясение.

— Да нет, я себя чувствую прекрасно, не обращай внимания.

Надя покачала головой.

— По-прежнему бравируешь. Сейчас я заканчиваю, и мы будем пить кофе. — Она ушла на кухню.

Равин повернулся к окну. Значит, те, что повыше — тополя, а это, стало быть, клены. Понятненько... Теперь что же? Самое время определиться с местопребыванием. Судя по отличиям, имеющимся в достатке, я оказался в другом мире. Что это за мир, и где он находится? Можно почти уверенно сказать, что на планете Земля, а город... Пусть с некоторыми оговорками, но напоминает мой родной. Да, здесь все несколько по-другому: деревья, планировка улиц, автомобили... Детали большой роли не играют, не стоит за них цепляться, гораздо важнее другое: в этом городе живет Надя, и она ждала меня на остановке. Ждала не какого-нибудь Василия или Петра, а меня Владислава Львовича Равина. То есть, в этом мире живет еще один Владислав Львович — мой двойник. И все более-менее становится на свои места, если я сделаю предположение, что мир, находящийся вокруг, не что иное, как мир параллельный. В том мире был взрыв, в том мире я должен был погибнуть, но... Все верно! Януш говорил о нескольких уровнях защиты моего мозга. Каким образом мозг осуществил переход в параллельный мир, выясню потом. Куда важнее не испортить жизнь моему двойнику... Рассказать Наде обо всем или не рассказывать? Не будем торопиться.

Равин отвернулся от окна, подошел к книжному шкафу, заинтересовался книгами. Через секунду пришел в легкое замешательство: он не знал ни одного автора, не нашлось ни одного знакомого названия. Владислав Львович опустился в стоящее рядом кресло.

Значит, такая она жизнь в параллельном мире, — подумал он. И та и одновременно не та. Если положить руку на сердце, то здесь, в этом мире, лучше...

Равин попытался подобрать слова, соответствующие его ощущениям, и не смог. Здесь было уютней, приятней, спокойней. А вообще-то, откуда ему знать? Вдруг все кажется таким на первый взгляд? Ведь ему не известно настоящее положение дел. И Надя... Выходит, в этой жизни он с ней продолжает встречаться. Или, быть может, эта жизнь первая, основная, а та является второй? Как выяснилось из предыдущих разговоров, он работает инженером на заводе с мало-понятным названием, а Надя преподает в музыкальной школе... Странные вещи: он никогда не подозревал в себе тяги к технике, а за Надей не замечал особых склонностей к музыке.

Его размышления прервались появлением Нади. Она вынесла поднос с двумя чашечками кофе, сахарницей и пачкой печенья, принялась расставлять все это на столе.

— Как твои семейные дела? — спросила она.

«Оп-па! А я, оказывается, женат!» — с удивлением подумал Владислав Львович и, чтобы не выдать своих чувств, стал усердно дуть на горячий кофе.

— Нормально, — ответил он.

— Как твой старший? Ты рассказывал, он не поступил по конкурсу в институт.

«Логично! Коли женат, значит, есть дети, и не меньше двух. Интересно, сколько у меня детей? А то, не дай бог, проговорюсь».

— Да-а, болтается пока. Не может определиться.

Надя посмотрела на него с недоумением:

— Ты вроде определял его на протестирование?

«Что еще за «протестирование?» — опять удивился Равин и, чтобы как-то перевести разговор в безопасное направление, сказал:

— Расскажи, Надюш, как твои дела. А то все обо мне да обо мне... Какие успехи у тебя?

— Извини, я не хотела тебя обидеть. Мы же не виделись полгода. Ты сам позвонил мне и сказал, что занят, что нет времени. Я соскучилась, потому и ждала тебя у автобусной остановки. Извини...

«Полгода не встречались! Я сам позвонил! Однако, похоже, в этой жизни я порядочная дрянь», — подумал Владислав Львович. — А на ком я женат, интересно мне знать? Что за даму себе выбрал? Мымру? А вдруг не мымру? И вообще, не натворил бы я бед в этой параллели. Потом придется двойнику расхлебывать заваренную мной кашу».

— Ты, Надюш, меня извини. Сама понимаешь, обстоятельства... Ты не обращай внимания, если вдруг брякну не то... Что-то неважно я себя чувствую... Голова гудит.

— Дать таблетку или «скорую» вызовем? Или позвонить Светлане, пусть приедет за тобой и заберет домой?

«Кто такая Светлана?» — чуть не вырвалось у Владислава Львовича. Он уже поднял глаза на Надю, чтобы спросить, но та, истолковав его взгляд по-своему, определила:

— Не хочешь, чтобы жена приезжала сюда?

— Н-н-нет, не хочу, — сказал с интонацией завешего автомата Равин.

Они несколько минут в полном молчании пили кофе. За окном шумел вечерний город, мягкие тени колеблющимся рисунком легли на стены.

— Зажечь свет? — спросила Надя.

— Зачем? Давай так посидим, — ответил Владислав Львович.

— Ты сиди, а я пойду чашки вымою. — Надя ушла, на кухне вспыхнул свет, зажурчала в мойке вода.

Равин откинулся на спинку кресла. На стене в фантастическом танце двигались тени. Равин закрыл глаза. Что я там писал о лирических сценах, о встречах и расставаниях? — подумал он. Как я их писал? Литератор, высасыватель из пальца. Вот она, встреча с моей юношеской любовью, и я черта с два когда смог бы ее вообразить. Интересно, если я ее поцелую?

А ведь я даже не знаю, какие у нее отношения с моим двойником. Если их отношения гораздо большие, чем поцелуй? Тогда как мне быть? А ведь я ее еще люблю. Надо же! Мне казалось, что я давно все похоронил на самом дальнем дне души, распахнул остатки по самым темным углам и зацементировал, а теперь вот, значит, как. Душа ты, моя душа, что с тобой происходит? Ты хочешь, чтобы я у нее, здесь, остался и будь что будет?

— Будь что будет,— сказал шепотом Равин, встал с кресла. Он решил идти на кухню, обнять Надю, как в юности, за плечи, заглянуть в печальные серые глаза, поцеловать, поцеловать и утонуть в волшебных серых глазах.

Надя сама вышла из кухни.

— Владик, ты сегодня как со временем?

Равин подошел к ней, положил руку на плечи, улыбнулся:

— Что такое время? Я не знаю, что такое время, для меня его не существует,— сказал он вполне искренне.

— Да вот,— Надя отвела глаза.

— Что случилось?

— Утром Саша звонил. Он сегодня ночью возвращается из рейса. Командировка закончилась раньше, чем он предполагал.

Сердце у Равина будто обдали ледяной водой. «Спокойно. Спокойно, братишка,— сказал он сам себе.— Она замужем, и ничего тут не поделаешь. А двойничок мой, значит, вот такой фортель выкручивает».

— Ну-у... Э-э... Часа полтора в моем распоряжении еще есть,— выдавил Равин и убрал руки с ее плеч.

— Так ты уйдешь?— Надя опустила голову.— Ты не хочешь встретиться со своим сыном?

— Понимаешь, Надюш...— Равин начал говорить какую-то чепуху и с каждым словом становился себе все противнее. В глубине сознания мелькала мысль: «Саша — мой сын. Не муж, а мой сын. У Нади от меня сын...» Но как дальше быть, Равин совершенно не мог придумать. Он сам загнал себя в ловушку, сказав, что уйдет через полтора часа. Придумать причину, найти повод и остаться до утра? И что он будет говорить своему сыну, которого в глаза не видел, человеку, который живет в параллельной жизни? Он, Равин, чужой в этой комнате, чужой в этом мире. Что он здесь делает? Его забросило сюда взрывом. Там, на той Земле, его убили. А где сверх-люди? Где темные и все остальные? В этом мире они тоже есть? В конце концов, независимо от того, есть они тут или их нет, надо отсюда выбираться. Убираться, пока не наломал дров. Хорошо, Надя встретила. Не хочется думать, что было бы, попади ему кто-нибудь другой. И Надя... А если он в их отношениях сейчас все сломал?.. Какими бы ни были их отношения, не он им судья... Нет, надо уходить, уходить немедленно. А куда? Неизвестно куда, но уходить надо.

— ...так что, Надюш, прости меня, сегодня не получится. Давай завтра. Я завтра тебе позвоню, и мы обо всем договоримся.

— А Саша?— Глаза Нади были полны слез.

— Привет ему передай, поцелуй за меня. Он уже здоровый, наверное, вымахал. Его, наверное, сейчас и не узнаешь, какой парень стал.

— Ну что ты говоришь?— Надя всплеснула руками и вытерла слезы.— У Саши уже дочке восемь лет, он скоро сам дедушкой станет, а ты — парень. Владик, что с тобой?!

«Вот так. Я к тому же и дед! — воскликнул мысленно Равин.— Давай, многодетный отец, уноси ноги, пока не испортил жизнь людям. Заканчивай встречу и уходи».

— Я пойду, Надюш.— Равин отвернулся и направился к двери.

Обуаясь, мельком посмотрел в большое зеркало, поправил редкие седые волосы, отметил, что лицо осунулось и здорово постарело, и выглядит он лет на

пятьдесят. «Замотался совсем,— подумал он.— Еще и эта жизнь, и Надя в ней... И бегу я от того, к чему невозможно вернуться».

Он готов был разорваться на две половины: сердце колотилось в груди, а рассудок хладнокровно рвал неизвестные раньше душевные нити, гоня прочь из кватирки. Равин подчинился рассудку. На пороге, уже распахнув дверь, он оглянулся, не смог не оглянуться. Надя стояла рядом, и ее серые глаза... Он видел только глаза, которые оказались близко-близко... Равин отключил рассудок и приник к теплым мягким губам... Он понимал, это его последний поцелуй, и вложил в него все, что может вложить человек, прощаясь со своей юностью...

На улице, особо не думая, куда направляется, пытаясь привести в порядок разгоряченные мысли, он вспомнил свое лицо в зеркале — осунувшееся, постаревшее,— и вдруг понял: как такового двойника у него нет, потому что в зеркале он видел себя, видел таким, какой он здесь, пятидесятилетним. Он находится в своем будущем! Эта мысль пришла как озарение, и она многое объяснила: изменения в городе — за 15-20 лет можно перестроить его довольно основательно; брак со Светланой — он действительно собирался сделать ей предложение; взаимоотношения с Надей — за такой большой срок всякое могло произойти. Но несмотря на радостное возбуждение, охватившее Владислава Львовича, что-то мешало ему насладиться открытием, какая-то маленькая деталь, словно засевшая в ладонь заноза. Наконец он понял, что его смущает — книги в книжном шкафу. Как бы ни изменилась жизнь в будущем, какие бы перемены ни наступили, Толстой, Чехов, Достоевский, да не только классики, но и лучшие из его современников должны уцелеть, пройдя сквозь сито времени, должны уцелеть их книги, не могут они исчезнуть бесследно. И тут же другая мысль пришла вдогонку: «Что же это за будущее, если в прошлом я погиб?!» Пораженный этой мыслью, Равин остановился как раз посреди проезжей части улицы, которую переходил.

Сердитый гудок автомобиля заставил его перебежать на другую сторону дороги и вернул в действительность.

Итак, он, живший там, и он, живущий здесь,— один и тот же человек, находящийся в двух параллельных жизнях с двумя совершенно независимыми уровнями сознания. Если мозг в момент гибели одного перебрасывает его сознание на другой уровень?.. Наложение двух сознаний — верное сумашествие. Так, наверное, и сходят с ума... Но что-то он не слышит в себе второго, нет знаний, нет памяти о прожитом. Второе сознание подавлено?..

Равин от бессилия разрешить загадку до боли сжал кулаки.

«Да что я, в самом деле, как испорченный патефон, зациклился на одной теме! — подумал он.— Обживемся — разберемся. Надеемся на себя, Владислав Львович! Никто другой не скажет, куда тебя занесло».

И тут же мозг озарила другая мысль, четкая и ясная, заставившая его буквально вспотеть: если там, в другой жизни, он погиб, ему некуда возвращаться, он остается здесь навсегда! Назад дороги нет. Нет и не будет...

Равин несколько минут, ничего не видя, шагал через площадь к вокзалу, натыкаясь на автомобили, толкая людей, идя напролом сквозь плотную толпу провожающих и встречающих.

«Да черт с ним, с возвращением! — сказал Равин сам себе, гоня прочь пробирающуюся в сердце холодную пустоту отчаяния.— Не назад, так вперед! Жизнь продолжается! Я не один в двух жизнях, Надя тоже... И, как видно, не только мы двое. Вон сколько народа вокруг, целое столпотворение...»

Равин остановился. Он находился в гуще большой толпы. Все, обмениваясь маловразумительными реп-

ликами, смотрели в небо. Равин тоже посмотрел вверх, ничего, кроме звезд, в ночном небе не увидел, пожал плечами и, протискиваясь между людьми, стал подниматься по ступеням крыльца. И в этот момент несколько человек одновременно охнули, и раздался возглас:

— Вот она!!!

— Смотрите-смотрите! — закричали вокруг. — Шаровая молния!

Народ отхлынул назад, кто-то кубарем покатился по ступеням. Равин остался один на крыльце.

— Берегись! — крикнули ему из толпы.

Равин поднял глаза. С крыши, как дождевая капля с карниза, сорвался маленький огненный мячик и падал прямо на него. Равин в оцепенении устоял на стремительно приближающийся ярко-желтый искрящийся шар и понял, что не может сдвинуться с места, прикованный неведомой силой.

— Берегись!!! — закричали сзади.

И в этот момент шар взорвался с оглушительным треском. Волна неимоверного жара ударила Владиславу Львовичу в лицо, он закрылся руками, мир вокруг исказился и померк...

...в следующий миг перехватило дыхание от налетевшего из тьмы пронзительно-холодного, яростного ветра. Равин повернулся к ветру спиной, убрал от лица руки, еще секунду назад обдаваемые жаром огня. Сердце гулко ударило в груди.

...Забайкальский военный округ. Дивизия ракетных войск стратегического назначения. Центральная площадка. Справа и слева рыжие четырехэтажные корпуса казарм, между ними плац. От плаца через небольшой проулок начинается «выход на Невский» — лестница, на которой он стоит, огороженная массивными декоративными черными цепями и потому так прозванная. Лестница упирается в двухэтажный солдатский клуб. Весь второй этаж клуба занимает оркестр штаба дивизии. А холодно потому, что стоит зима, зима забайкальская, с крутыми морозами, дикими ветрами.

Равин осмотрел себя и с удовлетворением отметил наличие офицерской шинели, в которых ходили все оркестранты-срочники, опять же офицерские альпые сапоги, а вот перчатки на руках солдатские, коричневые, однослойные. Тут только до него дошло, что кто-то очень длинно, вычурно, перемешивая мат с музыкальным жаргоном, произносит вдохновенную речь в его адрес.

— ...Сява!... твою мать! Я уже два часа как с вершошника слез, а ты... Жду тебя, как дятел...! Где тебя носит, жмурик невестребованный?! Мы идем к Бэну кирять или не идем? Совсем... что ли? Слух вместе с нюхом потерял?!

На крыльце стоял здоровенный битюг, закадычный армейский друг его, Бэбел.

— Бэбел, — тихо сказал Равин и улыбнулся.

Лязгнула дверь клуба, и на крыльце вихрем выкатился Викторка — ростом метр с кепкой на коньках, стопроцентный холерик, открывающий любую, независимо от материала, дверь пинком, для армии личность абсолютно свободная, поскольку службу нес в офицерском доме культуры, и нес ее по своему усмотрению.

— Что ты с ним разговариваешь? — сказал Викторка, расплываясь в улыбке. — Не видишь, человек окончательно шизанулся. Он не только нюх со слухом, но и совесть свою в бане под тазиком забыл.

Равин захохотал. И Викторка здесь! Куда же это его забросило: в прошлое во времена прохождения срочной службы, или в очередной параллельный мир?

— Конечно, идем к Бэну, — сказал Владислав Львович, вспоминая, что Бэн не кто иной, как срочник на должности главного свинаря в военном госпитале, а госпиталь... Это надо обогнуть клуб, перелезть через забор, пересечь, оставшись незамеченным патрулем, дорогу, углубиться в лес, не нарвавшись на пьянствующую группу офицеров, затем пятьсот метров лесом и вдоль забора до сараек и гаражей...

Равин с удовольствием проделал весь этот путь, как проделывал когда-то. По дороге Викторка и Бэбел по-товарищески отчаянно переругивались по той причине, что Викторка зацепился шинелью за проволоку на заборе и, падая, выдрал клоч на спине, а Бэбел, мерин тухлозадый, не смог вовремя снять его с колючки и теперь сам, своими тупыми пальцами будет помогать зашивать шинелю, принадлежащую родине, родину же и выданную воину на случай зимы в Забайкалье.

«Судя по молодым лицам Бэбела и Викторки, мы на срочной службе, значит, забросило в прошлое, — подумал Равин, с иронией слушая ругань друзей. Стало легко на сердце. — Интересно, Надины письма придут или нет? Ведь она писала мне в армию.»

Бэн их ждал. Он сидел в своей каптерке на диване, закинув ноги на обшарпанный стол, брэнчая на гитаре и, гоня сигарету во рту из угла в угол, пуская дым в потолок.

— Сочинил что-нибудь? — спросил Бэбел, снимая шинель и пристраивая ее на гвоздь под потолком. Равин тоже повесил шинель на гвоздь, а Викторкину шапку, заранее готовя хохму, нахлобучил, встав на цыпочки, на самый верхний гвоздь.

Бэн выплюнул сигарету на пол, растер ее сапогом.

— Блюз, — объявил он, ударив по струнам и запел надтреснутым, проамериканским голосом:

Вот снова падает листва,
И птицы вновь зовут кого-то,
С прощальным криком, не спеша,
Летят в далекие края,
Покинув дикие болота...

— Класс! — сказал Викторка, хлопнув рукой по столу. — Мне нравится. Особенно про дикие болота. У Владислава Львовича кожа покрылась мурашками. Он помнил эту песню, и сейчас, спустя пятнадцать лет, вновь присутствует на премьере.

Бэн хмыкнул, сказал: «Внимайте дальнейшее», — вновь ударил по струнам.

Их тихий зов наводит грусть,
Как будто сердце хочет с ними
Вдаль улететь, чтоб тосковать
И край родимый вспоминать —
Леса заснеженной России.

Владислав Львович не выдержал и вполголоса подхватил последний куплет:

И наши дни, как листопад,
В года спрессовывает время.
И никогда нельзя назад
Вернуть и сбросить со счетов
Прожитых лет святое бремя.

Бэн отложил гитару, потянулся.

— Ну как, уел я вас? — Он окинул хитрым взглядом друзей.

— Уесть-то уел, да для танца это не годится, — ответил Бэбел. — Но штука хорошая.

«Танцы, — спохватился Равин. — Мы же тут в офицерском городке играем, вернее, играли. Офицерские танцы — это же ни с какими другими несравнимо: господа офицеры — все поголовно «под газом». Все барышни-вольнонаемные — аналогично. Первые пьют от тоски по нормальной гражданской жизни, а вторые от невозможности устроить личную жизнь, и здесь, в военном гарнизоне, у них последний шанс. А для меня и Бэбела танцы — единственная возможность показывать свои песни. Сколько с ним за армию насочиняли? Сотни полторы, наверное...»

Викторка удивился:

— Сегодня танцев не будет! Какие сегодня танцы? Вы что, очумелили! Тревога!

— А я-то думаю, в честь чего наши доктора в полевой форме сегодня? Даже не знал, что тревога, — хмыкнул Бэн.

— Тебе, как выдающемуся свинарю, тревога не

положена,— сказал Викторка.— А потому ближе к теме: что мы сегодня пьем?

— Да, что мы сегодня пьем, животновод Бэн?! — поддержал Равин, сам в душе недоумевая по поводу тревоги.

Бэн опять потянулся, хрустнул суставами, резко встал и приподнял диван. В бельевом ящике лежало четыре бутылки «Агдама».

Викторка запротестовал:

— Не, мужики, сначала давайте порубаем, а потом и кирять сядем. Сегодня можно будет всю ночь оттягиваться. В городке никого, кроме патрулей да пьяных сверхсрочников.— Он вскочил с места, схватил шинель и под общий хохот начал подпрыгивать, пытаясь достать шапку с гвоздя. Не достав, снял сапог и сбил им шапку на пол.— Бэбел — сука,— сказал он.

— При чем тут я?! — спросил хохочущий Бэбел.

— Идем в нашу столовую,— сказал Бэн.— В госпитале лучше готовят. Я не могу есть в вашей тошнливке. Да там, наверное, сейчас патруль.— Бэн сплюнул.

Одевшись, вышли на улицу и, скрючившись под шквальным ветром, затопали в сторону столовой.

«Вот эти двое,— думал Равин, замыкая четверку,— Бэбел и Викторка после армии приедут ко мне. У обоих никогда не будет детей — слишком много успели поболтаться по площадкам. Викторка, к тому же, будет долго лежать в больницах со щитовидной железой и, в конце концов, сопьется».

— Привет, Танюшка! — заорал кому-то Викторка.— Как дела? Лечишь или калечишь?

Владислав Львович оторвался от размышлений, узнал медсестру, часто ходившую на танцы, кивнул.

Викторка продолжал, заведенный одним видом хорошенькой девушки:

— Сегодня танцев не будет! Так что не приходи. Все на «войне». А эти лабухи толстомордые,— он ткнул пальцем в Бэбела и Равина,— сейчас нажрут до потери памяти...— Викторка не договорил и во весь рост растянулся на земле. Его сапоги захлестнула петля из тонкой проволоки.

— Такую засаду мне испортит! — с сокрушенным видом воскликнул Бэн.— Думаешь, я в отпуск не хочу? Я специально на подполковников петлю ставил. Повдидись по ночам вокруг шататься... Последнюю свинью украсть решили.

«Я не в прошлом,— подумал Равин, помогая подняться Викторке и ненавязчиво сбивая ребром ладони снег с его задницы.— Не устраивал Бэн засад на подполковников. Да и подполковникам с какой стати свиней красть?»

Столовая оказалась почему-то на втором этаже, что опять же дало Равину лишний повод подумать, куда его забросило. Она была совершенно пуста. Сели в углу у окна с прекрасным видом на гауптвахту. Бэновский корефан грузин Вано выставил гору еды: полный бачок вареного мяса, тарелку винегрета и тарелку селедки, а в довершение изобилия кастрюлю компота.

Равин поднял селедку за хвост.

— Буду помнить много лет селедку в праздничный обед и сердцу милый, красный винегрет! — продекларировал он и разжал пальцы с таким видом, словно собирался проверить, распространяется ли закон всемирного тяготения на рыбу в пряном посоле.

— Я тебе завидую,— сказал Бэн,— и как у тебя со стихами легко! Взял рыбку за хвост и тут же понес рифмами. Я весь на дерьмо изойду, пока рожу две строчки.

— Это не мои стихи,— честно отозвался Равин, решив не присваивать чужой славы. Он понял, что действительно находится не в прошлом, коли ребята не знают этой песни. В настоящем прошлом ее пела вся дивизия.

Когда поглощение пищи приблизилось к финалу,

дверь в столовую открылась и на пороге появился капитан с красной повязкой начальника караула поверх рукава шинели. Он сделал нерешительный шаг и замер, как бы раздумывая: есть ли смысл обедать в совершенно пустой столовой.

Корефан Бэна вскочил со стула и исчез в раздаточной.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — закричал Викторка, привставая и делая загребающие движения руками.— Заходите, присаживайтесь к нам.

— Здорово, воины,— ответил капитан, подходя с лукавой улыбкой.— Обедаем? — Он поздоровался со всеми за руку.

Равин тоже привстал, пожал руку, хотя и не помнил капитана. Тот снял шинель, придвинул стул к столу, сел, крикнул в сторону окна раздачи: «Бармен, какого черта?! Обед офицеру!» — и посмотрел в лицо Равина.

Равин напрягся. Ему подумалось, что капитан сейчас скажет: «А вот вас, рядовой, я что-то не припомню. Вы из какой жизни к нам попали в часть?» Но капитан сказал совсем другое:

— Сегодня отдыхаем? Все на тревоге, и танцев не будет?

Равин, помня разговор о тревоге, кивнул головой.

— Вы, говорят,— продолжил капитан, сделав движение рукой в сторону Бэбела,— новую песню сочинили? Кажется, что-то о рябине?

«О черемухе!» — чуть не вырвалось у Владислава Львовича, но он тут же спохватился.

Бэбел с важным видом сплюнул косточку в пустой стакан.

— Правду говорят. Есть такой грех. Если бы не тревога, сегодня бы играли. Тревога, мать ее... А гауптвахту по тревоге куда девают? Вот если настоящая тревога, не учебная?

— Она и так не учебная,— сказал Викторка.

Викторка, будучи главным радистом дома офицеров, постоянно находился в курсе событий.

Капитан посмотрел на Викторку, пожал плечами:

— Жду особого распоряжения начальника гарнизона.

— А что они там делают, товарищ капитан? — Викторка ткнул пальцем в окно.

Во дворе гауптвахты прохаживался часовой с автоматом, а у самого забора трое «молодых» под чутким руководством «деда»-штрафника раскачивали будку клозета.

— Суббота — паркохозяйственный день,— ответил капитан.

— А за что туалет-то? — спросил Бэбел и, выудив из кастрюли вишенку, закинул ее в рот.

Все с интересом наблюдали за происходящим во дворе гауптвахты. Будка после дружных усилий была опрокинута, ее отволокли в сторону. Откуда-то достали пилы, и все четверо принялись пилить под корень грязно-коричневый сталагмит. Спилев, они пинками вогнали его на носилки и потащили за здание гауптвахты.

Бэбел сплюнул косточку в стакан.

— А что бы его топором не колоть?

Викторка красноречиво постучал себе по голове.

— Дура ты, Бэбел. От топора осколки в лицо летят.

— Ладно вам, нашли обеденную тему,— сказал капитан, повернулся к раздаче и крикнул: — Бармен, я что, два часа ждать буду?

Все это время из кухни доносились отголоски какого-то странного диалога, а после окрика капитана несколько раз лязгнуло железо, затопали сапоги и наступила тишина.

За столом повисло недоуменное молчание.

— Мужчина, хватит наглеть,— сказал капитан с раздражением.

— Вано! — Бэн поднялся и направился к раздаче.— Ты помер, что ли? — Бэн подошел к окошку, влез в него по пояс и, как ошпаренный, выскочил оттуда.

Лицо его стало белее мела.—Т-товарищ капитан...— сказал он и замолчал.

— Что случилось, мать вашу! — Капитан поднялся и направился к раздаче.

Все вскочили и двинулись за ним.

— Ни... себе!!! — сказал капитан, остановившись на пороге, и, помедлив, шагнул в раздаточную.

Равин шагнул следом и увидел жуткую картину. На полу в луже мяса с подливом лицом вниз лежал Ваню, из его спины торчала рукоять штык-ножа. Вокруг валялись опрокинутые бачки. Следы сапог из лужи вели на лестницу, к черному выходу.

— Бэбел, Викторка, ну-ка быстрее вниз, догоните этого гада, — сказал капитан. — Только, мужики, следы не затопчите и врача сюда, — крикнул он вдогонку, потом тихо добавил: — Без толку догонять, ушел уже... — Осторожно, стараясь не наступить на валяющиеся повсюду куски мяса, он подошел к Ваню.

Ваню застонал. Капитан присел на корточки.

— Ну-ка, помогите мне.

Бэн и Равин приподняли Ваню. Тот громко застонал, мотнул головой и уронил ее на грудь. Капитан, снизу заглядывая в его лицо, спросил:

— Парень, ты меня слышишь? Кто тебя?

Ваню захрипел, и сквозь хрип все услышали:

— Подполковник... Пьяный в задницу... За мясом приходил... — Тело его обмякло. Ваню потерял сознание.

— Клади назад. — Капитан встал. — Опять эти сволочи!.. Одного не пойму: почему они, когда мяса хотят, пьянеют?..

В этот момент в раздаточную вбежали медсестра Таня и два майора медицинской службы. Через секунду за ними ввалились двое срочников с носилками.

Снизу по лестнице загрохотали сапоги, и в дверях появились запыхавшиеся Бэбел и Викторка.

— Не видели никого, товарищ капитан, — заговорил Бэбел. — Следы ведут в лес, а там троп протоптанных — сам черт не разберет... Собаку надо и БМП. Мы далеко в чащу не рискнули заходить. Вдруг он не один...

— Чешите быстрее отсюда, пока патруль не подошел, — капитан быстрым шагом направился в зал за шинелью.

На пороге Равин оглянулся. Китель на Ваню разрезали и бинтовали тело. Вокруг ножа на бинтах проступала алым пятном кровь. Один из майоров глухо выругался и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Честное слово, как грибы после дождя!.. Откуда их столько появляется?

«Сява, ты скорю?» — окликнули Равина, и он пошел к ожидавшим у входа друзьям. Потрясенный случившимся, он шел, как сомнамбула, к бэновской каптерке, стараясь не соскользнуть с тропы в сугроб. Сам едва не угодил в бэновскую петлю, подумав при этом, что дурдом какой-то здесь царит: петли на тропинках, подполковник-убийца, подполковник-похититель свиней...

Когда зашли в каптерку, Бэн закрыл дверь на ключ, достал откуда-то лом и заложил его в приваренные к двери и косякам петли-проушины.

— Вот так, — сказал он. — Теперь пусть попробуют открыть. — Он сел на диван, смахнул со стола невидимые крошки. Но тут же вскочил, поднял диванное сиденье и выставил на пол четыре «огнетушителя» «Агдама». — Что, братва? Готовь посуду, выпьем за Ваню.

Викторка достал из ящика у стены четыре эмалированные кружки.

— Повезло Ваню, — сказал он. — Домой мужика отправят.

У Равина чуть глаза на лоб не вылезли. Ничего себе, везение! Да что он такое говорит?!

— Еще и пенсию от правительства за ранение подбросят, — сказал Бэбел. — А нам тут торчать и торчать... Хорошо, хоть музыкантов на кухню не отправляют.

— Да он сам хотел, — сказал Бэн, срывая с бутылки пробку и разливая по кружкам. — Думал отпуск домой заработать. У него же пистолет с собой был...

— Где достал? — спросил Викторка.

— У банщиков на тюльпаны выменял.

«Дурдом! — подумал Равин. — За тюльпаны выменивают пистолет; за отпуском идут в наряд на кухню!»

— Я слышал, пистолетная пуля их не берет, — сказал Бэбел. Он огляделся. — У тебя сухари есть?

— Ничего у меня нет, — ответил Бэн. — В столовке же собирались жор брать. А теперь какая еда?..

— Перебьемся, — сказал Равин, желая как можно скорее выпить, чтобы отойти от кошмара. — «Агдам» не спирт, перебьемся.

— Ну, ты — крутой у нас мужик, — мотнул головой Викторка. — Ты плавал, тебе видней. Поехали. — Он поднял кружку. — За Ваню!

Равин взял свою кружку, привычно опрокинул содержимое в рот и чуть не задохнулся. С трудом загнал обжигающую жидкость внутрь, поискал, чем запить, и, не найдя, замахал рукой у рта, дыша во все легкие. Из глаз побежали слезы.

— Ты что подсунул, Бэн? — продышавшись, выкрикнул он.

— «Агдам» как «Агдам», — Бэн отхлебнул из кружки маленький глоточек, передернул плечами и занялся руками. Викторка и Бэбел последовали его примеру.

— Ты, Сява, сегодня какой-то не такой, — сказал Бэн. — Пить, что ли, разучился? Сейчас вырубисься... По столько пить... Мне полкружки на день хватает, а ты залпом...

У Равина поплыло в голове. Он понял, что быстро пьянеет. Что же они пьют такое? Какой тут «Агдам»? Чистый медицинский спирт! Или в этой жизни спиртом называют вино?.. А вином спирт?

— Тебе еще налить, или уже готов? — спросил Бэн.

— Готов маэстро, — сказал Викторка. — Клади его на диван.

— Почему? — Равин старался не упасть со стула. — Я еще выпью... Немного погодя...

— Клади его, — сказал Бэн.

Равин даже не стал сопротивляться. Он сразу же, едва закрылись глаза, провалился в черную пропасть, и его начало мотать и кружить. Он не спал, поскольку спать разучился, и это не был пьяный вырубон. Подобного состояния он еще не испытывал. То он куда-то стремительно падал, то неожиданно взмывал в высоту. Полет был совершенно неуправляемым. Хаотически, с быстротой вспышки, сменялись пейзажи, мелькали лица, видения наслаивались одно на другое с непредсказуемой логичностью калейдоскопа. Наконец видения разделились на два потока, превратившись в стены гигантского каньона, и на каждой стене навстречу стремительному полету возникали объемные картины, как в театре неконтролируемого сознания. Он не понял, когда каньон закончился и начался лабиринт, подземелье с многочисленными туннелями и их ответвлениями.

Здесь Равин смог предельно снизить скорость до скорости пешехода — или это произошло само собой, без его участия? — и не спеша двинулся вперед, внимательно осматриваясь. Воздух вокруг светился и в глубине совершенно одинаковых туннелей сгустился до яркости фосфоресцирующего тумана. Из бессознательной глубины пьяного мозга пришло чувство тревоги, и вскоре Равин вынужден был остановиться, так как не смог сдвинуться дальше и на полсантиметра.

«И куда же меня занесло? Что за дьявольский лабиринт?» — подумал он. Свою неспособность двигаться дальше он объяснил сработавшей блокировкой сверхлюдей.

«Место для раздумий? — усмехнулся Равин. — Терминатор судьбы, точка Лагранжа? Прямо пойдешь — к темному попадешь? А что я такого сделал? Что я такого совершил, чтобы меня ставили перед фактом выбора?

Хорошо, светленькие мои, давайте объяснимся. В чем дело, дорогие мои? Да, я выпил со своими друзьями, с которыми не виделся черт знает сколько лет! Да, я пьяный! Я пьяная серость! А вы-то, благородные, справедливые, всемогущие, куда смотрели? Или решили, что копы выдернули меня на свою базу, в свой мир, то теперь все-все вопросы решены? А я так не могу, я — полуживотное, я не могу без помощи и без нее себя не мыслю. Я привык к вашей опеке, она для меня, как наркотик. В мире идет борьба света и тьмы, и я, по вашему пониманию, должен принять в ней самое непосредственное участие. А я не могу, не хочу и просто боюсь своей разбитой морды, если захотите; и много еще чего боюсь. Меня убили в той жизни, но выбросили в другую, в которой опять же убили и забросили в третью... Может быть, именно поэтому я и выпил с друзьями. Чтобы забыть, чтобы хоть на миг отделиться от мира, спастись, хотя бы в душе уцелеть. Да, это истерика, да, я на грани срыва, еще чуть-чуть — и мне конец. Я слабый, я уже говорил. И вы не прибавили мне сил. Я слаб и спекулирую на этом, на своих маленьких глупостях, хитростях и прочем. Я слаб, я это знаю. Но вы-то об этом тоже знаете! Куда вы ведете? Вы же не маразматика? Да, мне бывает стыдно за свои слабости. Ну и что? Если бы я был всемогущим, я не был бы человеком, я был бы богом! Этим все сказано. И пошли вы все, учителя нашлись!.. Я хочу к своим друзьям! Я буду с ними пить медицинский спирт под названием «Агдам»!..»

...Глаза открылись сами собой. Он лежал на диване в каптерке Бэна. Между друзьями шел какой-то спор, и Равин, приходя в себя, не сразу вник в суть разговора.

— Я вам говорю, — гудел Бэбел неуправляемо-громким пьяным голосом, — это после того неудачного пуска началось. Помните оранжевое облако над тайгой? Ракета взорвалась в шахте...

— Она не в шахте, а на стартовом столе взорвалась, — сердился Викторка. — А подполковник этот внизу был, в блиндаже. Я же слышал на совещании — физик докладывал. Вот. И с тех пор их становится больше, подполковников этих.

— А вот почему? — заорал Бэбел. — Сможешь объяснить? Нет.

— А потому, — сказал Викторка. — Там начались неизвестные процессы с пространством и временем. — Разве вам, дуракам, втолкуешь!

— Сам-то — двух слов связать не можешь. Пространство! Время! — передразнил Бэн.

— Спорим на литр «Агдама!» — разошелся не на шутку Викторка. — Я сейчас вот пойду и этого физика приведу, и он тебе скажет.

— Куда ты пойдешь? Уже ночь. Капитан сказал, не высовываться, облава будет, — пробурчал Бэн.

— Тебя, Викторка, точно говорю, когда-нибудь подполковники поймут и на мясо определят, — Бэбел захохотал.

— Во мне мяса с гулькину гульку. Это тебя вперед сожрут, Бэбел.

Равин сел, пораженный неожиданной мыслью, пришедшей ему в голову.

— Мужики, а что, если нам самим поймать подполковника? — выпалил он.

Все повернулись к нему.

— А ведь это идея, — оживился Бэн. — Почему я должен бояться каких-то мутантов? Тварь я дрожащая или человек?

Завязался спор, как лучше скручивать подполковника: сразу же вязать ремнями или же сначала попинать, а потом вязать. Точку в споре поставил Викторка, заявив, что мутанты — они и в армии мутанты, а прогуляться на свежем воздухе ничуть не помешает.

Быстро оделись. Бэн хотел прихватить с собой лом, но его отговорили. Викторка одному ему известными тропами повел к месту засады. По лесу шли не боясь,

травили анекдоты. Наконец Викторка остановился. «Здесь», — сказал он. Огляделись. Действительно, ямка вместительная, целому отделению можно спрятаться. Впереди в нескольких метрах за густыми зарослями багульника проходила дорога, освещенная редкими тусклыми фонарями, которые не столько давали света, сколько прибавляли темноты. Не сговариваясь, замолчали в ожидании, почему-то повернув головы в одном направлении. Скрипели сосны, раскачиваемые ветром, в ночном безоблачном небе стили невероятно яркие звезды.

— Не, мужики, ерундой занимаемся, — нарушил молчание Бэбел.

— А что? — спросил Бэн. — Нормально стоим. — Он снял солдатские перчатки и пошевелил пальцами.

— Замерз? — спросил Равин.

— Давайте вернемся, — заныл Бэбел. — Накатим по глоточку и назад...

— Тихо ты, ханыга! — зашипел Викторка. Он сдвинул шапку на затылок, глаза его лихорадочно заблестели. — Я знаю, почему никто не идет. Приманка нужна. Надо, чтобы кто-нибудь вышел на дорогу.

Никто не хотел идти на дорогу, и Викторка заявил, что приманка из него дрянь, а вот Бэбел мог бы и пожертвовать собственным пузом...

— Послушайте, — сказал Равин. — А почему бы нам всем не выйти из леса?

— Мудрое предложение, — поддержал его Бэн.

Они продрались сквозь кусты багульника на полосу заснеженного асфальта и сразу увидели его.

Подполковник, очевидно, только что вывернул из-за угла забора и шел пьяной походкой, цепляясь ногой за ногу, готовый в любой момент прилечь посреди дороги и не позволяющий себе этого в силу известных ему одному особых причин. Владислав Львович почувствовал тошнотворный страх, ноги стали ватными.

Подполковник миновал круг света под фонарем и тоже увидел их. Остановился, приложил руку ребром ладони ко лбу — не сдвинулась ли кокарда? — и чуть ли не строевым шагом двинулся к ним.

— Вольно, товарищ подполковник, — сказал Бэбел и приснул от смеха.

Подполковник остановился, уставился на Бэбела, удивленно поднял брови:

— Ага! Так тут лабухи! А я-то думал, офицерский патруль.

— Ладно, мы пошли, — сказал Викторка. — Мы же видим, что ты настоящий подполковник, а не мутант.

— А ну-ка стойте! Смирно! Как перед офицером себя ведете, сукины дети?! — Подполковник схватил Бэбела за лацканы шинели.

— Отстань, мужик! — Бэбел ударом отбил руку.

— Что-о?! Руки распускать? — заорал подполковник.

— Бэбел, пошли, — сказал Бэн.

В этот момент подполковник сунул руку за борт шинели, выхватил бутылку и опустил ее на голову Бэбелу. Брызнули стекла, Бэбел покачнулся. И тогда Равин, не отдавая себе отчета в том, что делает, шагнул вперед и провел короткий удар правой в челюсть. Подполковник грохнулся на спину.

— Бежим! — крикнул Викторка.

Равин почему-то бросился к забору. Он ухватился за его верх, оглянулся...

Подполковник, сидя на дороге, раскачиваясь, двумя руками наводил на него пистолет. Равин еще успел отметить, что подполковник сидит без шапки и челюсть у него то ли от злобы перекошена, то ли свернута ударом, когда беззвучно расцвела вспышка выстрела и маленький раскаленный комочек свинца в облаке пороховых газов начал свой путь к его сердцу. Владислав Львович вцепился в заборные доски, равнялся...

— ...Па-а-па-а! — пронзительный детский крик резанул по перепонкам.

Равин открыл глаза и тут же плотно зажмурился, едва не ослепнув от белого солнечного сияния. Сбоку продолжал кричать, лихорадочно тряся его за плечо, ребенок. Равин повернулся, осторожно открыл глаза. Кричала девочка лет двенадцати-тринадцати, с распущенными черными волосами, в синих шортах и футболке с большим ярким рисунком. Равин отметил, что они с девочкой находятся в дороге спортивном автомобиле, сам он онемевшими пальцами сжимает баранку, а девочка, судорожно вплепившись ему в плечо, кричит и полными ужаса глазами глядит вперед на дорогу.

Владислав Львович резко повернул голову, и волосы его встали дыбом. Впереди, в пятидесяти метрах, на широкой грунтовой дороге, обступаемой с обеих сторон пышной африканской растительностью, стоял прогулочный джип с открытым верхом. В нем, закрыв голову руками, согнувшись, сидела девушка. К джипу, распластав уши и пронзительно визжа, неся огромный африканский черный слон. Подбежав к машине, он поддел ее бивнями. Джип встал на задний бампер. Девушка выпала из машины, попыталась подняться на ноги, но тут же упала и поползла к обочине, водтягиваясь на руках. Слон победно взревел, опрокинул машину вверх колесами, схватил девушку хоботом, подняв и швырнул на дорогу позади себя. Все произошло так быстро, что Равин даже не успел опомниться. Он автоматически включил скорость, вдавил до упора педаль акселератора. Набирая скорость, управляя машиной одной рукой, другой рукой, с непонятно откуда взявшейся силой, перекинул девочку на заднее сиденье, обогнул перевернутый джип и врезался в заднюю ногу слона.

От удар капот выгнулся, Равин больно ударился грудью о руль. Слон покачнулся и завалился на бок, но тут же, оглушительно затрубив, стал подниматься.

Равин дал задний ход и, когда слон поднялся, покачиваясь, на ноги, вновь выжал полный газ, тараня в ту же ногу. Слон упал, едва не задев машину. Равин отъехал назад.

— Сейчас ты у меня встанешь! — процедил он сквозь зубы. — Твое счастье, что у меня нет оружия... Да я тебя и так раскатаю по дороге!

Слон встал на передние ноги. Продолжая оглушительно трубить, трясая головой, с видимым трудом оторвав огромное тело от земли, встал на задние, забил ушами.

— Ну, держись! — прошипел Равин, собираясь повторить атаку.

Неожиданно слон развернулся и, высоко задрвав хобот, припадая на заднюю ногу, бросился напролом в джунгли. Равин, плохо соображая, что делает, выжал полный газ, свернул с дороги, но машина, пролетев на скорости несколько метров, застряла в зарослях. Мотор заглох. Равин, все еще в состоянии аффекта, ударил кулаком по рулю. Взревел клаксон. Из джунглей ему ответил слоновий крик. Владислав Львович опомнился, оглянулся. На заднем сидении никого не было. Распахнув дверцу, он выскочил из автомобиля.

— Джинни! Джинни, где ты?! — Владислав Львович бросился на дорогу, ничуть не удивляясь своему чистейшему английскому языку.

— Я здесь, папа.

Равин оглянулся. Джинни стояла в машине.

— Я между сиденьями спряталась, мне страшно, я думала, слон убьет нас... — она заплакала, размазывая слезы по щекам.

Владислав Львович подбежал, взял ее на руки и понес на дорогу.

— Успокойся, моя девочка, успокойся. Твой папа никому не даст тебя в обиду.

— Он убил миссис Келли! Он убил ее!

— Он уже убегал, он испугался, его уже нет. Успокойся! — бормотал Равин, выбираясь на дорогу. — Постой-ка здесь. — Он поставил Джинни на ноги.

Тебе не надо подходить, я сам посмотрю.

— Не уходи, я боюсь! — Джинни прижалась к нему, ее была мелкая дрожь.

Владислав Львович гладил ее по головке, говорил успокаивающие слова, а сам смотрел на лежащий на дороге труп миссис Келли. Нещадно палило солнце. Хрипло кричали птицы. «Хоть бы кто-нибудь приехал, — подумал он. — Остаться здесь опасно. Слон может вернуться».

Равин отметил про себя, что совершенно не удивлен попаданием в новую параллель. Он уже стал профессиональным скитальцем. Несколько озадачивал тот факт, что на этот раз новый образ не является продолжением его основной жизни. Равин вспомнил, что обо всем произошедшем на его глазах он где-то читал. Только вот название произведения никак не вспоминалось. Но он точно знает, кто он, где находится, кто эта девочка рядом, и даже знает причину разыгравшейся трагедии. Хоть не мучаться, как в предыдущих случаях, — подумал он. Но неужели прочитанное однажды продолжает жить в сознании самостоятельно?!

За деревьями послышался шум моторов, и из-за поворота выскочили три армейских джипа с карабинерами. Карабинеры, на ходу выпрыгивая из джипов, растянулись цепью по обочине дороги, всматриваясь в джунгли, держа наготове короткоствольные автоматы.

Из остановившейся рядом машины вышел капитан. Щелкнув каблучками и отсалютовав под козырек, ска-

зал: — Сэр, капитан Ленки. С кем имею честь?

— Филл Стоун, капитан, — представился Владислав Львович. — Второй секретарь Британского консульства. Моя дочь Джинни. А это, — Равин кивнул головой, — миссис Келли, была моей секретаршей. Она ехала впереди нас всего на три минуты, и теперь вот...

— Вам повезло, сэр, — сказал капитан. — Могло быть и хуже. Мои ребята вчера подстрелили сразу трех взбесившихся слонов.

— На нас напал одиночка, капитан. И, по-моему, я его покалечил, я его два раза таранил на своей машине.

— Сэр, вы сказали: таранили на машине?

— Да. — Равин показал на прогалину в джунглях. — Там она. Я хотел ногать эту тварь.

— Без оружия, сэр?

— Я не думаю об этом. Я хотел стереть с лица земли этого зверя.

— Хорошо, мистер Стоун. Я с ребятами начну преследование. Я уже вызвал санитарный вертолет, он через несколько минут будет здесь, и вас и... миссис Келли заберут.

— Видите ли, капитан, мне по служебной надобности необходимо сегодня быть в нашем представительстве. Вы бы не могли оказать мне услугу, вытаскать мою машину на дорогу.

— Охотно, сэр. — Капитан подошел карабинера. Два джипа подъехали к обочине, солдаты зацепили машину Стоуна, и через минуту она уже стояла на дороге.

— Благодарю, капитан, — сказал Владислав Львович. — Ваша фамилия Ленки, если не ошибаюсь? Я скажу о вас бригадному генералу.

Двигатель несколько раз чихнул, но все же завелся. Джинни села на переднее сиденье и прижалась к его плечу. Девочка молчала, подавленная происшедшим. У развилки с указателем «Вилла Оксфорд» дороге переходило семейство дикобразов, Равин притормозил и посигналил. Дикобразы метнулись с дороги в чащу, и Равин хотел было продолжить путь, как вдруг в джунглях раздался слоновий крик, и на главную дорогу, ведущую к загородной правительственной резиденции, вышел слон.

Тот же это был слон или другой, Равин не стал определять, он выругался сквозь зубы и свернул на второстепенную дорогу к вилле Оксфордов, прибавил

газу. Проехав около километра, оглянулся. Слон бежал за ним. Равин выжал максимальные шестьдесят километров. Слон скрылся из вида, но Равин слышал его крик, полный ярости.

«И чем же все это кончится? — подумал Владислав Львович. — Какой меня ожидает финал? Если традиционный — с убийством, то можно смело заявлять, что у Великого князя тьма, Анхра-Манью, небогато с воображением. Какой смысл в очередной смерти, если я сейчас литературный герой и даже выступаю в этом качестве не яод своим именем? Или имеет место великая хитрость Великого князя, которую я, ничтожный атом мироздания, бессилён разгадать? Надо вспомнить, чем тут дело закончилось. Ну-ка, давай, работник пера, старатель слова, вспоминай прочитанное! Неважно, что давно читал. Ты должен вспомнить, коли читал».

Равин начал перебирать в голове многочисленные сюжеты, вылавливая из глубин памяти имена и места действия, как вдруг его прошиб пот. Он резко ударил по тормозам.

— Что случилось, папа? — спросила испуганно Дженни.

— Все в порядке, дочка, все в порядке. Это я так, проверял машину. — Владислав Львович снял ногу с педали тормоза, выжал сцепление и на прежней скорости повел машину по дороге, ведущей в Никуда, так как указатель на развилке, гласивший «Вилла Оксфорд», на самом деле лгал. Не существовало здесь такой виллы, ни «Оксфорд», ни с каким другим названием, потому что он, Равин Владислав Львович, не придумал ее, оставив свой самый первый литературный опыт незаконченным, оборвав нить повествования именно на развилке дорог; он прекратил тогда писать по очень тривиальной причине — не смог придумать финал, и переключился на другой рассказ. И кто сейчас работает над развязкой — он ли сам, гений ли тьмы? Равин страшился подумать об этом.

Джунгли оборвались внезапно, и увиденное настолько шокировало Владислава Львовича, что заставило его до предела снизить скорость.

Впереди было два мира, две плоскости, — одна зеркально отражала другую. Дорога убегала в открытую саванну, на плато, и зеркальная копия дороги извивалась в небе, в перевернутой вверх ногами саванне. Справа, в обрамлении рощи акаций, протекала неширокая мутноводная река с небольшим железнодорожным мостом за излучиной, и точно такая же река струила глинистые воды в вышине, только зонтики деревьев смотрели вниз, и мост тянулся к своему зеркальному брату. Неподдалеку от моста сверкало стеклом двухэтажное здание с чашей антенны спутникового телевидения на плоской крыше, направленной в зенит, будто бы для приема сигналов от тех, кто живет в доме над головой. Слева, на самой границе видимости, просматривались смутные неровности гор, подпирающие свои отражения. Горизонта не было. Страна исчезала в дымке знойного марева.

«Здесь живут, — подумал Владислав Львович. — Что ж, попробуем обратиться к ним за помощью. Слоны на поселения людей еще не нападали. Может, у хозяев виллы есть оружие. На худой конец, у них должен быть телефон. Не помешает вызвать карабинеров для сопровождения, хотя мог бы попросить солдат и у капитана».

Из глубины саванны прилетел резкий звук, на мосту показался небольшой состав — электровоз и несколько вагонеток. Состав пересек плато справа налево, исчезнув в дымке вместе со своим отражением в вышине.

— Какой красивый мираж, правда ведь, папа! Я такого еще не видела! — воскликнула Дженни.

— Я тоже никогда ничего подобного не видел, — сказал Владислав Львович.

Слова Дженни вывели его из нерешительности, и он направил машину к искрящемуся стеклом зданию.

Через несколько минут дорога поднялась на невысокий холм, и мир в небе поблек и исчез, уступив место белому солнечному сиянию. Все вокруг словно плавало в воде: и пятна мелкого кустарника, и плоские верхушки акаций, казалось, стояли кронами вниз. Горы на горизонте подпрыгивали в перегретом воздухе.

Равин остановил машину на стоянке рядом со зданием, поигнал, предупредив хозяина о прибытии незваных гостей.

Слоновый рев, похожий на визг, донесся издалека. Равин оглянулся. В конце дороги, упирающейся в косматую зелень джунглей, появился слон. «Почему, стоит мне нажать клаксон, слон отвечает? — подумал Равин. — Он, наверное, принимает машину за зверя, вот в чем дело». Равин взял Дженни за руку, и они побежали по беломраморным ступеням широкого крыльца к огромным стеклянным входным дверям.

В невероятно просторном вестибюле навстречу им по парадной лестнице спускался низкорослый полноватый мужчина, застегивающий запонки на манжетах и одновременно поправляющий галстук.

— Чему обязан, сэр? — не скрывая удивления, спросил мужчину, останавливаясь в двух шагах.

«Вроде обыкновенный человек», — подумал Равин и сказал:

— Сэр, видите ли... Мы с дочерью сейчас из джунглей... Видите ли, сэр, сейчас там, на лесной дороге, произошла трагедия: слон убил человека. Теперь он преследует нас. У вас имеется на вилле оружие? Я бы хотел связаться с префектурой, вызвать карабинеров.

— У меня нет оружия. Зачем оно мне здесь? — мужчина пожал плечами. — А телефон наверху. Простите, с кем имею честь?

Дженни выскочила вперед.

— Сэр, мы Стоуны, — выкрикнула она. — Это мой папа, Филл Стоун, британский дипломат. Я его дочь Дженни. Слон убил миссис Келли, как вы не понимаете! И теперь гонится за нами!..

— Успокойтесь, юная леди, — сказал мужчина. — Слон не посмеет сюда войти. Слоны боятся жилища человека.

В этот момент снаружи раздался рев.

— Бог ты мой! — воскликнул мужчина.

Владислав Львович и Дженни оглянулись.

Слон вбежал на стоянку и бивнем ударил в бок автомобиля. Машина перевернулась. Равин надеялся, что взорвется бензобак и взрыв отпугнет зверя. Но разъяренное животное, словно угадав его мысли и будто бы поняв, что в груди железа нет тех, кто ему нужен, задрало хобот и двинулось к зданию. Обняв ступени и обнаружив след беглецов, слон издал торжествующий рев и, грузно колыхаясь, устремился вверх по ступеням.

— Господи! Не может быть! — испуганно пробормотал побледневший, как полотно, хозяин виллы.

Дженни закричала, вырвала руку из ладони Владислава Львовича и бросилась по парадной лестнице на второй этаж.

— Дженни! — Владислав Львович побежал за ней. Наверху лестницы он оглянулся.

Слон ввалился сквозь стеклянный дождь в вестибюль.

— Бегите! — крикнул Равин оцепеневшему хозяину и бросился в правое крыло.

Дженни в коридоре не было. Равин толкнул одну дверь, другую — заперто.

— Дженни! — крикнул он.

С первого этажа донесся истощный вопль хозяина, тут же оборвавшийся. Владислав Львович метнулся на помощь, но остановился. Задрожал пол — слон пытался подняться по лестнице.

Равин бросился в противоположное крыло. Последняя дверь оказалась открытой, но комната была пуста. Узкая лесенка вела с веранды вниз, в небольшой

палисадник с пестрыми клумбами. Широкая полоса колючего кустарника в качестве живой изгороди отделяла палисадник от дороги, круто поворачивавшей к мосту. По дороге бежала Дженни.

Равин выбежал на веранду и начал спускаться по лесенке, когда из-за угла возникла черная громада слона. Зверь пробежал мимо, вломился в кустарник, проделав в нем широкий проход, и устремился за девочкой.

Проклиная взбесившееся животное, Равин бросился в проход, протоптанный слоном, и, срезая поворот дороги, побежал напрямую по кустам, через канавы, к железнодорожной насыпи, рассчитывая опередить слона.

Дженни, не оглядываясь, бежала к мосту. Волосы ее развеивались на ветру, ноги мелькали в быстром беге. Но и слон не отставал.

Равин боялся только одного: лишь бы девочка не остановилась и не оглянулась. Тогда она растеряется, и слон настигнет ее. Пока же ее спасает собственный страх.

Дженни уже подбежала к насыпи. Взяв себя в бег, она споткнулась и упала, схватившись за коленку. У Владислава Львовича внутри все оборвалось. Он на бегу стащил с себя мокрую от пота рубашку, замахал ею, закричал, стараясь отвлечь внимание слона на себя; слон не прореагировал на его крики, и Дженни не услышала его. Размазывая по щекам слезы, она поднялась, помогая себе руками, взобралась на насыпь и, прихрамывая, побежала по мосту. Она бежала, не оглядываясь, и была уже на середине, когда слон и Равин почти одновременно добежали до моста. Равин не думал, что слоны умеют бегать так быстро. Но почему животное преследует именно девочку и не обращает внимания на него, бегущего в десяти метрах позади?

Дженни опять споткнулась и упала, схватившись за ту же коленку. Она обернулась, испуганно глядя на приближающегося зверя.

Слон, вздымая хобот чуть не до контактного провода электропоезда, затрубил.

— Дженни! Прыгай в воду! В реку прыгай! — закричал Равин.

Дженни не поняла, наверное, не расслышала из-за слоновьего рева.

— В реку прыгай! — снова закричал Равин, срывая связки, надавая легкие, продолжая бежать, запинаясь о стыки стальных плит и валяющийся повсюду железный хлам, оставленный строителями.

Дженни поняла. Она взобралась на перила, на секунду задержалась, посмотрела вниз.

— Прыгай!!! — закричал Равин и швырнул свою рубашку за перила в реку.

Слон был уже рядом с девочкой, но в последний момент Дженни зажмурилась и, зажав нос пальцами, прыгнула. Фонтан брызг взметнулся над ней.

Владислав Львович остановился, вытер ладонью пот со лба.

Дженни вынырнула, по-собачьи загребая руками воду, поплыла к берегу. За нее можно было не волноваться — через несколько метров начиналась отмель, по которой она вброд выйдет на берег.

Слон яростно завизжал, развернулся и бросился к Равину.

«Навязался же ты на мою шею!» — подумал Равин, пятясь, не решаясь повернуться к слону спиной, и закричал:

— До смерти ты мне надоел, слышишь! Почему ты не оставишь нас в покое, зверь?! Зачем ты хочешь нас убить? Ты думаешь растоптать меня, размазать по рельсам, по фермам моста? Черта с два! Я тоже прыгну!

Равин повернулся к перилам и упал, оступившись. Черная ревущая гора была уже близка. Равин понял, что не успеет добраться до перил. Он машинально

зашарил рукой, наткнулся на какой-то округлый в сечении предмет. Им оказался длинный прут арматурной проволоки. Равин, вставая, потянул прут, поднял его, как копье, и сразу понял, что сейчас сделает. Он больше никуда не будет убегать от взбесившегося слона, он не будет бить его прутом или колоты, как копьем, — без толку, со слоном ему не справиться. Он поступит по-другому. Равин сжал крепче прут. Ну подумаешь, еще одна смерть, еще один переход в новый мир... Или в старый?.. Чего ему бояться?..

Слон был в полутора метрах, и время для Владислава Львовича словно потекло в несколько раз медленнее. Он отчетливо видел, как плавно, в такт шагам, колышется большие слоновьи уши, как блестит на бивнях слюна, а маленькие пороссячи глазки подернуты кровавой дымкой бешенства; как морщинистый хобот с грязно-розовым треугольником морщин тянется к нему, касается жесткой, словно напильник, кожей, обвивается, сдавливая и круша ребра. Владислав Львович из последних сил поднял прут и прижал его верхний конец к контактному проводу.

Оглушительный треск, вспышка, сноп искр, чудовищный удар в мозг, будто взорвалась каждая клеточка тела... И Равин уже не понял, то ли он сам кричит страшным голосом, то ли слон издал предсмертный рев...

Глава 4. СЕРЫЙ

Жизней больше не было, исчерпал он весь свой резерв, и сколько ему здесь лежать — неизвестно. Равин заставил веки подняться, скосил глаза вправо, влево.

Края горизонта поднимались вверх — так искривлялось пространство здесь, на Трансплутоне. Равин лежал на дне огромной чаши. И справа, и слева лежали люди, люди до горизонта, лицами в серо-розовое небо, с закрытыми глазами...

Кто-то, видимо, находится здесь не один год, не один век под серо-розовым небом... Хранилище... Хранилище заблудившихся... До востребования... Иногда кто-нибудь исчезал, его забирали. Но кто забирает и куда — неизвестно: сверху опускается световой конус, и человек исчезает. Равин уверен, что процесс забирания видят все, и он подозревает, что это интересно всем, и каждый жалеет, что забрали не его... Они все — потерявшие узлы стабильности на Земле, так понял для себя Равин.

Он в который уже раз перебрал в памяти события, приведшие его сюда. Пауза, возникшая сейчас в жизни, оказалась как нельзя кстати. Лишь бы эта пауза не затягивалась, не превратилась в бесконечную. Что, кроме понимания безграничности мира, дало ему сегодняшнее состояние? Мир оказался огромнее, чем думалось раньше, неизмеримо огромнее. Он, Равин, лишь поверхностно соприкоснулся с тем многим, о чем человечество и не подозревает, греясь в ласковых лучах звезды среднего класса под названием Солнце, живя своим эгоистическим мирком, называемым социум, умудряясь, к тому же, в таком крохотном жизненном пространстве гадить друг другу. Темные, серые, светлые... Параллельные жизни... Все взаимосвязано. И светлые только потому светлые, что есть темные. Но тогда что представляют из себя серые? Он, Равин, серый. Серый — ни вашим, ни нашим. Надо понимать, что с таким же успехом, как и светлыми, он мог использоваться и темными? Предписание судьбы... Что в нем сказано по поводу будущего? Анхра-Манью неоднократно упоминал предписание и рассказывал о предстоящей жизненной перспективе. Лгал Великий князь? Не похоже. Ему необходимо было говорить правду. Его не устраивало предписание, он желал его изменить, и ведь почти добился, получив согласие, но вмешались светлые. Они-то почему вмешались? Они ведь тоже говорят, что я серый. Может

быть, дело в загадочном узле стабильности? Как это понять — узел стабильности? Если предположить, что это состояние, обеспечивающее стабильность... Стабильность чего? Да хотя бы стабильность будущего... Что-то в этом рассуждении есть, что-то есть. То есть, меня выбили, и будущее — то, которое должно было состояться по неизвестно кем разработанному плану, — этого будущего не будет, оно не наступит или наступит невероятно искаженным...

Темные добивались искажения будущего? Оно их по каким-то причинам не устраивало, и они приступили к разрушению узлов стабильности? Как там Светлана говорила: «Слишком большой отток с Земли в лагерь темных...» Выбивают только серых? Если так, то вокруг одни серые! Трансплутон — для серых! Склад? Тогда как понимать изъятие людей со склада? Кто их забирает? Ведь наверняка все, кто здесь лежит, думают, думают, думают. Узнать бы, о чем думают, да невозможно, не получается. Или каждый должен определиться сам? Осмыслить свою жизнь и решить, с кем он? Если с темными — они забирают? Если со

голос. — Ты прошел первую ступень. Вторая и последующие ступени у тебя впереди. Жди.

Видение исчезло.

«В первой жизни я погиб во время взрыва. Во второй убила шаровая молния, в третьей в меня стреляли, в четвертой — слон. Почему меня всюду хотели убить и убивали? Кому и зачем это надо? Темным? Это имело в виду, когда было сказано о первой ступени? Кто я такой, чтобы меня убивать столько раз?»

В глазах возник серебристый свет. Равин ощутил себя одиноко лежащим на громадной плоскости, как на операционном столе. В вышине, насколько хватало глаз, распростерлось серебристое облако, состоящее из множества переплетающихся, струящихся волокон,

— Тебя представляют, — звучал в голове тот же голос. — Ты на аудиенции.

Серебристые нити оживились, и в облаке возник глаз. Облако смотрело на него, и глаз был сформирован именно для того, чтобы Равин понял — его ви-

светлыми?.. А если человек решил остаться серым? Он лежит в этом хранилище, пока не сделает выбор? Но в жизни не бывает однозначных ответов... Остаться серым — это тоже выбор.

Равин лежал с закрытыми глазами, поэтому не видел, как с серо-розового неба на него упал конус света.

В глазах Владислава Львовича вспыхнули звезды, много звезд, галактические скопления. На фоне безбрежного звездного простора возникли четыре человеческие фигуры. Они словно состояли из звездного света: белые контуры, просвечивающие тела. У троих были четко просматривающиеся, очерченные белым же светом лица идеально правильного рисунка; лицо четвертого постоянно менялось, — сейчас существо приняло внешний вид человека, хотя на самом деле никогда им не было. Равин это понял, он понял также, что перед ним представители более высокой цивилизации, чем сверхлюди.

— Человек! — раздался в ушах спокойный ровный

голос. Глаз смотрел безучастно, равнодушно, холодно. Все длилось секунду, и облако исчезло. Наступила темнота.

«Что это было? — Равин заволновался. — Ах, да! Мне же сказали — аудиенция. Но у кого? Кому меня представляли? — Равин понял, кто это был, но тут же сознание напомнило выкрик Повелителя тьмы: «Не упоминай имен всуе!» — Вот оно, значит, как! Дошло до «начальства», до самого верха! Предписывающий судьбы!..»

— Владислав, ты можешь открыть глаза, — прозвучал неожиданно знакомый женский голос. Сквозь закрытые веки Равин ощутил сильный поток света, а под спиной жесткую ровную поверхность. — Открывай глаза, Владислав. С возвращением тебя!

Равин открыл глаза, ожидая вновь увидеть серо-розовое небо Трансплутона. Но над нимплыли оранжевые облака.

«База сверхлюдей! — понял Равин. — Я вернулся!»

Он сел. Вокруг матовый блеск посадочного поля, шары, горы, конусы. Рядом стоит улыбающаяся Светлана.

— Как настроение, серый? — спросила она и протянула руку. — Давай, помогу подняться.

Равин подал руку, поднялся. Масса вопросов возникла у Равина, и он хотел узнать ответы на все сразу.

— Мне бы с тобой поговорить, Свет.

— Обязательно поговорим. Если желаешь, хоть сейчас.

— Кто я? — выпалил Владислав Львович.

— Ты — серый. — Светлана засмеялась. — Ты — настоящий серый, ты даже не знаешь, какой ты замечательный серый! Ты — наш серый!

Они пошли по посадочному полю. Равин знал, что поле бесконечно, по нему можно в любую сторону идти хоть всю жизнь, но потом стоит пожелать, и окажешься в нужном месте.

— Я догадываюсь, о чем ты хочешь меня спросить, — начала Светлана. — И давай-ка начнем с твоей жизни на планете Земля — так тебе легче будет понять все последующее. Ты хорошо помнишь вечер с псевдо-Червякиным?

Равин утвердительно кивнул:

— Еще бы.

— В таком случае вспомни, как он охарактеризовал твою жизнь.

— Ты имеешь в виду его слова: серенький писатель, серенькое будущее, серенькие произведения?

— Не только. Он тогда очень четко сформулировал: «Жизнь замерла — ты умер».

— А в действительности я умер или не умер?

— И да и нет. По предписанию ты... Как бы тебе объяснить? Ты не должен был соглашаться доделывать рассказ — твоя литературная фаза заканчивалась. Но ты согласился. Червякин тем самым удлинил стоп-фазу на неопределенное время и расшатал узел стабильности. А поскольку узел стабильности расшатан, Гений тьмы является лично и окончательно выбивает тебя. Мы с Эльзой едва успели. Быть бы тебе у темных.

— Ни черта мне не понятно. Ты извини меня, Света, но при чем здесь литература?

— Чтобы было понятнее, я кратко обрисую твою жизнь. Только не надо морщиться. Мы же договорились.

— Я слушаю.

— Так вот, ты всегда занимался не своим делом. Я имею в виду твою самостоятельную жизнь. То, что военная служба не для тебя — ты понял, когда проходил срочную. Быть простым работягой — тоже не твой удел, не случайно ты сменил три места. Правильно?

— Ну, ты же все знаешь!

— Обязательно! Это я так, чтобы тебе не скучно было. Таксист и механик по ремонту телевизоров — тоже не твое. И тогда ты начинаешь писать, становишься писателем, даже издаваемым. Но вот что интересно: ведь ты отказывался от той или иной работы не потому, что тебе работа не нравилась или мало платили. Ты бросал все потому, что вокруг тебя были люди, которые делали работу лучше тебя. Вот в чем дело! Ты не был в числе лучших! Ты не был даже равным среди лучших, и именно это заставляло тебя менять работу, профессию...

«А ведь она, пожалуй, права, — подумал Владислав Львович. — Если поглубже копнуть, так оно и есть...»

— Вот-вот, именно поглубже, — сказала Светлана.

А там — поглубже — заложено стремление быть первым, лучшим, которое тебя точит. Само по себе это хорошо. Но вот как быть с тем, что в тебе не заложена возможность реализовать это стремление?

— ???

— Да-да, не за-ло-же-на! Ты — серый. Тебе предопределена такая судьба. Что делать?! Таких, как ты,

много: мечутся по жизни, ищут свое место в ней. А у них нет своего места. Это и есть их судьба — вечные метания, вечный поиск...

— Неудачники, — усмехнулся Владислав Львович.

— Да брось ты! Неудачники в глазах других. А для внутреннего состояния подобных тебе — нормальное течение жизни. Для тебя жизнь — это поиск самого себя. Ты всю жизнь занимался именно своим делом: менял работу, друзей, места жительства и так далее. И везде ты вносил стабильность, прочный средний уровень, от которого потом отталкивались другие. Они ориентировались на тебя. Смена «декораций» и является для тебя жизнью. Став же писателем, ты словно остановился в пути, что равносильно смерти. Ведь для тебя, как для всех и для всего, стабильность заключается в движении. Стабильность — это не покой, наоборот, стабильное движение. Для тебя оно, прежде всего, заключалось в смене рода деятельности, как, впрочем, и для всех серых. Вот и причина появления Анхры-Манью. Вот что означает его выражение — «Жизнь замерла — ты умер». Именно такие «группы», продолжающие физическую жизнь, и нужны темным. Но ему не удалось добиться своей цели. Предписывающий судьбы сам вмешался.

— У меня была какая-то аудиенция на Трансплутоне. Меня представляли ему?

— Да, это он — Разум Вселенной. Общее движение мира управляется им.

— А другие четверо? Сначала я видел четверых...

— Представители сверхцивилизаций. Видишь ли, во Вселенной существует своя иерархия: на высшей ступени — Разум Вселенной, ниже — сверхцивилизации, затем сверхлюди и им подобные, вернее, равные, и уж на самой нижней ступеньке находимся мы, человечество.

— Ты как-то странно говоришь... Почему ты сказала «мы»? Разве ты не сверхчеловек?!

— А ты до сих пор не понял? Впрочем, ты никогда не интересовался, кто я. Да, я тоже человек с планеты Земля, как и ты. Я — такая же серая, как и ты. Просто со мной начали раньше работать, чем с тобой. Я давно здесь, с ними...

— А Эльза Марковна?

— Она — сверхчеловек, она наш наставник.

Некоторое время они шли молча.

— Что тебя еще интересует? — спросила Светлана.

— Теперь меня интересует одно — будущее. Что будет дальше?

— Будущее зависит только от тебя. В данный момент тебя нет ни в одной из четырех жизней твоей энергоструктуры, ты везде мертв... Я не знаю, как это правильно объяснить... Не мертв и не жив... Как на магнитофоне: ставишь ленту, слушаешь, в любой момент можешь остановить воспроизведение, но на пленке запись существует. Так и с тобой: считай, что темными нажата кнопка «Стоп». Поэтому ты и оказался на Трансплутоне. Мы читали твою мыслезапись, ты, в основном, правильно рассуждал...

— А эти люди, которые там лежат?..

— С ним то же, что и с тобой — они сейчас вне времени. Но не забывай главного: тебе предоставлена возможность вернуться, восстановить узел стабильности, вернуться в жизнь, на Землю.

— В противном же случае?..

— В противном же случае снова Трансплутон... и надолго. Ты можешь хоть сейчас вернуться туда, только пожелай. Ты перед выбором.

— Допустим, я выбираю возвращение в жизнь, что мне необходимо сделать?

— Для начала вернуться на Землю, а там... Сам поймешь по обстоятельствам. Нам, серым, многое разрешено: например, ошибаться... Потому-то мы и серые, а не светлые. Светлые не могут напрямую вступить в борьбу с темными, мы — можем.

— Но я сам видел, как Эльза Марковна стреляла!

— Эльза Марковна — сверхчеловек, а это означает, что она пока еще человек. Ты видел светлых на Трансплутоне — это уже существа другой материальной организации, нежели мы и сверхлюди... Другой уровень материи; они, скорее, энергетические поля, чем органика... Они существа космического пространства, а мы все привязаны к планетам, включая и сверхлюдей. Но знай, есть серые, работающие на темных. На Трансплутоне лежат и те и другие. И те и другие готовятся к сражению.

— Будет война?

— Война и не прекращалась.

— Скажи мне, Светлана, а почему именно меня забрали с Трансплутона?

— Что значит «именно меня»? Не ты первый, не ты последний. Не надо преувеличивать своего значения. Каждый из нас отвечает за себя — за свой узел стабильности всеобщего движения. Эльза Марковна через информационное поле своей цивилизации передала банк данных твоей жизни. Чем мотивировался Разум, принимая свое решение, можно только гадать. Пути господни неисповедимы, знаешь же.

— Все мы ходим под богом, — сказал Равин, усмехаясь. — А я возьму и пожелаю вернуться на Трансплутон? Как, в таком случае, быть с решением Всевышнего?

— Тебя, как можешь убедиться, еще не вернули, а лишь предоставили возможность выбора.

— Да, я глупости говорю... Мне бы подумать...

— Для этого ты здесь и находишься. Я имею в виду не базу конкретно, а то, что ты находишься вне Земли. Надеюсь, не разучился еще перемещаться в пространстве?

— Ты хочешь сказать, я получаю прежнюю свободу?

— Конечно, Владислав! Чтобы сделать выбор, необходима свобода.

Равин остановился и недоверчиво посмотрел на Светлану.

— Существует множество степеней свободы... Попугаю, сидевшему в клетке и выпущенному в комнату, кажется...

— Сняты пространственные ограничения. Сняты информационные ограничения. Неужели ты до сих пор не понял? В таком случае, ответь мне на последний вопрос: почему ты знаешь то, о чем тебе никто никогда не рассказывал?

— Подожди, что ты хочешь этим сказать? — Владислав Львович искоса посмотрел на Светлану, и вдруг в его голове совершенно ясно прозвучало: «Снят информационный барьер, я же тебе говорила. О чем ты только думаешь?»

Светлана улыбнулась и с каким-то особым выражением в голосе сказала:

— Вот ты и мысли стал читать. Наконец-то! А то был, как глухарь во время брачного периода... Теперь думай. До встречи.

Светлана исчезла.

Владислав Львович решил, не откладывая, проверить услышанное.

С расстояния миллиона километров Земля показалась ему чужой и совершенно холодной. Ночная тень на треть съела шар, и создавалось впечатление, будто планета новогодней игрушкой плывет в океане нефти.

От Земли кто-то летел. Похоже, что женщина. Равин не видел ее, но чувствовал неведомым дотоле шестым чувством. И вообще, движение в обоих направлениях оказалось довольно оживленным. Неожиданно откуда-то сбоку надвинулась громадная сигара корабля. Равин ощутил жесткий захват силового трапа, и через секунду его бесцеремонно втащили внутрь.

Корабль принадлежал темным. Это был боевой корабль. Внутри салона в четыре ряда сидели в креслах штурмовики. Штурмовики закатывались в смехе,

указывая на беспомощно болтающегося под потолком Владислава Львовича.

Перед Владиславом Львовичем появилось очень высокое существо с лысой головой, покрытой серыми и зелеными пятнами, с уродливым отталкивающим лицом. Треугольный рот шевельнулся, и Равин услышал:

— А-а, землянин! — Существо обернулось к кому-то из сидящих сзади. — Вась, твой родственник. — Опять повернулся к Равину. — Что скажешь, серенький? Ты еще не определился, с кем быть?

Владислав Львович замотал головой.

— Я ни за кого. Я просто хотел посмотреть, как идут дела на Земле.

— Чего там смотреть — отлично идут дела. Летим с нами. Скоро будет крупная заварушка. Поглядишь, как мы зажарим этих хлюпиков! Братва, берем с собой? Вокруг поднялся разноголосый гвалт.

Равин отчаянно замотал головой:

— Я не могу... Я ни с кем, я ни за кого...

— Ладно, не дергайся. — Существо ощерило треугольный рот, разглядывая Владислава Львовича. — Анхра-Манью велел не трогать тебя. Ты — его собственность... — Существо замахнулось култей с двумя когтями вместо пальцев. — Прочь с глаз, медуза!..

Равина вышвырнуло в космос. Корабль мгновенно растаял среди звезд. Владислав Львович встряхнулся, как побитая собака, выругался вслед черному кораблю. Сделав бросок, завис над Землей, наблюдая за кручающимися в спирали облака снизу. В облаках кто-то был, какая-то большая масса пряталась в вихрях зарождающегося тайфуна. Масса была нейтрально настроена, и Равин успокоился.

«Куда я лезу? — подумал он. — Что я о себе возомнил, серое ничтожество?! Тут такие силы действуют... Любому из них достаточно пальцем шевельнуть, чтобы превратить меня в пыль, в газ, во что угодно! Какого лешего я возвращаюсь на Землю? Уверяют, будто без меня некому справиться! Я буду пахать, а другие чем будут заниматься? Смотреть, как я разгребаю дерьмо, одобрительно кивать головами и тут же гадить? Нашли ассенизатора! Хватит, помылкался.»

...Пусть другие пашут?..

Почему другие не шевелятся?! Я должен шевелиться, а они имеют право смиренхонько лежать? И, как всегда бывает в таких случаях, я же и буду крайний! Нетушки, к чертям собачьим! Я подожду следующего витка эволюции. Пересажу или перележу до лучшей поры.

...В некоторых случаях необходим образец для подражания...

Пример показывать другим — это мы уже проходили; это уже было: примерным трудом, примерным поведением и прочими примерными вещами убеждать окружающих. А людям наплевать. Ты какого-нибудь дядьку убеждаешь, убеждаешь, а ему наплевать — по фиг все... В лучшем случае скажут: «Не надо нас учить жить!» — и пошлют подальше.

...Так есть ли смысл возвращаться?.. Нервы себе жечь лишний раз? Хватит! Полежим на Трансплутоне.

...Полежим на Трансплутоне?..

Благо, от такого лежания пролежней не появится. Вон сколько народа там лежит. И что, все дураки, что ли? Ведь лежат, не возвращаются. А тут умный один нашелся, на подвиг за правое дело поднялся... Вообще-то, что мне другие? Там ведь и от темных лежат. Так мне и за них ответ держать?

...Каждый отвечает за свои поступки сам...

Интересно, что думают они? Вот будь я за темных, как бы я рассуждал?

...Интересно...

Да очень даже просто, я рассуждал бы примерно так. Сейчас вернемся, осмотримся-обживемся и за дело. Перво-наперво я бы всех дядек, всех-всех-всех,

запугал до неприличия. Они боятся, когда до шкуры доходит дело. Запугал бы я их и заставил делать то, что мне необходимо.

...Но для этого надо не просто запугать...

Страх — дело такое: сегодня страшно, а завтра уже привыкли. Сегодня соседа в подъезде зарезали — страшно. А завтра — «Да у нас через полчаса на каждой площадке кого-нибудь режут — обычное дело!» — дядьке уже не страшно. Надо еще унижить. Но не прямо в лицо бросить оскорбление — это потом, не сразу, — а довести до такой степени унижения, чтобы дядька, поедая дерьмо, был доволен и считал, что лучшего дерьма на свете никто не ест. Чтобы он утирался от плевков и думал: «Ты смотри, какие плевки хорошие! Да как часто!»

И непременно запугать всех. Дядьки любят, чтобы «все тоже». Им так спокойнее. А если кто завозникает, так дядьки сами разберутся: «Все дерьмо едят, а ты лучше, что ли, сукин сын!»

А мне говорили, что я за светлых. Вот это да! Из

...Но коли светлые держатся за Землю, за человечество, значит, что-то было? Значит, что-то находили! В противном случае на планете давно бы хозяйничали темные...

Это должна быть штука неисчерпаемая, не зависящая от сиюминутности. Любовь? «Олд юнид из лав!» — как пел гений?

...А что, если действительно любовь, только не на уровне секса и платонического вздыхания по предмету безмерного обожания...

Любовь другого порядка?

...Да, так. Моральный урод не способен на любовь, поскольку любовь не является моральным уродством. Единственная вещь, которая выдерживает всю мерзость и возрождается. За что женщины любят цветы?..

Э-э-э... за то, что цветы есть выражение на практике категории прекрасного. Прекрасное не замажешь никаким дерьмом, в этом плане оно абсолют, оно вечно, в силу своего совершенства.

...То есть, любовь именно нужного нам порядка —

меня отличный темный! Я почему-то прекрасно знаю, как надо рассуждать и что делать с темной стороны, и абсолютно не представляю, как со светлой. Даже не знаю, за что зацепиться.

...Типа такого что-нибудь — отдай свой кусок ближнему?..

Нет, не то. Практика показывает, что когда я отдаю одному, видя это, тут же пристает другой, за ним третий. В результате я остаюсь ни с чем и сам начинаю просить. И не дай бог, кто-то скалится надо мной и подаст — этот человек пропал так же, как и я. Честность? Хорошо быть честным, когда любой старается обмануть и обманывает.

...Доброта?..

Никакой доброты не хватит на тотальное зло. Сам озвереешь, и тогда появится доброта с зубами. А это уже не совсем доброта. Мир давно свихнул мозги на этой почве! Куда уж мне с моим умишком, если человечество на протяжении веков не могло справиться с задачей...

стремление отождествить это прекрасное с собой, слиться с ним...

Это уже другая любовь, не похоть членистоногих и членисторуких.

...Это любовь не «за что-то» (за доброту, ласку, богатство), это любовь «потому что» (потому, что это прекрасно)...

Может, по этому признаку и идет разделение? Здесь проходит терминатор человечества? А я? Я могу так любить?

...Не знаю...

Но я хотел бы!

...Хотеть не вредно, говорят дядьки. Надо стремиться к этому...

Интересно получается: неумение любить — маркер серых!

Наличие стремления — светлая ориентация? Неумение и отсутствие стремления — темная?

А в чем моя задача? Как же я других научу любить, если сам не умею?

...Никого и не надо учить, никому ничего не надо доказывать, убеждать! Каждый созревает сам...

И делает выбор... И сам отвечает за свой выбор?

...Потому-то многие и лежат на Трансплутоне, что надо самому выбирать...

...В мире две силы — созидаящая и разрушающая. Созидаящая — это любовь. Разрушающая — это?..

Это антилюбовь!»

Совсем рядом пролетел мертвый спутник. Равин проводил его глазами и вдруг понял: мысли, несколько мгновений назад прозвучавшие, не совсем его мысли. «Кто со мной разговаривал?» — подумал он и посмотрел вниз, в темный глаз тайфуна. Неизвестное существо все еще находилось там.

— Кто ты? — спросил Равин.

— Я жду, когда ты сделаешь выбор, — пришел ответ.

— Но кто же ты?!

Ответа не последовало, и в облаках уже никого не было. Зато Владислав Львович увидел знакомую с детства белую бабочку земной космической станции. Сердце радостно забилось. Владислав Львович, стараясь не попасть в поле зрения иллюминаторов, подлетел к станции, со стороны стыковочного узла, и то, что открылось глазам, заставило его вцепиться в поисковый шуп.

Люк станции был открыт, в нем возился, выбираясь наружу, космонавт, а метрах в двух в стороне пульсировало серебристое облачко, подобно амебе выпростывающее многочисленные ложноножки, постоянно изменяющее внешние очертания. Космонавт не видел облачка, да и не мог увидеть — слишком узка у человека воспринимаемая полоса спектра излучения.

Равин понял, что наблюдает развитие той самой трагедии: космонавты выйдут в космос, закроют люк а эта гадина не даст его открыть. Мужики погибнут? Ну уж дудки! «Сейчас, ребята, помогу, сейчас я орлом дело, как надо», — сказал мысленно Равин, сконцентрировав всю, на какую был способен, энергию перемещения и направил дикую силу броска на серебристое облачко. От удара о внешнее поле энергокапсулы у Владислава Львовича потемнело в глазах, но он напал неожиданно, и существо не успело создать мощную защиту, поэтому поле удалось пробить, и Равин, вцепившись в вязкую массу облака, увлек его за собой как можно дальше от станции, от Земли.

Существо опомнилось и попыталось охватить Равина выростами, стечь по рукам к голове. Равин вывернулся и несколько раз ударил облако коленом. Но существо было сильнее, Равин это понял по замедлившемуся, а потом совсем прекратившемуся полету. Облако рванулось в руках, и Равин увидел, что держит за горло Максвелла. Равин, скорее от страха, ударил, целя в ржавое кольцо, но кулак столкнулся непонятно с чем, и встречный страшный удар отшвырнул Владислава Львовича. Он закувыркался в пространстве, однако сумел быстро оправиться от удара и остановил вращение.

«Чем этот гад меня?..» — подумал Равин, обернулся к карлику и все понял. Максвел из лилипута превратился в пятиметрового, он просто резко увеличился в размерах, словно взорвавшись.

Максвел бросился в атаку. Владислав Львович ушел на сотню километров вниз, оглянулся, но Максвел оказался рядом. Равин метнулся по дуге, сделал бросок в новую точку пространства. Максвел возник в двух шагах. Владислав Львович понял, что в открытом космосе ему не уйти. Оставалось одно — спрятаться на какой-нибудь планете. Внизу проплывали венерианские облака. Равин, не раздумывая, нырнул к поверхности. Покружив над вершинами исполинского горного хребта, заметил глубокую расщелину и скользнул в нее.

Максвел появился в облаках и повис в нерешительности.

Равин, наблюдая из-за каменного уступа, понял, что тот его не видит.

И вдруг Максвел начал быстро раздвигаться. Он закрыл собою половину неба, сквозь него проступили очертания облаков, а он продолжал и продолжал расти в размерах, становясь прозрачнее, разряженнее.

Равин похолодел: плохо дело. Если Максвел хотя бы одной частицей своего тела коснется его, то тотчас же сконцентрируется в этой точке, и спасения уже не будет.

Максвел разрастался на глазах, обтекая вершины горного хребта, заполняя каждую расщелину.

Владислав Львович, собираясь бежать, вскопился. Тело Максвела дрогнуло, он увидел свою жертву. Но тут что-то произошло. Словно прокололи баллон аэростата — Максвела перекосило, начало скручивать, рвать лоскутьями. Поднялся чудовищной силы вой. Пытаясь спасти оставшееся, Максвел дернулся в сторону, но его продолжало стягивать к какому-то одному центру. Уже скомкались, как мокрая простыня, правая нога, бок, всасываемые мощным «пылесосом».

Равин вылетел из расщелины, посмотрел вверх. На вершине скалы раскачивался под ураганным ветром венерианец. Владислав Львович опешил. Жора-венерианец пожирал Максвела, от которого уже осталась одна голова — гигантская, с выпученными глазами. Голова сморщилась, но еще держала форму.

Венерианец раскалился до вишневого цвета, затем стал ярко-красным. Остатки головы съезжились с протяжным воем закружились вокруг него.

Равин догадался, что сейчас произойдет, и закричал:

— Не надо, Жорка! Остановись!

Жора раскалился до ярко-лимонного цвета, по его телу пробежала белая трещина-молния, и ударила ослепительная вспышка взрыва.

Сердце у Владислава Львовича остановилось.

— Жорка!!! — закричал он. — Жорка! — Равин мгновенно оказался на вершине скалы. — Жорка, что ты наделал? Зачем, Жора? — Равин, размазывая слезы, завис над оплавленной площадкой. Мелкие остывающие капли покрывали все вокруг. — Друг Жорка, значит, ты все понимал, умница... Значит, ты... Ты просто не умел разговаривать. Но я бы тебя научил!.. Жора-Жорка...

Равин замолчал, заметив в углу площадки под нависшими обломками какое-то движение. Два маленьких смоляных листочка, прижавшись друг к другу, прятались между камней.

«Дети», — понял Равин. Он подлетел к ним.

— Ох вы, мои маленькие ребятишки, что же нам теперь делать? Нет папки больше.

Два листочка доверчиво развернулись.

У Владислава Львовича защемило сердце.

— Да я и играть-то с вами не умею. — Равин вздохнул. — Теперь я буду вам папкой.

Мчащиеся низкие тучи озарились прерывистым светом, в них возникла воронка, и в самом ее центре повисла сигара штурмового корабля темных.

Равин поднялся на метр над площадкой, оглянулся на маленьких венерианцев.

— Подождите-ка меня, мальчики-девочки. Я сейчас с гостями разберусь.

Он взмыл над пиком и остановился так, чтобы его увидели с корабля. Надо было увести штурмовиков, отвлечь на себя. Иначе темные выжгут на Венере то единственное, что имеется — первые комочки жизни, пусть и не гуманоидной, пусть чужой, но жизни, и, к тому же, разумной.

На корабле его увидели. Засветилась, разворачиваясь, груша силового трала-ловушки.

Равин холодно усмехнулся.

— Давай-давай, пошевеливайтесь, нелюди.

Уловив момент, когда трал развернется для захвата, Владислав Львович вылетел за пределы атмо-

сферы. Он знал, теперь темные не выпустят его из своих прицелов и будут преследовать. Ну что ж, поиграем в догоняшки.

Корабль выпрыгнул из облаков, как касатка из воды.

«Марс», — послал Равин свой энергетический импульс в точку переноса. Под ногами помчались барханы холодной марсианской пустыни. Однако впереди над горизонтом обозначился черный корпус корабля. Равин развернулся на месте. Сзади тоже летел корабль.

«Куда теперь?» — подумал Равин.

С обоих кораблей выбросили тралы, светящиеся щупальца стремительно приближались.

— Равин!

Владислав Львович вздрогнул, не понимая, кто его окликнул.

— Равин; ты меня слышишь?

Владислав Львович понял, что голос звучит у него в голове.

«Слышу, — мысленно ответил он. — Что надо?»

— Равин, подпусти тралы к себе поближе и прыгй вверх. Я тебя жду.

— Кто ты?

В ответ в голове раздалось:

— Пам-пам-пам-бум-пам-бум-паф..

— Понял, — ответил Равин. На душе у него отлегло.

Корабли с развернутыми ловушками приближались. Равин прикинул скорость, время касания и в последний момент, когда тралы готовы были захлестнуть его, рванулсЯ вверх. Под ногами полыхнула вспышка.

Равин оказался внутри непонятного сооружения, почти без стен. Несколько плоскостей удерживались тонкими нитями. Он сидел на скамье, рядом сидел трехметровый робот-медвежонок.

— Меня зовут Тяг. Смотри!

Два черных корабля кружились над пустыней, не в силах расцепить тралы.

— Устроили мы им карусель, — сказал Тяг. — Ну да хватит, пора кончать.

Он что-то сделал своей руко-клешне-лапой под решетчатой фермой, и черные сигары на экране превратились в два огненных шара. Шары по инерции сделали оборот и погасли.

— Вот так-то. — Тяг повернулся к Равину. — Ты у нас молодец. — Он коснулся руко-клешне-лапой плеча Владислава Львовича. — Когда все кончится, прощу в гости. Я живу на Уране. До встречи. Передаю тебя с рук на руки.

На секунду в глазах встала бесцветная вспышка переноса, и Равин оказался сидящим в кресле, в знакомой комнате с зелеными стенами, скругляющимися к полу. В кресле напротив сидела Эльза Марковна. Тут же были Светлана, Януш и еще трое незнакомых сверхлюдей, рассматривающих Владислава Львовича с неподдельным интересом.

— Значит, вы полагаете, что жизнь на Венере разумна? — спросил один из сверхлюдей, опуская всякие приветствия.

Равин секунду смотрел на него, приходя в себя.

— Да. Жизнь на Венере разумна. Там осталось двое маленьких. Их родители погибли...

— Дети уже под нашим контролем. Вам удалось установить контакт с существом, жившим в пяти измерениях. Поздравляю.

— Похвально, Владислав Львович, — сказала Эльза Марковна. — Судя по вашим поступкам, вы сделали выбор.

Светлана вскочила, подбежала и чмокнула Равина в щеку.

— Ну, Владислав, я в восторге от тебя. Сегодня вечером, как и договаривались, жди меня ужинать. Только купи чего-нибудь вкусненького — у тебя холодильник совершенно пустой.

Равин затряс головой.

— Постой же, Светлана! Да погоди ты, Свет! — уклонился он от ее поцелуя. — Эльза Марковна, что говорит эта барышня? О каком вечере?

— О сегодняшнем, Владислав Львович. Вы возвращаетесь по петле времени к моменту потери узла стабильности. Или вы не желаете возвращаться?

— Еще чего!

— Тогда несколько слов перед отправлением. Теперь, когда вы вернетесь в исходную точку своего конфликта и вновь станете землянином, все, чему вы здесь научились и чем стали обладать, сохраняется. Учтите это и не совершите непоправимого поступка, когда придется решать человеческие проблемы. Помните, мы всегда с вами.

— Так все-таки я человек или нечеловек?

— Вы — серый. А теперь... — Она встала. — Время подходит, давайте прощаться.

Равин встал. Светлана положила ему руки на плечи:

— До встречи на Земле, Владик. Будь умницей. — Она быстро поцеловала его и отошла.

Подошел Януш, пожал руку.

— До встречи. Я приеду в ваш город.

Подшли трое: сверхлюдей и тоже пожали руки. Равин стоял и не знал, что делать.

— Ну и куда мне? — спросил он.

— Как обычно — сквозь любую стену, Владислав, — ответила Светлана и помахала ладошкой.

Равин нерешительно направился к левой стене.

— Успех! — сказали все, словно сговорившись.

— К черту! — Равин шагнул в стену.

Финал. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Червякин, не обращая внимания на появившегося Равина, разговаривал по телефону. За окном, стущая вечерние сумерки, моросил дождь. Где-то глубоко в душе Владислава Львовича неприятным холодком шевельнулся страх, но он подавил его, шагнул к заваленному рукописями столу и сел в кресло. За окном ослепительно полыхнула молния, прокатился оглушительный раскат грома.

— Вы меня извините, — Червякин бросил на аппарат телефонную трубку, — разговор важный был. А вы, простите!..

Владислав Львович молча смотрел на Червякина.

— Ах да, да. Ну конечно! — Червякин всплеснул руками. — Равин Владислав Львович! Я не ошибаюсь?

— Да нет, не ошибаетесь.

— Сейчас, сейчас... — Червякин начал переключать с места на место папки, бумаги. — Где же она?.. Вот, нашлась!.. — Он положил перед собой папку с рукописью, развязал тесемки.

Договор на месте, сверху лежит, отметил Равин.

— Вы уж нас извините, Владислав Львович, за задержку с отзывом. Фонды, лимиты, семинары — текучка, понимаете, заела, а вот действительно стоящими делами заняться некогда...

«Болтай, болтай, тварь копытная», — подумал про себя Равин.

— Что же касается вашего рассказа, то мы будем его издавать. Завтра редсовет, а через недельку сможете получить гонорар. — Червякин ехидно улыбнулся. — Отличный получился рассказ, у меня до сих пор мурашки по спине бегают. Кое-какие шероховатости есть, но мы их вместе исправим, подкорректируем — не это главное. Главное, что вы уже через недельку получите свой гонорар согласно договору...

— Я не подписывал никакого договора, — с неожиданным для себя мастерством изображая искреннее удивление, произнес Равин. — Я сдавал рукопись для ознакомления, в плане, так сказать, определения перспективности темы...

— Очень, очень перспективная тема, — Червякин,

зажмурившись, помотал головой,— и сразу же удачное воплощение. Ну, а договор... Как же, Владислав Львович! Вот же он! И сумма гонорара оговорена!

— Какая сумма! — Равин слегка подался вперед.

— Да вот,— Червякин перевернул лист договора и поднял его, держа двумя пальцами,— тысяча за лист, стан...

Равин вырвал договор и начал рвать его на мелкие клочки.

— Я не буду издавать эту бредятину.

— Вас не устраивает размер гонорара?! — Теперь уже Червякин попытался изобразить искреннее удивление, но оно смазалось проскользнувшим в голосе металлом.— Вам где-то предложили больше? Так давайте поговорим, эта вещь действительно стоит большего...

— Хватит! — Равин встал, подбросил клочки договора вверх.— С рукописью можете делать что угодно, она меня больше не интересует. Ни она, ни ваша редакция, ни вообще литература.

Равин поспешно выставил локоть, но все же Червякин его опрокинул и, навалившись сверху, вцепился ногтями в шею.

— Не пуцуй! — завизжал он, брызгая слюной.— Не уйдешь!

Равин схватил Червякина за руки, ударил коленом, подмял под себя, поднял на ноги и попытался отнять железные пальцы от горла. Червякин, продолжая визжать, тянул к полу. Тогда Равин откинул голову назад и что было силы ударил лбом Червякину в переносицу и тут же, насколько было возможно, резко «кряком» справа в челюсть.

Червякин, схватившись за лицо руками, закружился по полу.

Тотчас же с грохотом разлетелся в шелки стол, и на его месте возник из воздуха еще один Червякин. Владислав Львович распрямылся.

Второй Червякин превратился в Мефистофеля, а затем...

Пришедший в себя Червякин, всхлипывая, подполз

— Что же вы будете делать? — Червякин поднялся, отодвинув ногой кресло, в его глазах затаилась готовая вырваться в любой момент наружу, злость.

— Это не ваше дело,— уверенно ответил Равин.— Я попрошу не волноваться за мою судьбу!

— Как же мне не волноваться? Как же мне не беспокоиться за вашу судьбу, дорогой мой Владислав Львович,— заговорил торопливо Червякин, уставившись остекленевшим взглядом на Равина. Руки его лихорадочно зашарили по столу, ища что-то.

В этот момент воздух наполнился вибрирующим гулом, и в метре от пола, у окна возник хрустальный шар.

— Не смей подходить! — взвизгнул Червякин и, схватив со стола чернильный прибор, запустил им в голову Владислава Львовича.

Равин инстинктивно пригнулся, не удержав равновесия, покачнулся.

Червякин, жутко воя, вскочил на стол и прыгнул,

и, ухватившись за полу черного с алым подбоем плаща, запричитал, хлопая разбитым носом:

— Он сильнее меня, Великий! Он сильнее! Ты слышишь? Я не справлюсь... Убей его! Убей его, Великий!

Но фиолетовое, лишенное какого-либо выражения лицо даже не повернулось в его сторону. По взгляду выкаченных глаз, смотрящих мимо, Равин понял, что за его спиной кто-то стоит. Краем глаза он уловил серебристое свечение и вдруг ясно осознал, что оглядываться не стоит — сзади стоит тот, кому надлежит там стоять.

Равин глубоко вздохнул и потрогал оцарапанную шею. Хрустальный шар пульсировал, издавая глухое гудение. Червякин, всхлипывая, говорил что-то невнятное.

Щелевидный рот дрогнул, и тяжелый голос заполнил комнату:

— Отдай его мне — Равин мой. Он же...

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

— Прочь...— Это слово не прозвучало, оно словно выпало из пространства.

— Хорошо, я ухожу. Но он же...

Равин порами кожи ощутил чудовищное напряжение, вдруг возникшее вокруг, сконцентрировавшееся в миллиардной доле секунды, отданной ему на раздумье... Решать ему!.. Последнюю точку ставит он!.. Но где и как?! Червякин не пускал...

Равин шагнул к шару и взял его снизу в руки. Шар был теплый, он медленно таял... Что-то сказал Князь тьмы, но Равин его не услышал.

Будто взорвалось мироздание — огненный вихрь на том месте, где стоял Анхра-Манью, снизу вверх ударил в потолок. Вспыхнули пол и мебель, задымилась стена. Гигантская молния ударила еще раз, оставив два раскаленных пятна внизу и сверху.

Шар растаял. Равин посмотрел на свои руки, опустил их, и до него только сейчас дошли слова, которые были сказаны Повелителем тьмы за секунду до взрыва: «На этот раз я ухожу, на этот раз...»

Владислав Львович оглянулся — сзади никого, один он в пылающей комнате. Он бросился вон из горящего кабинета, пробежал по пустому, заполняющемуся дымом коридору, выскочил на улицу. Глядя, как бушует пламя, охватившее весь второй, занимаемый редакцией этаж, Равин попятился. Он пятился, не отрывая взгляда от лопающихся окон, не замечая ливня, пятился, пока кто-то не взял его за локоть.

Равин оглянулся. Он стоял возле будки автобусной остановки. Незнакомая женщина держала его за локоть и показывала рукой на здание редакции, возбужденно крича:

— Вы видели?! Вы тоже видели?! Молния попала прямо в здание! Вы видели?! И сразу такой пожар! Там же, наверное, люди!

— Угу, видел, — промычал Равин. — Там нет людей. Где-то вдалеке взвыли сирены пожарных машин...

Воскресенье. С моего чердака было видно и слышно, как Федор Иванович отложил газету и заскрежетал зубами:

— Ну, гады. Ну всё. Ну, мочи больше нет!

Он приставил лестницу, из-под застрехи вытащил сверток, постелил на стол тряпицу, вынул из свертка наган и ловко раскидал его на детали. Потом вынул стакан самогона под сало, пригорюнился и задремал.

Кто б на моем месте упустил такой случай! Я давно думал: мне б только наган достать, я бы им, гадам...

У меня хаза на чердаке, раскладушка, стол, стул, Хорошо, и мамка не бубнит, высоко, не залезть ей.

Разложил я тряпицу, стал наган собирать. Не стыкуется, много лишних деталей. Но тут соседский Васятка, откуда ни возьмись.

— Это вот сюда, — шелк-пошелк, наган собрался. Васятка вздохнул: — Мне бы такой, я бы им, гадам...

И снова шелк-пошелк, и уже не наган, а кучка запчастей.

— Ты что, поросенок, делаешь?

— А, сам собирай. Тоже мне... звонарь.

И посыпался с чердака: талантливый пацан, что с деревней будет, когда он второй класс кончит. Я за ним, а на дворе Федор Иванович магом всех кроет, заслушаешься, мастер. Мамка моя Пегашку доит, кричит ему через дырку в заборе:

— Уймись, сосед! Сроду у тебя нагана не было. Спатьку это тебе помстилось.

Загнала меня мамка поесть, а потом я снова на чердак. Только там от нагана один скелет остался. Ну, там, где рукоятка и дуло. Гляжу, на тополе ворон последнюю деталь в гнездо тащит, поблескивает. Васятка, он всегда вовремя, снова на чердаке возник. Долго торговались — пришлось обещать, что дам пострелять, — но Васятка идею выдал:

— Мы на него кота напустим!

Кота напускать — много трудов положить надо. Однако, слово по слову, мордой по столу, уговорили, полез. До второй развилки добрался. Но тут ворон, птица грубая и недonoшенная, закричал:

— Хр-р-ен вам! — и спикировал на кота.

Потом мы отнесли мурластого в тенечек, побырзгали водой. Оклемался. Васятка, пацан дико целеустремленный, говорит:

— Теперь я полезу. Я его, гада, достану. Я ему не кот!

Я подсадил Васятку, он долез аж до второй развилки. Подал ему палку. Не дотянулся. Где там. Гнездо чуть не на самой макушке. Слез Васятка.

— Ладно, — говорит. — Завтра я у соседа когти достану. Я в них уже на столб лазил.

Назавтра мы увидели, как ворон тащит с ближайшего выгона кусок колючей проволоки. Такая колючка уже была уложена на второй и третьей развилках. Ворон прилаживал ее на ветках вокруг гнезда...

...Костер у Сайки не разгорался. А дрова были сухие, суше некуда, и хворост под ними лежал первоклассный, к тому же сам Санька целую неделю тренировался во дворе, мужественно снося нападки со стороны взрослых, начиная от дворника и кончая участковым. Уж он-то был уверен, что к телепередаче подготовлен лучше всех, и вот... Дрова не горели, спички ломались, вся уверенность в победе шла-катилась кувырком. Даже болельщики соперников начали поддерживать его, народ родимой школы безмолствовал, а я, как автор этой самой телепередачи, внутри тайно ликовав: если оператор хорошо работает, на экране будет и Сашкина физиономия с богатейшей гаммой чувств, и его дрожащие от волнения руки, и все остальное, что необходимо для телевидения...

вало числу участников экспедиции. Ежедневно готовился на кухне и подавался к столу традиционный пудинг. Я уж не знаю, брились ли по утрам английские джентльмены или нет, но факт, что экспедиция закончилась печально: на обратном пути все ее участники погибли. Попытка создания в Антарктиде «островка» доброй старой Англии успехом не увенчалась.

Скандинав Рояльд Амундсен не стал обременять свою

ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА?

Подросли участники той передачи, стал немного другим автор, да и жизнь сама тоже изменилась. Какие свердловские школы тогда, в 86-м, состязались, и кто победил — все это, за давностью лет, надежно позатерлось по закоулкам памяти. А вот один человек, приглашенный на передачу в качестве члена жюри, запомнился надолго. Это был веселого нрава бородач в теплых унтах, возле которого все время крутилась огромная мохнатая собака.

Геннадий Чеурин, участник полярной экспедиции 82—83-го годов, экспедиции нашумевшей — тогда уральцы отмахали десять тысяч километров по побережью Северного Ледовитого океана на собачьих упряжках — конечно же, не был случайным участником той телепередачи. Он не только грамотно и быстро оценивал действия ребят, но, главным образом, являлся «живым» героем Заполярья, которого можно было потрогать руками или попросить рассказать что-нибудь интересненькое.

Передача вроде бы получилась. И все-таки... Это была, пусть даже красивая, но игра. А она, в отличие от жизни, которая может себе позволить быть игрой, жизнью никогда не станет.

Сегодня Геннадий Семенович без бороды. И перемены в нем — не только внешние. За прошедшие годы свою железную закалку и богатый опыт «полярного волка» он безуспешно попытался втиснуть в новые для себя рамки — педагогические. Свидетельство тому — опытный экзепляр его брошюры «Школа экологического выживания», выпущенной как пособие по курсу «Основы безопасной жизнедеятельности» екатеринбургской «Семейной школой». Впрочем, подобных школ, коренное отличие которых от обычных общеобразовательных в том, что здесь в работу максимально включены родители: они сами составляют программу, подбирают педагогов, решают вопросы с оплатой их труда, — немало и в других городах, так что новшеством их не назовешь, а вот что касается программ и методов обучения... У Г. Чеурина, например, метод свой.

— Геннадий Семенович, мне и, думаю, многим читателям не терпится узнать, каким образом можно нынче выжить? Учат ли этому ваша школа?

— Существует два способа преодоления экстремальных ситуаций. Первый, получивший у исследователей в этой области название «капсулированный», — когда мы просто пытаемся себя от таких ситуаций отгородить. И второй — максимальное включение в ситуацию, поиски выхода в самой природе и в себе.

В качестве примера: во время штурма Южного полюса в 1912 году экспедициями Скотта и Амундсена в команде англичанина Роберта Скотта активно использовался первый способ. Огромная палатка была разделена на отсеки — своеобразные комнаты; их количество соответство-

вало числу участников экспедиции. Ежедневно готовился на кухне и подавался к столу традиционный пудинг. Я уж не знаю, брились ли по утрам английские джентльмены или нет, но факт, что экспедиция закончилась печально: на обратном пути все ее участники погибли. Попытка создания в Антарктиде «островка» доброй старой Англии успехом не увенчалась.

Моя система полностью обращена лицом ко второму варианту. Для того, чтобы выжить в экстремальной среде, нужно иметь при себе не максимум различных вещей, орудий и приспособлений, а минимум.

— Это что, получается — лезем, ребята, обратно на деревья, да?

— Нет, не совсем так. Да и насчет деревьев очень спорный вопрос. Бытует такое мнение, что северные народы, ненцы, ханты, якуты, отстают от нас в своем развитии. Одних анекдотов про чукчей сколько напридумывали... Чуть все это полная! Они просто другая ветвь нашего человеческого древа, живут и развиваются по своим законам и, сдастся мне, их ветвь гораздо длиннее и толще, нежели наша.

Исследования зарубежных ученых в шестидесятых годах показали: большинство людей имеют так называемые внутренние приборы. Допустим, внутренний компас: до восьмидесяти процентов исследуемых при потере ориентировки смогли достаточно точно указать стороны горизонта. Примерно такая же история наблюдалась с внутренними часами. Мне самому, бывая на севере, доводилось наблюдать подобное. Компас поврежден, вездеход сбивается с курса. Что делать? Чукча, сопровождающий нас, вылезает из машины, просит пригудить двигатель, отходит метров на пятьдесят, а потом, немного постояв, говорит: «Туда!» — и простирает руку в снежную полярную мглу.

И это, поверьте мне, еще не самое удивительное! Чукотский или якутский охотник выезжает осматривать поставленные им капканы. За несколько суток на собаках или оленях он проезжает круг километров в пятьсот. Так вот его родичи в любое время этого круиза по тундре могут довольно точно указать место, где он в данный момент находится, если даже он свернет в сторону или возвратится назад. Телепатическая связь для них норма. Так стоит ли упрекать северянина за отсутствие в его чуме цветного телевизора?

История японского этноса насчитывает свыше пяти тысяч лет. Можно считать, что с чукчами они «одногодки». Будем ли мы правы, давая оценку уровню развития нации, страны, опираясь на впечатление от интерьера японского дома, где кроме циновки и самых необходимых вещей больше ничего нет?

Мое глубочайшее убеждение, что наиболее древние народы уже давно перешли рубеж, к которому мы стремимся — рубеж «удовлетворения наших разумных потребностей». Их путь — прямой путь к истинно экологическому мышлению, когда человек сознательно расстается с само-

лично присвоенным титулом «хозяйин природы» и начинает ощущать и осознавать себя как ее часть.

— Думаю, что угнаться за японцами или за чукчами нам будет сложно. Что поделаешь, уж отстали, так отстали. Или ваша школа способна поправить положение?

— В тундре или тайге прямой путь не всегда получается самый быстрый. И догонять кого-нибудь, ступая след в след, значит проиграть. Давайте посмотрим, может, в нашем случае окольный путь выведет к цели?

Второй «кит», на котором базируется моя школа экологического выживания — самостоятельное мышление. Он очень тесно сопряжен с первым: действительно, при наличии минимума вещей в экстремальной ситуации у любого волей-неволей начинается «варить котелок» — как же выжить? И вот тут-то наше главное отличие от тури-тура-туристов. Для нас поход не самоцель, не преодоление расстояния от пункта А до пункта В за время Т, не покорение вершины С или пещеры Д, а поход как средство включения генерации мышления.

— То есть чем хуже, тем лучше?

— Да, пожалуй, что так. Забыли дома топор? Замечательно. Спички?! Еще лучше! Заблудились? Просто здорово!

Когда велась работа над этим курсом, мною были выяснены сотни, даже тысячи непредвиденных ситуаций, в которые может попасть человек. Это и примеры из опыта других экспедиций, и свои личные наблюдения, испытанные, что называется, на собственной шкуре. Чтобы усвоить такое огромное количество информации, нужно время. Где его взять? Да и память человеческая имеет свои пределы. Выход из положения прост: информация должна поступать, когда возникают прямые вопросы, то есть на практике. В походе. На этой самой практике выявилась и еще одна закономерность. Допустим, существуют одиннадцать различных сред, начиная с полярной тундры и кончая знойной пустыней, где человек может оказаться в затруднительном положении. При определенных навыках и знаниях вы имеете шанс выйти победителем. Но если, оказавшись один на один с природой, вы не будете ощущать себя в ней чуждым элементом, сможете переключить свое сознание из положения «стресс» в положение «режим нормальной работы», то привычка трезво и быстро соображать, полученная вами в нашей группе, ну скажем, в горных условиях, не подведет вас на болоте, в степи, в пещере и так далее. Школа экологического выживания не содержит в себе инструкций, каким образом выкарабкиваться из экстремальных ситуаций, она учит тому, чтобы таких ситуаций не возникало вообще.

— Как так? А куда же они денутся?

— Да, да! Я сам стараюсь избегать этого термина и призываю курсантов. Экстремальных ситуаций нет. Чукча, выезжающий в полярную ночь на собачьей упряжке, допустим, к брату километров за триста и не имеющий при себе ничего, кроме корма для собак да ножа на поясе, не считает себя героем. Не видит ничего страшного в предстоящей пресс-конференции, скажем, Анатолий Собчак. Поменяем их местами, и вот — две экстремальных ситуации налицо! «Экстремальность» — это наше отношение к ситуации. И школа экологического выживания учит его регулировать.

К вечеру ветер усилился, но решение группы крепло вместе с порывами ветра: Конжак должен быть покорен сегодня, в новогоднюю ночь! Сама эта идея — встретить Новый год на одной из самых коварных и высоких вершин Урала — Конжаковском Камне, пусть несколько сумасбродная, имела под собой почву. Осенью шторм сорвался — были причины, и вот, как бы в отместку, — именно зимой и именно ночью.

Геннадий тайком поглядывал на ребят; честное слово, он вздохнул бы с облегчением, перенеси они шторм на дневное время. Не всякий опытный «волк» сумел бы на Камне ночью, а тут... восьмиклассники, и среди них две девочки.

Порядок в связке определял Игорь Анисимов. Геннадия несколько задело то, что Игорь расставил шестерку смельчиков не так, как это бы сделал он — инструктор. Но закон есть закон — инструктор пребывает в группе на общих основаниях, вплоть до того момента, когда... И Геннадий почувствовал, что момент этот наступил. Он прекрасно понимал: вмешаться в ситуацию на полпути к вершине, ночью, при минус 35° да при таком ветре он не сможет. Потому что-нибудь изменить будет поздно. Лучше сейчас! Но какая-то сила сдерживала его.

Ох, какими последними словами он проклянет себя за это глупое дурацкое молчание! Но — потом, некоторое время спустя, уже возвращаясь, когда они собьются с маршрута, ветер «свалит» связку на северо-западный склон, когда они с утра около шести часов подряд будут «зарубаться» против ветра, хорошо, даже слишком хорошо осознавая, что движение — это жизнь и любая пятиминутная остановка гораздо страшнее, нежели просто срыв шторма. Это будет потом, когда кругом зависнет колочая снежная пелена, и лишь ветер — прямо в лицо и обходных путей не останется...

А пока Геннадия удерживала от отмены восхождения надежда на то, что ребята в конце концов одумаются сами; его бы устроила любая формулировка «отбоя». Рисковал ли он сейчас? Пожалуй. Имел ли он право на этот риск?

— Да, мы тогда здорово «влипли». Будь в нашей группе хоть один новичок — восхождение бы просто не состоялось, я бы воспользовался своим «экстремным единоначалием». Но курсанты были проверенные ребята. Я и сейчас прекрасно помню ту группу: Игорь Анисимов, Дима Афанасьев, Алена Точинская, Максим Рахлин и Настя Самойлина. Они уже закончили нашу школу, давно учатся в институтах и, что приятно, занятия спортом не бросили: кто туризмом увлекается, кто скалолазаньем.

Имел ли я право тогда рисковать? Минимальная доля риска присутствует даже в легкой воскресной вылазке на природу. Хочу быть правильно понятым: речь идет не о том риске, когда «или грудь в крестах, или голова в кустах», а о вполне приемлемой дозе, ради которой люди идут в горы, сплаваются на плотах, да просто хотя бы съезжают на лыжах с крутой горки. В нашей школе вланка этого разумного риска приподнята выше обычного уровня. Нет, я бы даже сказал, что само понятие риска у нас просто опущено ниже. Попадая в какую-нибудь переделку, человек, как правило, начинает волноваться и этим еще больше усугубляет свое положение. Вот пример, правда, несколько иного характера, но он, думаю, будет хорошо понятен мальчишкам. Вечерком в безлюдном месте тебя останавливают трое... Если ты, опустив глаза, начнешь что-то мямлить, то так и знай — ходит тебе с подбитым глазом. Ты просто испугался, и они это быстро почувствовали. А ты попробуй повести себя так, будто бы рядом, за углом стоит десяток твоих друзей-товарищей или будто бы ты чемпион мира по каратэ или боксу. Тоже, конечно, можешь схлопотать, но уверяю — вероятность уменьшится вдвое, а то и втрое. Кстати, хорошая осанка и олимпийское спокойствие довольно часто выручают спортсменов в подобных ситуациях...

— Раз уж разговор зашел на эту тему, то хочу спросить: ваша школа уделяет внимание сложным ситуациям, возникающим в социальной среде?

— Конечно, но переделки, подобные той, о которой я сейчас говорил, мы стараемся проигрывать в основном теоретически. Кроме этого, курсанты обучаются ориентации в незнакомом городе, общению с людьми. Но здесь уже начинается «архия» Дейла Карнеги, а путешествие в нее уводит нас все дальше от природы и экологического мышления в мир социологии и психологии. Так что давайте не будем в него углубляться, а вернемся обратно. Так вот, человек, уверенный в себе, попав в сложную ситуацию, не будет паниковать, а значит, уменьшит вероятность своих неверных действий. Все в нашей школе направлено

на то, чтобы курсанты сами генерировали идеи выхода из создавшегося положения. Поэтому, как вы поняли, инструктор-педагог в действия ребят почти не вмешивается. Даже при грубых ошибках, которые грозят крупными неприятностями. Он подключается лишь тогда, когда ситуация начинает угрожать жизни участников группы. В остальных случаях он на общих правах и так же, как и все, подчиняется командиру, который выбирается на общем собрании. Мы стараемся набирать одновозрастные коллективы, чтобы формальный и неформальный лидер, говоря языком психологов, был в едином лице. В разновозрастных отрядах место командира занимает, как правило, старший по возрасту, но потом, когда в группе выявляется неформальный лидер младше его, пользующийся всеобщим авторитетом и уважением, может возникнуть не очень-то приятная ситуация. Так же, как и у взрослых, во время похода неофициально определяются «генератор», «тормоз», «мотор» и так далее. Каждый осознает свою функцию и пытается ее выполнять на «все сто» до самого конца похода. Потом разборка. Достаточно деловая и конструктивная, но куда денешься от эмоций! Тут инструктор как раз имеет возможность дать оценку всем, указать на ошибки, но, как правило, его опережают другие. Высказываются откровенно, горячо, вплоть до самых нелицеприятных вещей.

— Например?

— Конкретный пример я привести не могу, потому что у нас существует такое понятие: «тайна группы». Это закон, и его не принято нарушать. Распространяется он на всех и на меня тоже. Так вот, как раз на таких разборках инструктор и наполняет информацией курсантов, обстоятельно и постепенно разбирая их промахи.

— И все-таки сам метод мне очень напоминает ситуацию, когда не умеющего плавать человека бросают в воду. Выплывет — молодец! Нет — как говорится, такова селяви.

— Когда человека бросают в воду, у него, конечно, есть претензии к тому, кто его толкнул. Так? А когда он сам, сознательно идет на это — кто виноват? Еще ни разу за всю историю существования «Семейной школы» никто мне не заявлял: «Ты нас в это дело втянул, вот теперь сам и выкручивайся!» Ребята выбирают маршрут, решают, какое снаряжение брать, а при необходимости сами ищут выход из сложного положения. Лично я с облегчением вздыхаю, когда выясняется, что кто-то чего-то забыл дома или что-то вдруг сломалось. Значит, начинается то, ради чего мы и пустились в путь.

— Только для этого?

— Нет, для группы-то, конечно, цель существует, и вполне определенная — покорение вершины или пещеры. Очень хорошо, когда поход приносит какую-то практическую пользу. Так, недавно одной группой выполнялась задача, пожалуй, даже научного характера. Экспедиция отыскивала, описывала и заносила на карту родники нашей области. Когда есть цель, смысл — это прекрасно. Я за это двумя руками! Но для меня-то, поймите, она, конкретная цель, не главное. Может показаться странным, однако «провальный» поход я считаю более продуктивным. Когда успех, то все открылось удачей, к тому же победителя, как говорится, не судят. Но вот срыв, цель не достигнута — и тут начинаются вещи куда интереснее и сложнее, нежели всеобщее ликование.

На «разборке» Мишка сначала хотел забиться в дальний угол, но вспомнил по фильмам, что, когда слушается дело в суде, обвиняемый сидит на самом видном месте — на скамье подсудимых, и сел на стул, стоящий в центре комнаты. Да, он достоин всеобщего презрения, именно из-за него сорвалось восхождение, и он готов сегодня испить горькую чашу провинившегося до дна. Там, в лагере, у подножья горы, он сказал всем, что прочнейший нейлоновый канат не взял им по рассеянности: забыт дома на полу в коридоре. Тогда кто-то из ребят сказал, что он лучше бы себя оставил дома. Обидно. Но самое обидное

то, что с канатом его «проколол» родной отец.

Вечером, перед отъездом, Мишка засиделся допоздна: собирался, шил, стирал, вот отец и шуганул его спать, сказав, что сам соберет рюкзак. Как было не довериться ему — опытному туристу? А утром — снежка, бутерброд в зубы, рюкзак на плечо и вперед.

Ну и что говорить Мишке сейчас? Валишь все на отца? Нет, преподаем он никогда не был, к тому же, если он расскажет сейчас, как все произошло на самом деле, то вина его, а это подсказывало Мишке его чутье, не уменьшится, только возрастет. Переложил ответственность на другого, не проверил, подвел группу да еще вроде как старается свалить все с большой головы на здоровую. Нет уж, пусть останется все как есть, хотя отец учит всегда говорить правду, чего бы это ни касалось. Эх, его бы на мое место! — думает Мишка, пытается разрешить для себя поистине гамлетовский вопрос.

За окном, громко каркая, поднимается с дерева в небо стая ворон. Насчитаю двадцать... нет, тридцать штук, встану и все расскажу, — решает про себя Мишка и начинает считать...

— Теперь хотелось бы выяснить некоторые практические моменты, механику школы, скажем так. Допустим, я хотел бы пройти курс обучения в вашей школе экологического выживания. Что для этого нужно и как это будет выглядеть? Существует ли возрастной ценз для курсантов?

— К нам могут обращаться все желающие, не младше двенадцати лет. Вы пишете письмо-заявление и отправляете его нам по адресу: 620026, Екатеринбург, Луначарского, 217, «Семейная школа».

Затем получаете от нас анкету, заполняете и посылаете ее вновь. Мы обрабатываем эти анкеты и на этой основе формируем группы.

На первом этапе небольшие, 2—3-дневные походы чередуются с семинарскими занятиями. Идет так называемая притирка.

Далее сложность походов возрастает от 1-й до 5-й категории.

И, наконец, третий этап: походы и экспедиции 5—6-й категорий и выше, включающие в себя элементы специальной подготовки, такие, как десантирование с самолета и вертолета, встречи с крупными дикими зверями, длительные одиночные тренировки без запасов пищи и так далее. Все, как видите, просто.

— Да, особенно встречи с хищниками. Кстати, а как ваш метод воспринимают другие педагоги?

— Тут вот какая штука: школьный курс по программе «Основы безопасной жизнедеятельности», как правило, читают бывшие военруки, пожарники, «гражданооборонщики». Мы не всегда понимаем друг друга, но это не так уж плохо. Без альтернативы мысль умирает. «Военное» и «экологическое» — эти два направления должны, активно соперничая, подпитывать друг друга. Я верю в собственную правоту, при всем том, что термин «экологическое мышление» многими воспринимается с опасением, как будто это какое-то другое, ненормальное мышление, хотя оно-то как раз и является самым нормальным.

Понимаю я и то, что опыт нашей школы, который изложен мной в учебном пособии, далеко не бесспорен. У кого-то мои соображения могут вызвать сомнения, возражения, даже нападки. Я готов к разговору. Тем более — если у читателей уже появились вопросы, то это означает ни больше ни меньше, как активное восприятие ситуации, с чем я их и поздравляю!

— Спасибо. Желая Вам лично и школе экологического выживания — выжить в такое сложное время!

Беседовал Сергей НОХРИН

**ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ШКОЛЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВЫЖИВАНИЯ**

Руководитель школы экологического выживания Г. Чурин претендует на авторство только части этих рекомендаций. Некоторые из них действительно выработаны его группами разных возрастов, другие же взяты из практики рыбаков, охотников и туристов. Но и те и другие подтверждают, что из любой так называемой экстремальной ситуации можно найти выход.

СОВЕТЫ КОСТРОВОМУ

При отсутствии мелких сухих веток для разжигания костра хорошо использовать «лапшу» из резины, срезанной с каблуков обуви.

Отсыревшие спички лучше всего сушить в волосах на голове: там наименьшая влажность.

Несмотря на особый шик разведения костра одной спичкой, гораздо надежнее действовать двумя сложенными вместе спичками, а иногда даже тремя. Вероятность успеха, особенно у начинающих, значительно возрастает.

ОБ ОДЕЖДЕ

Прежде всего проверьте наличие в одежде и обуви синтетических тканей и постарайтесь от них избавиться. Особенно опасны синтетическое нижнее белье и носки. Они с трудом пропускают влагу и поэтому накапливают пот, что ведет к замерзанию.

Сырые носки и варежки лучше всего сушить на ходу, положив прямо на живот. Это место находится дальше всего от внутренних жизненно важных органов.

Максимально утеплите голову, так как большая часть тепла человека излучается через нее.

При замерзании ног нужно обмотать их шарфом, надеть сверху синтетические носки либо просто завязать бечевкой. На сухом снегу такая «кобушь» оправдывает себя. Для перехода можно сделать лапти из коры или лапника.

СОВЕТЫ ПРИ ЗАМЕРЗАНИИ

Замерзшие руки лучше всего согреть в паху: это самое теплое место на теле человека.

Пострадавшего, который уже перестал дрожать, ни в коем случае нельзя растирать, двигать и заставлять двигаться, так как приток холодной крови с периферии к центральной зоне повлечет за собой падение температуры, охлаждение мозга и сердца. В результате может наступить так называемая «смерть при спасении». Нужно изолировать пострадавшего от холодного воздействия скал, земли и т. п., придать ему позу «ребенка в утробе матери»: колени придвинуты к животу, а руки, согнутые в локтях, к телу.

При третьей стадии замерзания с частичной потерей сознания надо развести костер и согреть пострадавшего по принципу «грелка в полный рост»: раздеть его донага и поместить в спальный мешок вместе с таким же раздетым спасателем, а лучше — между двумя спасателями. При отсутствии спального мешка его подобие сооружается из одежды всей группы, которая в это время согревается возле костра. Наибольший эффект достигается при разнополюх спасателе и пострадавшем в силу психоэмоционального возбуждения.

Велик соблазн согреться алкоголем. Но через 20—30 минут после его приема сосуды сужаются, и наступают апатия, депрессия. Обычно в этот момент требуется новая доза алкоголя, но она угнетает высшие отделы центральной нервной системы. Поэтому от нее необходимо отказаться категорически, пострадавшего занести в теплое помещение, а при здоровых сердце и легких нагрузить его физической работой.

Оптимальным вариантом использования алкоголя является «таежный грог» (2 столовые ложки спирта на кружку крепкого чая).

СОВЕТЫ ПРИ ТРАВМАХ, ОБМОРОЖЕНИЯХ И ОЖОГАХ

При полном отсутствии дезинфицирующих средств

можно использовать человеческую мочу: либо отвар пихтового лапника.

При механических травмах можно использовать вместо мази пихтовую смолу. Добыть ее несложно даже при отсутствии ножа. На сером, гладком стволе пихты имеются вздутия размером 3—5 мм. При легком надавливании оттуда выступает капля жидкой смолы. Менее эффективно, но также возможно использовать сосновую, еловую и кедровую смолы.

СОВЕТЫ ПРИ ПОПАДАНИИ В ХОЛОДНУЮ ВОДУ

При попадании в холодную воду не сбрасывайте лишнюю одежду, если она позволяет вам держаться на воде: даже промокшая, она частично защищает вас от охлаждения.

Не переворачивайтесь на спину и не принимайте горизонтального положения, старайтесь держать сухими голову, шею и лицо. Лучше принять позу «эмбриона». В таком положении человек может продержаться в воде с температурой — 10° около 4-х часов, в то время как с раскинутыми руками — только 2,5 часа.

Плыть к берегу в такой воде целесообразно только в том случае, когда до него не более километра.

Из ледяной воды в первую очередь надо вытаскивать мужчин, так как в силу строения внешних половых органов холодовой шок у них наступает быстрее.

СОВЕТЫ ПО ПИТАНИЮ

При невозможности найти пищу лучше голодать, чем тратить силы на ее поиск.

Гарантию выживания дают грибы, съедобные корни, шишки, сосновые, березовые, ивовые и другие почки. Соль помогает преодолеть отвращение при их многократном употреблении, поэтому она — необходимый элемент в походе.

Изучайте

всемирный язык

ЭСПЕРАНТО

Круглогодичные курсы

при Российской

эсперанто-ассоциации

620077, Екатеринбург-77, а/я 67

Брюква издавна считалась у нас кормовой культурой. Корнеплоды ее крупны, однако жестковаты — считалось, что только для скота и годятся! А между тем в XVII веке философ П. Шаррон в трактате «О скромности» не без юмора (но и с немалой долей справедливости) утверждал, что настоящий француз предпочитает всем овощам брюкву, как самый нежный, полезный и питательный продукт, а остальное... вредно галльскому желудку. С незапамятных времен разводят ее в Скандинавии. А в Шотландии этот корнеплод выращивают сегодня на большей площади, чем картофель. Его убирают на исходе лета — хотя корнеплоды тогда и не столь велики, зато вкус их приятен, нежен, а загруженные в хранилища, они великолепно сохраняются до весны.

Ученые установили, что овощ этот (являющийся гибридом репы и капусты, а по иной точке зрения — созданный на основе скрещиваний сурепицы и турнепса с видами капусты) весьма полезен и питателен: содержит ценные белки, сахара, каротин, в особенности же богат витамином С, который, в отличие от других культурных корнеплодов, у брюквы почти не разрушается при хранении, варке и жарении. А по концентрации минеральных веществ она превосходит даже белокочанную капусту. Как пишет большой знаток овощных растений О. Ольгин, в войну, в недород целые деревни и уезды России держались только благодаря брюкве.

Наши предки, как видим, знали истинную цену этому корнеплоду. В Россию брюква была завезена из Западной Европы в конце XVIII века. И сразу полюбилась крестьянам многих деревень: и урожайна, и питательна, и вкусом не подкачала (пикантным, с приятной горчинкой). В те времена предпочитали брюкву парить или жарить. Приготовить такие блюда легко можем и мы.

Брюква жареная. Корнеплоды нарезать ломтиками, посолить, обвалять в муке, обжарить. Затем поместить в духовку, где и держать до готовности. Жареную брюкву хорошо также запечь с яйцами или со сметаной. На 250 г брюквы берут 20 г муки, 20 г топленого масла, 50 г сметаны, зелень и соль по вкусу.

Брюква пареная. Корнеплоды, разрезанные на крупные куски, положить в кастрюлю или «утятницу», налить туда немного воды и поставить в духовку. После готовности брюкву посолить, выложить на блюдо и заправить маслом или сметаной.

Увы, к середине XIX века площади, занятые под брюкву в крестьянских наделах, резко поубавились.

Раздел ведет
Александр СЕМЕНИН

БРЮКВА

Вызвано это было повсеместным распространением картофеля. С тех пор и ютится она сиротливо на задворках редких усадеб, а чаще всего и вовсе игнорируется огородниками. И совершенно незаслуженно. К уже упомянутым достоинствам этого овоща добавим еще одно: в разные годы и при любой погоде дает он высокие урожаи. Так что обязательно найдите в огороде для брюквы место! А тем, кто пожелает разводить ее, мы советуем: 1) в условиях Среднего Урала и севернее брюкву лучше выращивать рассадным способом (посев семян — в конце марта); 2) растение хорошо развивается на достаточно увлажненных некислых (т. е. неторфяных) почвах; 3) не переносит избыточного азотного питания (не увлекайтесь подкормками коровяком, не вносите свежий навоз!) и, наконец, 4) более нежной и сладкой брюква становится после калий-натриевых подкормок (печная зола, калийная селитра, поваренная соль — все вносится в умеренном количестве, 2—3 раза за сезон).

Еще несколько вкусных блюд из брюквы, думается, сделают вас активными сторонниками этой недооцениваемой культуры.

Брюква с творогом. 300 г творога разотрите с солью и сахаром, добавьте 1/4 стакана молока. Средних

размеров брюкву очистите, натрите на крупной терке и смешайте с получившейся творожной массой.

Брюква тушеная. Брюкву очищают, нарезают ломтиками и слегка обжаривают на маргарине или сливочном масле, затем укладывают в кастрюлю и добавляют туда немного мясного бульона или воды и тушат на медленном огне. Готовое блюдо перчат, солят или посыпают сахаром (уж кому как нравится).

Гречневая каша с брюквой. 500 г очищенной брюквы трут на крупной терке, затем выкладывают на сковородку и жарят на сливочном масле или маргарине. 300 г промытой гречневой крупы перемешивают с жареной брюквой и заливают 1,5 литрами молока. Варят, пока каша не загустеет.

А еще брюкву используют в овощных супах, добавляют в пшенную кашу, запекают с картошкой в сметане, едят в сыром, квашеном и маринованном виде. Сырую брюкву полезно давать детям для укрепления зубов... Одно следует помнить: овощем этим не надо сильно увлекаться при желудочно-кишечных заболеваниях. А так — кушайте на здоровье!

Рисунок
Николая Мооса

Злые духи — спутники перестройки?

Как известно, в Китае реформа социализма началась значительно раньше, чем у нас — в конце 70-х. И параллельно с ней — поразительно знакомые процессы.

Как пишет известный китаевед Владимир Зотов (журнал «Иностранная литература» № 8 за 1990 г.), в 80-е годы в Китае появилось вдруг огромное количество шаманов, ведьм, прорицателей, гадалок. Они приобрели необычайную популярность. Население обеспокоено проблемой злых духов. Средства массовой информации сообщают о трагических происшествиях. В одной деревне сошедшую с ума женщину муж привел к местному шаману, который принялся изгонять духов сгнем. Пациентка живо сгорела. В другом случае какой-то чиновник, обеспокоившись свалившимися на него неурядицами, решил избавиться от духов с помощью ручных гранат и подорвался в собственном доме...

Так может быть, злые духи — неизменные спутники любой перестройки?

А. ЮРЬЕВ

Еще о 13

Что и говорить, немало есть людей в наше время, которые к числу 13 если и не относятся с суеверным страхом, то во всяком случае — с неприязнью и осторожностью.

Но вот в США существует клуб, члены которого вчетверки стараются убедить своих соотечественников в смехотворности различных предрассудков. Например, в части «несчастливого» 13. Собираясь на товарищеский ужин, они накрывают на каждом столе 13 приборов, тринадцать булок разрезают на 13 ломтей, 13 раз произносят тосты. 13-го числа каждого месяца разбивают 13 зеркал. Если пятница приходится на 13-е, собираются вместе на «симпозиум» и приносят с собой 13 черных котлов. Приводят они и исторические примеры. Скажем, говорят, что известный немецкий композитор Рихард Вагнер родился в 1813 году, закончил школу в 13 лет, написал 13 опер, 13 раз влюбился, а его имя и фамилия в сумме состоят из 13 букв (в немецком написании). И что все это отнюдь не отразилось на его судьбе.

В. РОЩАХОВСКИЙ

А помните ли вы, читатель, свой Праздник Букваря? Я, например, не помню. Не помнит его и моя дочь — третьеклассница, при всем при том, что ее от этого дня отделяет срок куда меньший, чем мои двадцать три года. Не хочу критиковать наших первых учителей — может, и не только они тут виноваты — но факт остается фактом: он так и не стал для нас одним из тех детских впечатлений, которые живут с человеком всегда и нередко помогают ему в трудных ситуациях оставаться самим собой, выжить.

Хотя, вероятно, мог бы стать. Ведь, если вдуматься, событие это — едва ли не одно из самых важных в жизни. Первое соприкосновение с учебником. Приобщение к азам Знания, азам Слова, которое, как известно, было — в начале...

А вот многие из учеников екатеринбуржца Григория Михайловича Некрича наверняка сохранили в памяти свой Праздник Букваря по сей день. Потому что это был действительно Праздник: с большим красочным вернисажем, захватывающим рассказом об истории нашей письменности и о том, как читают и пишут в дальних заморских странах... Благодарны ему должны быть не одни ученики: посетители нескольких выставок, устроенных им в городе, слушатели лекций, с которыми он до сих пор выступает в свои 66 лет.

Григорий Михайлович — учитель более чем с сорокалетним стажем. И еще у него есть хобби: собирать буквари. Самые разные. Букварей у него уже — полторы сотни с лишним. О них-то перед началом нового учебного года мы с ним и говорили.

— Григорий Михайлович, с чего началась ваша коллекция? И почему именно буквари, а не, допустим, археологические редкости? По образованию ведь вы историк...

— Коллекцию я начал собирать в 1974 году, когда у нас в стране, да и не только у нас, отмечалось четырехсотлетие первого русского печатного букваря, созданного трудами великого просветителя Ивана Федорова, больше известного как первопечатник. Само его имя и деятельность — уже неотъемлемая часть истории, а эпопея с возвращением одного из федоровских букварей на родину (их было несколько, современные копии двух из них у меня есть) не менее интересна, чем биография других уникальных исторических находок. Появился он в 1574 году на Украине, и один из экземпляров какими-то судьбами попал в Италию, в семью торговца, где хранился больше трех с половиной столетий. В тридцатых годах нашего века, не знаю уж, почему, семья начала распродавать свои ценности, в том числе и букварь. Кстати, когда готовился аукцион, в Советский Союз сообщили, что он будет продан. Но

ИСТИНЫ ИЗ АЗБУК

в то время, увы, в большем почете были станки, чем культурные ценности. Момент упустили. Букварь купили американцы и поместили в Библиотеку Конгресса США. А перед знаменательной датой — четырехсотлетием — напомнили о наличии в ней такого экспоната, проявив, по-моему, высшую степень порядочности — с учетом наших тогдашних отношений. И не просто напомнили, а разрешили сделать копии, по которым в Союз издали две прекрасные книги.

Так вот, узнав обо всем этом — а тогда, в 74-м, я учительствовал в городе Артемовском, — я, конечно, первым делом поделился узанным с учениками, и одновременно загорелся идеей собрать такую коллекцию. Увлечение, родившееся на волне эмоционального всплеска, не прошло до сих пор.

Почему буквари? Да потому, что это — основа основ. Букварь присутствует в любой грамотной семье, сопровождает жизнь каждого, и может быть, является той единственной объединяющей нас, говорящих на одном языке. А кроме того, уже в то время я начал мечтать о собрании букварей не только русских. Я ставил перед собой цель познакомить своих учеников с многообразием письменностей всего мира. Сейчас порядком затаскали словосочетание «интернациональное воспитание», но я считал, и сейчас считаю, что постараться научить хотя бы немного понимать другой народ, его культуру, его боль — долг учителя...

— Но, раз уж первым здесь

прозвучало имя Федорова, давайте сначала договорим о русской части вашего собрания, тем более что она наверняка располагает к размышлениям о наболевшем. Сегодня сплошь и рядом слышишь: «великий и могучий» наш умирает, всеобщий ликбез не прививает даже элементарных языковых навыков. И хотя, с другой стороны, похоже, нигде в мире по-прежнему не ищут и не читают больше, чем в России (чего и как — отдельный вопрос), в значительной степени обеспокоенность эта закономерна. Так, может, все дело в букварях, в самом способе начального обучения языку, чувство которого либо возникает, либо нет уже в раннем возрасте? Чем полезен тут может быть опыт предков?

— Если говорить о том, что теперь называют методикой обучения — по-моему, здесь мы ушли далеко вперед. Откроем букварь Федорова. По нему ученик, во-первых, должен был изучить полный алфавит: «Аз, буки, веди, глагол, добро...», наверняка потратив не один день. Во-вторых, он осваивал его назубок от конца к началу. Дальше приступал к слогам — двухбуквенным: «ба, ва, га, да...», «бу, ву», трехбуквенным — «бри, бро», и так далее — до самого сложного. И лишь после всего этого переходил к словам, текстам. Овладение азбукой занимало два-три года. И, надо заметить, Федоров далеко обогнал свое время, будучи не только первопечатником, но и великим педагогом. Свою систему он внедрил в начале четвертой четверти шестнадцатого века. И по ней же изучали церковно-славянский язык в церковно-приходских школах конца девятнадцатого! За три столетия — практически ничего нового. Сегодня же, даже если семилетний ребенок приходит в школу, не зная ни единой буквы — к середине декабря он знает их все. Больше того. В Болгарии разработана методика, по которой алфавит осваивается за месяц — и я не думаю, что за счет потери качества. Скорее всего, не прижилась она по причине сложности для учителя.

Но ведь способ обучения — это далеко не только одна техника, сумма сугубо практических приемов. Это еще и определенный уровень подачи знаний, их отбора: какие нужны прежде всего, какие — позже... Для крайне восприимчивых первоклашек это очень важно. И вот тут предки нам — первые советчики.

— Вы, вероятно, имеете в виду чрезмерную за-идео-логи-зированность наших букварей (тьфу, слово-то какое! — ребенку и не выговорить...). Она действительно бросается в глаза. Вот в первой школьной книжке моей дочери я насчитал четыре портрета Ленина и один Маркса. Ее ровеснику из прошлых веков, наверное, ничего

подобного и во сне не могло при-
сниться...

— Идеологию, конечно, лишку — особенно если учесть, что дети наши по сей день обучаются по «советскому социалистическому» букварю, хотя времена изменились — иного пока нет. Но это еще не самый большой минус. Будем объективны: если сегодняшний школьник явно перегружается вождями и альмами знаменами, то его «дореволюционный» ровесник испытывал не меньшее давление другой идеологии — религиозной. В его букваре о боге речь на каждой странице. Хочу, чтобы вы меня правильно поняли: я не против религии, хотя сам и атеист. Но представим себе, что такой букварь взял в руки, предположим, татарский мальчик, которому тоже необходимо выучить русский... Разве это не навязывание православия?

Гораздо ценнее, поучительнее старые учебники для нас другим. В моей коллекции — не только собственно буквари, но и учебные книги, содержавшие раздел «азбука» из тех времен, когда учебников на всех не хватало. Это, например, «Российская грамматика» Михаила Ломоносова, «Юности честное зерцало», получившее распространение при Петре I... В последней — целый кодекс поведения молодого человека в обществе: как вести себя за столом, в людном месте и так далее. Ее очень интересно читать, и наверное, она не устарела и по сей день. Или возьмем буквари Льва Толстого. Зачем сочинял он эти свои с виду простенькие, но по сути очень мудрые истории о том, почему нельзя красть, нужно быть добрым, жалеть животных, вообще все живое? Великий гуманист отлично понимал: давая детям азы грамоты, обязательно надо преподавать и уроки самых главных общечеловеческих ценностей, с первых шагов растить человека не только цепким умом, но и нравственным, что, может быть, еще более важно. В современных же букварях таких уроков минимум... Нельзя не сказать и о другом серьезнейшем, в сравнении с предшественниками, их недостатке. Почему бы в русском букваре хотя бы несколькими словами, в элементарной доступной форме не обмолвиться об основателях славянской письменности Кирилле и Мефодии? Напрочь отсутствуют в нем и важнейшие события русской истории — Куликовская битва, например, или Бородинское сражение. Мало того — наш первоклассник раньше узнает о писателе Сергее Михалкове (кстати, одном из авторов букваря, скромностью отнюдь не страдающем...), чем о Дмитрии Донском! А ведь это все — первоочередные вещи, они должны входить в ребенка, что называется, с молоком матери, если мы

хотим видеть наших детей настоящими гражданами, патриотами — разумеется, в нормальном, порядке подзабытом, а не «квасном» значении этих понятий.

— ...А пока российский школьник имеет все шансы решить, что алфавит придумал Михалков. Действительно, редко кому выпадает такая честь... Григорий Михайлович, скажите, а есть ли какие-то еще, кроме названных, особенности у наших, отечественных букварей, отличающие их от подобных изданий из других стран? Можно ли судить по букварю о каких-то национальных чертах того или иного народа, его своеобразии?

— Ну, прежде всего, букварь позволяет судить об уровне благосостояния страны, в которой он выпущен, или точнее — о том, какую часть средств она может уделить подрастающему поколению. Взгляните на индийский букварь. Простой народ в Индии живет довольно бедно, есть масса других, на взгляд правительства, видимо, более важных проблем, чем образование — отсюда и качество: совсем нет цветных иллюстраций, одна обложка красивая. Другое дело — Марокко, богатая африканская страна. Букварь яркий, красочный, такой приятно в руки взять. Среди лучших по полиграфическому исполнению, оформлению в моей коллекции чешский «Слабикар», что переводится на русский как «Слабачок», польский «Элементар», букварь из Финляндии... И в этом отношении наши буквари (то есть, конечно, бывшего СССР) далеко не из последних. А некоторые вообще выше всяких похвал. Так, белорусский букварь, великолепно оформленный художником С. Ковалевым, получил в 1977 году на книжной выставке в Лейпциге золотую медаль — и получил по праву. Тот же художник, кстати, проиллюстрировал русскую «Сказочную азбуку», лучше которой, по-моему, трудно придумать подарок для малыша. Отлично сделан первый учебник для ядужских детишек. Так что будем справедливы: по «художественной», так сказать, части, да и не по одной этой, СССР отнюдь не отставал и от других держав. Что же касается национальной неповторимости, то с этим гораздо сложнее. Главное в букваре все-таки не картинка, как бы ни были они важны, а — буквы. Буквы же в букварях, изданных для самых разных по происхождению, вероисповеданию, традициям народов очень часто одинаковые: славянская кириллица. Я беру в руки таджикский букварь и, не зная языка, не вникая в смысл — могу его читать. То же самое — с узбекским, казахским, с азербайджанским, туркменским... Да что там — монголы перешли на кириллицу! А ведь культура, предположим, боль-

шинства мусульманских народов — великая культура — началась с арабского. Арабской вязью писались научные труды, памятники литературы, истории... И ни о чем этом современные дети Средней Азии теперь не имеют представления. Таковы плоды сталинской «национальной политики», а по существу — культурного геноцида 30-х годов. Вдумаемся: из всего национального многообразия этой гигантской страны традиционную письменность сохранили не более десятка народов, остальным была навязана чужая. Сколько за последние 50 лет выросло людей, оторванных от родной многовековой культурной почвы! Думаю, что нынешний «парад суверенитетов» — во многом реакция на эту деятельность прежних властей. И то, что происходит в Средней Азии — и их «заслуга». Недаром некоторые народы сейчас вновь меняют начертания букв.

Вот чем, по-моему, прежде всего отличаются советские буквари от иностранных. Мы преподавали всему миру страшный урок «культурной уравниловки», повторить который, видимо, вряд ли кто решится.

— Значит, коллекция ваша имеет прямое отношение не только к истории и культуре, но и — к политике...

— И между прочим, как показывает опыт, может иметь отношение гораздо более близкое. Один мой коллега по увлечению, с которым мы перепишемся, ведем обмен много лет, латыш Юрис Цибулис, сделал за это время политическую карьеру — стал депутатом Верховного Совета Латвии. Думаю, не без помощи своего хобби. Ведь вопросы родного языка, письменности у них сейчас первоочередные.

— Много ли у вас таких партнеров по обмену, переписке? Вообще, трудно ли собирать буквари? Как вы это делаете?

— Партнеров не так много, но есть. И при всем при том без ложной скромности скажу: по моим подсчетам, к востоку от Волги моя коллекция самая сильная. А может быть, и во всей России. Определенно опережает один Цибулис.

Собирать буквари непросто. Сложнее, чем любые другие книги. По ним ведь учатся маленькие дети, после которых редко что сохраняется в целости. В прежние времена за недостатком учебников букварь переходил от старшего сына к среднему, от среднего — к младшему, а иногда — через несколько поколений. Сами понимаете, что от него оставалось. У нас лет пятнадцать назад правительство решило: оставлять букварь каждого ученика в семье, в знак того, что в стране появился еще один грамотный человек. Не знаю, будет ли решение выполняться и дальше...

Пополняют мою коллекцию родные, друзья, знакомые — почти всегда бескорыстно, из человеческого сочувствия к моей «болезни». Когда кто-то из них собирается за границу — знает, что кроме букварей, других подарков мне не нужно. Так появились у меня северо-корейский, сербский, другие «экспонаты», и даже экзотический букварь маленького африканского племени бамбара, живущего в Мали.

Ну и, кроме того, я часто встречаюсь с ребятами и взрослыми; провожу беседы — чувствую, что это интересно самым разным аудиториям. И знаете — практически ни одна такая встреча не проходит без пользы, в том числе и для коллекции. Люди загораются, задают вопросы, вспоминают, что что-то такое где-то видели, приносят завалывшиеся на пол-

ках книжки... А однажды произошел случай, которым могу гордиться и как педагог, и как коллекционер. В свердловской школе № 102, где работал директором, шел выпускной вечер. И вдруг ко мне в кабинет постучался коренастый мужчина. Присмотревшись, я узнал его: это был Исаков, учившийся у меня еще в пятидесятых годах в Артемовском. И теперь его дочь заканчивала 102-ю. «Григорий Михайлович, я уезжаю в Монголию, — сказал он. — Что вам от туда привезти?» «Конечно же букварь», — ответил я. И теперь в моем собрании имеется монгольская книжка — подарок семьи, два поколения которой я учил...

Интервью взяла
А. ПОНИЗОВКИЯ

КАК ЗНАЧИТЕЛЬНО УМЕНЬШИТЬ ВЫПЛАТЫ НАЛОГОВ

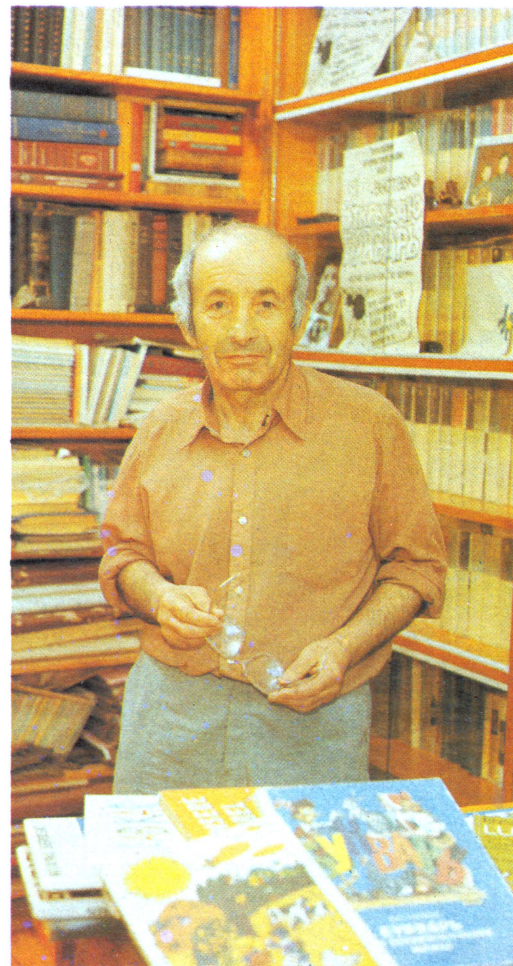
на добавленную стоимость, на прибыль, с физических лиц и платежи в пенсионный фонд на совершенно законных основаниях, используя новую систему затрат, порядок определения финансовых результатов и другие возможности (рекомендации).

Коллектив авторов. Научный руководитель — профессор Рагозин Б. А., зав. кафедрой налогообложения Московской экономической школы.

Законы РФ и инструкции Государственной налоговой службы России.

2 т., 412 с., цена — 970 руб. без НДС. Предоплата на р/с 2461349 в КБ «Гагаринский», Москва, МФО 201315, «Информ-Москва». На платежном поручении укажите свой адрес и назначение платежа — покупка авторских прав на книгу. Отправка — незамедлительно. Покупателям бесплатно высылаем комментарии по всем вносимым в 1992 году изменениям в налоговое законодательство РФ. Организованы курсы и консультации по налогообложению.

Тел. (095) 113-33-22, (095) 372-85-07, (095) 177-28-80, телекс 411700 WELLA, факс (095) 292-65-11 WELLA, 113149, Москва, ул. Азовская, 6, корп. 1

Слайды В. Донецкого

012 80
русский

